

18+

ЕГОР МАЙНДЕР

Точка Скольжения

АРХИПЕЛАГ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Егор Майндер

**Точка Скольжения.
Архипелаг. Часть первая**

«Издательские решения»

Майндер Е.

Точка Скольжения. Архипелаг. Часть первая / Е. Майндер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832579-3

По окончании Континентальной Войны статус Международной надзорной организации получают Интернациональный Вооружённые Силы — созданные из Ордена Чистых Посвящённых, людей, решивших поставить свои экстраординарные способности на службу миру и процветанию всей Эмиадии. Но — сменяется поколение, и кажется, что те, кто некогда были арбитрами в мире, захотели большего? Или виной всему группа отщепенцев — Падшие, кто не принял идеалы Чистых и с самого начала попытался подчинить мир своей воле?

ISBN 978-5-44-832579-3

© Майндер Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	33
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Точка Скольжения Архипелаг. Часть первая

Егор Майндер

© Егор Майндер, 2020

ISBN 978-5-4483-2579-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

посвящается Рыси

Пролог

Эмиадия, Королевство Динджи

Экран заднего вида показывал только дым.

Ещё мгновение – и камера, дающая изображение, не выдержит температуры, расплавившись в пламени пожара. Мигает красными индикаторами добрая половина правой панели, отвечающей за состояние узлов и агрегатов, назойливо пищат сигналы аварийной тревоги, и в такт им бешено колотится сердце.

На передней приборной доске – экран состояния показывает красным светом весь хвост, лопается от сменяющихся надписей:

«Отказ изменения вектора тяги»

«Утечка топлива из левого бака»

«Отказ рулей горизонтали»

«Отказ рулей вертикали»

«Критическое падение оборотов правой турбины»

«Падение давления в системе гидравлики».

И, наконец, главная.

«Пожар в левой турбине».

Авиалёт падал, сбитый, и правая рука уже ныла от напряжения, оттягивая штурвал на себя, машинально, рефлекторно. Ведь особо верить надписям не приходилось – датчики борткомпьютера не разумны, а попросту логичны: срабатывание на определённом пороге состояния и надпись, вызванная этим срабатыванием. Нет сигнала на оборванных проводах, вот и пишет «отказ».

На самом деле – никакой не отказ, это хвост отсутствует напрочь.

Экран вида вниз показывает стремительно приближающуюся землю, левая рука лежит на рукояти управления положением закрылков – и тоже на себя, до отказа, машинально, рефлекторно. Закрылки тормозят полёт, увеличивают подъёмную силу крыльев, дают шанс на выживание.

Дотянуть туда, вперёд, где спасение – гигантская ромбовидная рамка Генератора Точки Скольжения уже рядом, виднеется впереди, и аппаратура уже включена: дважды просить диспетчера не пришлось – он человек военный, сам понял, что к чему.

Рука так и чесалась дёрнуть рычаг катапульты – несложный такой жест, красная рукоять слева-снизу кресла, движение на себя – и всё, вот он, казалось бы, выход. Но пилот сбитого перехватчика понимал, что делать этого категорически нельзя: висящий на хвосте противник обязательно расстреляет и лётчика, и парашют.

Всё говорило о том, что целью врага был не просто перехват крылатой машины. Нет, приказ – уничтожить именно человека в кабине.

«Ты же знал», – сказал он сам себе, – «Знал, сколько человек хочет видеть в твоей голове дырку от пули. Знал, и позабыл об элементарной осторожности».

Так что винить в своей неудаче надо было себя и только себя, а вовсе не технику. Техника как раз не подводила: устаревший уже – хоть и модифицированный – перехватчик, знаменитая «семёрка», держался в воздухе чуть ли не чудом. Недаром считался одним из лучших в своём, лёгком, классе. Другая машина давно уже сорвалась бы в пике или штопор, но «семёрка» держалась, «семёрка» тянула.

«Семёрка» горела, но жила.

На вытекающем из пробитого бака топливе, на одной турбине, кидающей число оборотов то вверх, то вниз – подшипники разбиты ударом взрыва – авиалёт серебристой стрелой в белёсо-зелёном небе всё-таки мчался вперёд, к спасению.

За что правому двигателю, всё ж таки, огромное спасибо. Впрочем, левому тоже – вытекающее масло смешивается с горючим, летящим из форсунок в то, что осталось от турбины, и сливается в чёрный дымный шлейф, вытягивающийся назад, слепящий преследователя.

Тот и рад бы добить смертельно раненую машину, это же так просто – одна управляемая ракета, радару дым нипочём – но нет у него больше на крыльях ракет. Истрачены в равной дуэли, все, до последней, попавшей, всё-таки, в цель – той самой, из-за которой и падает перехватчик.

Можно, конечно, и закончить дело пулемётами. Вот только боезапас у прожорливых авиационных пушек вовсе не бесконечен, мало того, он ещё и израсходован почти полностью. Бить только намеренно, но шлейф дыма, бьющий прямо в фонарь, прямо в стекло кабины, ослеплял и не давал прицелиться.

Можно, конечно, и отвернуть, но при маневре неизбежна потеря скорости, увеличится без того немалая дистанция. Тяжёлый истребитель и так отставал от быстрого и юркого лёгкого перехватчика. Поэтому противник просто выжидал. Правильная тактика. Или горючее с маслом догорят окончательно – и не станет шлейфа, или «семёрка» всё-таки, рано или поздно, но ударится о землю, и у пилота не будет другого выхода, кроме как катапультироваться.

Враг, хоть и рано, но уже засчитал себе победу.

Чихнула правая турбина, едва не заглохнув, снова движение левой рукой – выровнять машину хотя бы закрылками, пока в гидравлике есть ещё масло, чтобы компенсировать просевшую аэродинамику из-за потери левого двигателя, чтобы не тянуло влево, чтобы не сойти с курса.

Пилот смотрит на хронометр на главном экране навигационного компьютера – до Генератора каких-то сорок тарнов лёта. Местная единица времени, ставшая уже роднее и привычнее, чем земная секунда.

Тридцать пять. Засвистела правая турбина, вышла на рабочие обороты, правило гироскопа всё-таки поставило вал по центру разбитых опорных подшипников. Добавился красный огонёк на правой панели – всё.

«Нижний уровень в масляном баке».

Шлейф становится тоньше, сейчас остатки масла из системы вытекут наружу окончательно. Скоро начнёт греться правая турбина, трение расширит металл вала, а подшипники... Бешено колотится сердце. Рука ноет на штурвале от напряжения, машинально, рефлекторно оттягивая его на себя, словно хвост ещё есть, словно ещё можно управлять полётом. Но...

«Где вы, времена войны в Архипелаге? Где вы, времена войны с Королевством? Тогда бы такого не случилось».

Без постоянной практики мастерство теряется, что бы там ни говорили. Уже не получается слиться с крылатой машиной в единое целое, почувствовать её, как часть себя. Притупились рефлексы, замедлилась скорость реакции.

Тридцать тарнов до цели. Правая турбина снова чихнула, загудела на низких тонах упавших оборотов, и... И заглохла.

Тишина. Свист воздуха, прорывающийся даже сквозь динамики шлема, сквозь корпус, сквозь стекло фонаря кабины.

Пальцы лихорадочно пробегают по клавишам пульта в попытке запустить заглохший двигатель. Эффекта ноль.

– Давай, ну давай, ну прошу, родная!!! – в голос закричал пилот, чувствуя, как начинает заваливаться вперёд нос теряющей скорость машины. И турбина, словно услышав его просьбу,

всё-таки дохнула пламенем, взвыла, набирая обороты, раскрутилась, дёрнула перехватчик вперёд.

Двадцать тарнов.

Уже видно истинные, исполинские масштабы Генератора. Эта Точка – межконтинентальная, связывает Милеор и Геллию, пропускает крупногабаритные суда тяжёлого класса. Без Скольжения из-за масштабов планеты и условий на ней станет просто невозможной международная торговля. Цепи подводных вулканов очень активны, дно часто трясёт, и цунами тут не редкость. Два спутника, идущих по орбитам в плоскости эклиптики, но на разной высоте, когда их притяжение складывается, нагоняют приливную волну высотой с девятиэтажный дом. В таких условиях о прямых морских перевозках можно забыть. Или – и вовсе не знать, что для здешних жителей будет вернее. Только от берега к берегу, бесконечной цепочкой перевалок грузов и пассажиров.

Неудивительно, что воздухоплавание быстро вытеснило судоходство, а Скольжение сократило торговые маршруты в разы. Для того и нужна здешняя Точка.

Даже с такого расстояния видно, как четыре молнии сошлись, дрожа, в центре гигантской рамки и сверкают ярче, чем дуга электрической сварки.

Стоит войти в это сияние – и за мгновение преодолеешь огромное расстояние, появишься из другого такого же ромба, но в другом полушарии, на другом континенте. А вот висящий на хвосте враг никуда не попадёт – диспетчер просто выключит питание, и Точка закроется, исчезнет – а преследующий истребитель останется здесь, просто пролетев сквозь рамку из металла.

Только сейчас пилот увидел, что камера заднего вида всё-таки погасла. Ожидаемо, впрочем, как и вот эта рябь изображения на радарах от готовой к открытию Точки.

Пятнадцать тарнов.

Висящий на хвосте враг тоже увидел помехи. Работающий радар перехватчика показал – противник меняет курс, обходит шлейф дыма, превратившийся уже из широкого пучка в узкую струю. Вытекло до конца масло, догорело топливо, выгорела краска там, где металл лизали языки пламени, прижатые к корпусу встречным потоком воздуха.

Колотится сердце, и только сейчас руки разжимают бесполезные теперь рукояти – гидравлики тоже больше нет, машина уже окончательно неуправляема.

Справа вытягивается строчка пулемётного огня, далёкая, рассеянная. Пилот улыбается – боезапас у противника на исходе, стрельбой наугад не попасть. Да и попадать, собственно, уже не во что – даже если сейчас заглохнет правая турбина, по инерции, планируя, перехватчик дотянет до Точки Скольжения.

Десять тарнов. В наушниках раздаётся голос диспетчера Генератора – словно разговаривает он не с пилотом падающей машины, а капитаном мирно идущего себе в порт Лангеса сухогруза. Спокойно, дежурным тоном – мол, вас вижу, Точка открыта во входном режиме. А курс не могли бы подкорректировать?

Ага, конечно, было б, чем...

Снова писк, трель сигнала тревоги – что у нас там? Срабатывание датчика температуры в правой турбине, смазка не поступает в подшипники, трение нагрело вал до опасных значений. Это всё уже не важно, рука ложится на рычаг катапульты.

Ещё строчка пуль, на сей раз под брюхом – нет, далековато для пулемётов, вряд ли попадёт. Также не важно. Или... Или? Пули крушат окружающую Генератор аппаратуру, прямо впереди брызнуло искрами, на экране вида вниз, на фоне стремительно приближающейся и уносящейся назад земли видно, как полыхнул один из преобразователей. Противник разгадал замысел пилота.

Пять тарнов.

Верхняя молния сверкнула, стала тоньше, даже прервалась на миг. Катапультироваться на входе в Точку смерти подобно – магнитное поле такое, что металлическое кресло вместе с пилотом просто скрутит в комок. Если Точка закроется в аварийном режиме, до касания с поверхностью останутся какие-то мгновения.

«Неужели?» – пронеслась паническая мысль.

Четыре тарна. Верхняя дуга разряда – молния, вернулась, засверкала, слегка притухнувшее сияние снова слепит. Потемнело фотохромное стекло лётного шлема, спасая глаза от этого яркого света.

Три. Отказ правой турбины. Рамка ромба выросла вокруг, и потянуло липким, вязким туманом, который то ли на самом деле существовал, как аномалия Скольжения, то ли был просто иллюзией.

Два. Туман скрыл всё вокруг, даже приборы на щитке на расстоянии вытянутой руки было невозможно разглядеть. Но, при этом – никакой это не «туман», не взвесь испарённой влаги. Что-то иное, что-то...

Авиалёт вошёл в Скольжение.

Один. Белая пелена перед глазами вспыхивает крошечными – с подушку большого пальца – пятнами всех возможных цветов, от спокойных тонов радуги до совсем уж кислотных оттенков, от снежно-белого до непроницаемо чёрного. И – миг – пятна срываются в бешеной пляске назад, сливаются в сумасшедшее вертиго света, фантасмагорию цветов, кошмар сошедшего с ума художника.

А в центре одно из пятнышек приобретает зелёно-голубой окрас, начинает расти – это мир на другом конце Скольжения.

Здесь искажалось время. Бортовой хронометр отсчитывал тарны, но для сторонних наблюдателей – скажем, диспетчеров на Генераторах входной и выходной Точек, проходил какой-то миг. Если бы один отрапортовал в момент входа авиалёта в Скольжение: «отправил», то второй, увидев на выходе крылатую машину, ответил бы «получил» почти сразу же. Но для человека внутри авиалёта время проходило.

И – что-то шло не так. Чем больше расстояние между Точками, тем дольше длится нахождение в этом «внепространстве», но сейчас, по мнению пилота, процесс затянулся. Пятнышко – окошко в мир на другом конце – росло как-то слишком медленно, слишком долго. Или это всё субъективно? Сколько раз замечал, что в момент опасности, в мгновения боя время словно замедляется. А что – случай сейчас подходящий.

Или и вправду – Скольжение слишком долго длится? Пронеслись рывком пятна, пропали, снова – туман. И резко, вдруг, словно прояснилось в глазах – возвращается мир вокруг, трель сигналов тревоги, кабина перехватчика. Авиалёт вышел из Скольжения. Рука дёргает рычаг катапульты на себя.

Что-то было не так, но времени, чтобы обдумать всё это сейчас, не оставалось: хлопок, прозрачный фонарь стекла кабины отстрелило кверху, а следом срабатывают заряды кресла пилота, выбрасывая его прочь, к спасению.

И, спустя ещё мгновение, прямо под креслом раненой птицей мелькнул в последний раз серебряный корпус перехватчика. Пилот проследил глазами – словно прощаясь – как крылатая машина врезалась в деревья, растущие на склоне сопки.

Вверх полетели ветки, куски обшивки, раздался треск. Потом – удар и грохот разбившейся машины.

«Пожара можно не бояться», – мелькнула почему-то мысль, – «Топлива-то нет».

Кресло достигло верхней точки своего взлета, замерло на секунду и стало опускаться, наращивая скорость – но как только быстрота падения достигла рассчитанной умелыми инженерами отметки, из спинки кресла взметнулись вверх стропы, и над пилотом расцвел белый купол парашюта. Кресло теперь уже не падало – оно, слегка покачиваясь, плавно опускалось.

Только сейчас пилот спокойно огляделся по сторонам и понял, что же его встревожило.

Мир. Что-то было неправильно. А вернее, слишком многое: во-первых, на восточном побережье Селлестии не могло быть деревьев и тем более сопок, во-вторых, на южном полушарии должна быть ветреная и бесснежная зима, а здесь стояло лето. И, в-третьих, это небо – не привычное белёсое с зеленоватым отливом, а чистого, без примесей, голубого цвета. Да и солнце меньше в размере, жёлтое – должно было быть и белее, и крупнее. Спустившись ниже, он увидел и четвертое – деревья. Таких пород точно не росло нигде на Эмиадии.

Всё это вкупе давало следующий вывод: это не Селлестия, и не какая-то другая страна планеты Эмиадия вообще. Это – другой мир. Выводы старика Лаикаса, которые никто не воспринял всерьёз, были верны.

Пилот успел еще раз оглядеться по сторонам прежде, чем кресло опустилось ниже макушек деревьев. Он увидел слияние двух речушек, город вдалеке и опоры высоковольтной линии. Теперь он знал, куда идти после приземления. Раз там город, значит, там люди – вот где узнаем, куда мы попали...

Догадка уже была, уже стучалась в голову, но он настойчиво её отгонял. Никакой интуиции и догадок. Только факты и логика – это вбили в него еще когда он только проходил Посвящение. Так что увидим. А пока...

А пока во весь рост встала проблема. Купол зацепился за макушку дерева, и кресло повисло на высоте в три-четыре этажа от земли. Пришлось вспомнить уроки детства, когда он мальчишкой лазил по деревьям, забираясь на самую макушку, туда, где от высоты захватывало сердце. Не зря стал пилотом – ещё с тех лет высота пьянила и завораживала его, тянула к себе снова и снова, словно наркотик. Руки и ноги не забыли ушибов и ссадин детства, чётко помня жёсткие уроки лазания по деревьям. Пилот зацепился одной рукой за стропы парашюта и повис на них, а другой расстегнул пристяжные ремни, освободившись от кресла. Повиснув обеими руками, он раскачался и ухватился за ветку, постепенно перенося вес тела на неё. Отпустил стропы. Ветка предостерегающе затрещала, но пилот уже поставил ноги на нижнюю.

Спуск не занял много времени, и вскоре пилот уже брел вниз по склону, озираясь по сторонам.

Он узнавал природу: деревья, кусты, цветы, траву. Под ногами пружинил мох, похрустывали сухие ветки, неразличимые в ковре травы. Перебираясь через стволы валёжника, вдыхая пропитанный сыростью и запахами воздух, пилот сбитой машины вдруг отчётливо почувствовал некое родство, ощущение чего-то хорошо знакомого, но забытого. Да, всё знакомо. Стояли молчаливым строем высоченные лиственницы, то тут, то там попадались невысокие мохнатые ели, тянулись ввысь стройные сосны. На ковре из мха аккуратные россыпи капель тёмно-зелёных листьев – брусника. А куст вон там, вдали, это малина. Дикая, таёжная.

Лес, огромный живой организм, был наполнен шелестом и шорохами, и – всмотрись, прислушайся – всё вокруг наполнено жизнью. Вот застучал вдалеке невидимый дятел. А там, дальше, кинулась вверх по стволу древней уже берёзы белка.

Пилот остановился, сверился по солнцу, еле пробивавшемуся сквозь густую хвою – всё верно, не свернул, не заплутал. Когда машина падала, солнце было спереди, город – слева. Значит, идём так, чтобы светило было по правую руку. Постояли? Двинули.

То и дело огибая труднопроходимые места, он шагал себе дальше. Напугав, приснул прямо из-под ног в сторону кустов какой-то шустрый зверёк, каркнула над головой ворона. Да, всё близко, всё знакомо. Не раз доводилось бывать в подобных местах, когда с отцом ходили по грибы.

Сколько лет прошло с тех пор? Стоп, а по какому летоисчислению? По какому течению времени? Здешнему или тому, что на Эмиадии? А ведь там гравитация меньше, стало быть, и времени прошло больше, гораздо больше. А с учётом разницы календарей?

Да, эти места очень, прямо очень, прямо очень-очень похожи на родные. Но пилот всё равно, даже сейчас, не верил очевидному, ибо жизнь приучила его смотреть чуть глубже, чем обычно, поэтому и находил аргументы против. Первое: принцип никогда не верить тому, что само бросается в глаза. Второе: принцип не верить в то, во что хочется верить. Надо быть готовым ко всему. Согласно тех же теорий посвятившего свою жизнь изучению феноменов скольжения Лаикаса природа не может служить точным способом осознания планеты. Старик утверждал, что все миры связаны между собой, только одни легче поддаются проникновению извне, а другие и вовсе закрыты. Природа могла быть занесена из другого мира, могла вытеснить и заменить местную. Поэтому готовиться следовало ко всему.

Итак, что в активе? Стандартный набор выживания пилота и, сверх этого, динтреи – два металлических цилиндра с кнопками возле торцов. Нажми на них – и из цилиндра вылетит лезвие в два пальца шириной и в локоть длиной.

Острое, прочное, тяжелое, заточенное с обеих сторон, оно могло и брить, и насквозь прорубать листы алюминия. На поясе помимо них висел и старый верный трофей – крупнокалиберный скорострельный пистолет. А помимо этого была ещё пара вещей, что можно отнять только вместе с жизнью, что нельзя использовать без пилота. Это были его приобретенные способности, которые можно было бы назвать сверхъестественными. Можно – если б они не были изучены вдоль и поперек, научно обоснованы и разложены по полочкам классификации. Он решил проверить их, но информационно-энергетическое поле планеты ответило как-то неохотно, а потом и вовсе перестало обращать внимание. Это было странно, это пугало – словно внезапно стал хуже видеть и оглох на одно ухо – но, как ни крути, а с этим предстояло разобраться позже.

А сейчас впереди показался просвет в деревьях: то ли поляна, то ли лес кончался вообще. В любом случае предстояло идти туда, и пилот шел. В лесу было тихо, свежо, спокойно. Даже не верилось, что вот совсем недавно над ним нависала смертельная опасность. Он подошел к кромке деревьев и увидел, что лес кончается неестественно ровной линией.

Начинавшийся за ней подлесок был одной высоты. Это говорило о том, что лес вырублен, при чём совсем давно. Пилот пригнулся и вошел в деревца подлеска, где камуфляж комбинезона полностью маскировал его. Пройдя немного, он достиг края зарослей и увидел асфальтовую дорогу, что тянулась в ту сторону, где, как помнил пилот, был город. Выйти на дорогу он не решился – черт его знает, что тут за планета, и первый контакт с жителями надо провести, будучи подготовленным. Поэтому пилот выбрался обратно в лес и пошел вдоль линии невысоких, молодых ещё хвойных деревьев, уже успевших вырасти на месте недавней вырубки.

В стройном ряду зарослей иногда попадались просветы, сквозь которые прекрасно просматривалась дорога. Пилот не спеша шёл дальше по мягкой траве, огибая тёртые, шершавые стволы. Прогулка доставляла настоящее удовольствие. Когда последний раз доводилось вот так вот, никуда не торопясь, не думая о делах и проблемах, погулять по лесу? Он не помнил такого, ибо вся его жизнь последнее время бежала в бешеном ритме, одно законченное дело сразу же порождало ещё два других. Поэтому он сейчас по-настоящему отдыхал, дышал полной грудью свежим, неподдельно живым воздухом, который бывает только в лесу. Идти было необычайно легко – то ли сказывалось настроение, то ли разница в гравитации планет, то ли атмосфера меньше давила на плечи. Спустя несколько километров пилот увидел широкий дорожный знак, из тех, что ставят на въезде в город. Макушки деревьев подлеска не позволяли разглядеть надпись, и пришлось подлесок пересечь.

От прочитанного на знаке у него перехватило дыхание. Простая надпись по-русски, но этого хватило, чтобы пилот упал на колени и, закрыв лицо руками, прошептал:

– Дома... Я на Земле... Родной город...

Так закончилась эта история.
А началась она здесь же, несколько лет назад.

Глава 1

*Россия, Восточная Сибирь,
февраль 2006*

У всего есть своё начало.

Некое событие, повлиявшее на то, что будет происходить потом. Но и у начала есть предпосылка – для того, чтобы нечто случилось, нужен определённый набор обстоятельств, событий, действий, слов и поступков. Что, опять же, заставляет задуматься: быть может, тогда предпосылка – это начало? Но ведь и у предпосылок есть своя предыстория, всё то, что было сказано, сделано, что сложилось так или иначе...

Что же тогда считать началом? Если брать цепочку из предпосылок, рано или поздно всё упрётся в рождение человека. Каждая история начинается с этого – родился, вырос, понеслось, сложилось так и вот эдак. Повлияла семья, окружение, рос в такой-то среде, воспитывался такими-то людьми.

Интересно, стал бы Пушкин поэтом, если бы не няня? Получается, что начало Евгения Онегина – это шестое июня 1799 года, когда родился Александр Сергеевич. Но мог он родиться и в семье крепостных крестьян, скажем, князей Трубецких – до стихов ли было бы ему? Вряд ли... Выходит, что и у этого начала есть предпосылка – Ганнибал, генерал и сподвижник Петра. Или Сергей Львович Пушкин, слышавший острословом и баловавшийся поэзией – не от него ли у сына Александра склонность к стихосложению?

Итак, где – начало, а где – предпосылка?

С чего начать эту книгу? Если вдуматься, началась она давно, очень давно, с черновиков в тетрадках. Она началась с Секретных Материалов и Брэдбери, Саймака и Кинга, с Роджера Желязны и Ника Перумова – или это тоже – предпосылки, а не начало? Тогда, может, начало – это девушка, встреченная мною однажды и, может быть, читая эти строки, она себя узнает и вспомнит, как показывала мне, что может управлять пламенем свечи?

Поэтому книга начинается с конца.

Но у конца есть начало, у начала есть предпосылки, и в моей встрече с человеком, рассказавшим мне то, чего не может быть, потому, что такого просто не бывает – у этого тоже есть начало, есть предыстория, есть предпосылки.

Поэтому – началом мы будем считать нечто значимое, некое событие, с которого всё и завертелось, а предпосылки, разумеется, тоже упомянем, потому как без них и начала бы не было.

Итак.

Началом был звонок.

– Алло? Егор? Егор Майндер?

– Да, я слушаю, – отвечаю я, внутренне напрягаясь немного: Майндер – мой псевдоним, взятый во времена работы на радио, чтобы преодолеть страх публики. Вроде как в эфире вовсе не я настоящий, а некий вымышленный персонаж. Если по телефону меня называли «Майндером», а не по фамилии, стало быть, звонящий мне как-то связан с моей радиопередачей. Или знаком со мной в интернете. Но тогда бы – написал, а не позвонил.

– Мы не знакомы, – продолжает звонящий, – Меня зовут Константин, просто Костя, я ваш слушатель...

По поводу передачи мне звонили редко.

– Егор, очень приятно, – представляюсь я из вежливости, – Как вам моя передача? Нравится?

– Да, нравится, но я не по этому поводу. Вернее, не совсем по этому. Видите ли, я нашёл ваш профиль и номер телефона в соцсетях – ну, по городу и по имени, это было нетрудно, понимаете. Раньше мы с вами переписывались, читал кое-что из ваших публикаций, пару рассказов. Мой ник Эргрегор, может, помните? Как-то беседовали про самолёт.

Как же, как же, самолёт... Был такой. Аэрокобра, 1942-го года, одна из тех немногих, что переправлялась по ленд-лизу по маршруту Аляска – Сибирь. Упала в тайге севернее Иркутска. Нашли наши краеведы, новость проскочила по местной радиостанции и пропала. Но мне стало интересно – не каждый день ведь такое находят! И, затребовав у краеведов фотографии, самолёт я, что называется, «пробил», насколько мог.

Итак, дальность полёта «Аэрокобры» составляла девятьсот девяносто три километра. А нашли её в тысяче двухстах от ближайшего аэродрома. И это было не первой странностью. На фотографиях – а было их много и подробных – самолёт больше походил не на тот истребитель, что поставлялся в Советский Союз, а на другой – более раннюю модель, ту, что сражалась в небе над Британией. Откуда и как она могла появиться над Восточной Сибирью?

– У меня есть кое-что, из той же серии, что и самолёт ваш... Не могли бы мы встретиться?

Мне в своё время не хватило предпосылок или обстоятельств, или какого-нибудь Ганнибала в роду – есть профессия, а есть призвание. Профессия – это то, чем зарабатываешь на хлеб, и для меня это – электротехника. Именно «электротехника», а не «электрика», как сейчас принято выражаться. Раз принято – значит, нормально. Но я, когда слышу слово «электрика», всегда поправляю: «электрика» – это девушка-электрик, а я работаю с электротехникой.

Но по призванию я, наверное, больше всё-таки журналист. Во всём нормальном мире – престижная и оплачиваемая профессия. Как врач, учитель. Но в России это не профессии – это призвания, если судить по уровню зарплат.

И вот он я – сижу в кафе, а точнее, в забегаловке под вывеской «кафе», где всё дорого и невкусно, поэтому и людей тут мало. Именно поэтому для встречи выбрано именно оно. Я сижу и жду Константина – Эргрегора, пью мерзкий кофе, согреваясь после минус тридцати градусов за окном, да поглядываю в ноутбук на коленках, который брал с собой на радио, где работал приходящим режиссёром звукозаписи. Делал рекламу с оплатой за готовые аудиоролики, да вёл свою передачу о рок-музыке – ноутбук потому и при себе, на нём тексты передач. Призвание, чтоб его, оплачиваемое занятие параллельно основной работе электромехаником.

Звонок. Жена. Сейчас будет ругаться. Она ждёт меня с работы, приготовила ужин. Она старалась сделать всё к моему приходу, который откладывается. Я потом извинюсь, и она, конечно, всё поймёт. Но она ревнует меня к работе. Она не понимает, что это – призвание. Наверное, просто ещё не нашла своё. Или нашла, и это – муж с работы вовремя, сытый, довольный, играющий с детьми...

Как ей объяснить, что эта картина – не про меня?

Константин опоздал, но появился, когда я уже собрался на выход. Я ожидал увидеть что угодно, но не милиционера. Под пуховиком, что он повесил на спинку стула напротив меня, оказались погоны старлея.

Мы знакомимся, начинаем разговор, переходим на «ты», пьём кофе. Говорим о музыке, о моей передаче, обсуждаем разные рок-команды. Чего угодно можно ожидать от милиции, кроме одного:

– Как насчёт чего покрепче?

Я пересчитываю деньги в бумажнике. Последняя тысяча и три дня до аванса – если не задержат. Надо бы отложить, сэкономить – но в этом весь я, важность момента намного значимее туманного завтра. Что-нибудь придумаем... потом.

Я согласился, ничего не понимая. Его телефон, мой ноутбук, общий коньяк и лимоны в сахаре, безвкусная обстановка, болтает радио у стойки, беспроводная передача данных и вот я уже смотрю запись с видеокамеры с ночным видением, а Костя поясняет, что я там вижу.

– Прислали в область, – поясняет он, имея в виду Областное Управление МВД, – Типичный «висяк», его закроют, скорее всего. Это – плотина, камера на крыше поста охраны. Смотри, вот сейчас, – показывает на дисплей.

В кадре – парень. Пролезает через колючку ограждения, цепляется, рвёт пуховик, но даже не обращает внимания. Спустя пару минут я понимаю, почему: увязая в сугробах по колено, подходит к краю плотины, перелезает через перила, стоит там пару минут, а затем....

Наклоняется вперёд, держась за спиной за поручни, задерживается на мгновение, и – разжимает пальцы, падает. А – следом, вдруг! – ослепительная вспышка, словно внизу кто-то работает электросваркой – и наступает темнота, словно ничего и не было. Видео обрывается.

Я поднимаю на Костю недоумевающие глаза.

– Дело веду я, – сообщает он, – Похоже на самоубийство, правда?

– Да, – отвечаю я, – Насколько могу судить.

– А вспышка на что похожа?

– Короткое замыкание, видимо. Либо сварка.

– В три часа ночи? Сварка? И потом, что можно сваривать за пару секунд? Нужно ведь больше времени. Вот ты, как электромеханик, что скажешь?

– Тогда короткое замыкание, – отвечаю я, – Плотина же, высоковольтка.

Костя кивает.

– Ну да. Похоже, что парень упал на высоковольтные провода и те замкнули. Там и вправду внизу подстанции, высота, с которой парень падал, сорок два метра. А теперь скажи: может ли тело в одежде, попав под высокое напряжение, испариться?

Я чуть не поперхнулся.

– Нет, конечно.

– Ну, а если там дуга какая?

– Однозначно нет. Понимаешь, физика – тело, ведь это, по сути своей, сопротивление на проводах. Чтобы испарить, нужны значения тока в ..., – и, видя, что он ничего не понимает, говорю попроще: – А почему ты спрашиваешь?

– Потому, – Эргрегор наклоняется вперёд и переходит на полушёпот, – Что тела *нет*. И следов внизу – *тоже* нет. Вообще. Ровные сугробы. Если бы даже тело кто-то забрал, остались бы следы, понимаешь?

Я молча наливаю коньяк, предлагаю помянуть парня – но на самом деле мне это нужно, чтоб хоть как-то привести мысли в порядок.

– Это прикол какой-то? – уточняю я.

– В том-то и дело, что нет. У тебя на страничке в соцсети полно таких случаев. Тут явная чертовщина – парень шагнул с плотины на камеру, но до земли не долетел. Кроме тебя, я даже не знаю, с кем об этом говорить. Это всё между нами, хорошо?

Я смотрю на молодого старлея и понимаю – не врёт. Переношу взгляд на дисплей, отматываю видео, пускаю замедленно, смотрю на таймер внизу проигрывателя. Вот ноги парня срываются с края. А вот – вспышка. Одна целая и тридцать три сотых секунды.

Ускорение свободного падения – девять целых и восемь десятых метра в секунду. Это значит, что за первую секунду парень преодолел десять метров до подстанций. На вторую секунду скорость должна была удвоиться, выходит, что вспышка имела место быть, когда тот не долетел до проводов метров двадцать пять.

Я открываю файл видео одним редактором. Вторым. Нет, в видеомонтаже я не смыслю совершенно, но вот звуковая дорожка... Если там есть места, где она разорвана и склеена, где в неё что-то вставлено – я их увижу. Но ничего подобного нет. Видео – подлинник.

– Вспышку видело несколько человек. Понятно, что первым делом подумали, что авария, – сказал Костя, – Но оборудование работало в штатном режиме, в журнале никаких записей о коротких замыканиях, пробоях и что там ещё? Тебе виднее, в общем. Парень оставил друзьям предсмертную записку. Вёл дневник. Там на целое уголовное дело по доведению до самоубийства можно нарыть, при том, что местная «братва» постаралась. Друзья его такого порассказали, что...

– Послушай, – перебиваю я, – На дворе у нас две тысячи шестой год. Двадцать первый век и нанотехнологии в каждый дом, сотовая связь в каждый угол. Какая, к чёрту, «братва»?

– Это у всего нормального мира двадцать первый век. А в таких городишках до сих пор девяностые, бандиты и крышевание, Бандитский Петербург и Бригада верхом на Чёрных «Бумерах».

– Чего ты от меня хочешь? – не выдерживаю я.

– Объяснения. Куда делось тело.

Я откидываюсь на спинку стула, закуриваю сигарету.

– Твоему начальству моя версия не подойдёт, – предупреждаю я его.

– Для начальства я и сам придумаю, – Костя, оказывается, тоже курит.

Я собираюсь с мыслями.

– Что ты слышал о Вилюйской Аномальной Зоне? – спрашиваю я его.

– Ничего. Погоди... Вилюй – приток Лены, так?

– Так, а у него есть боковые притоки. Значит, смотри. Вот она, на западе, Тунгуска. Восточнее – Лена. А вот, горизонтально, Вилюй. Получается этакий квадрат. Так вот, всё это место – от Тунгуски до Лены – почище лесов Амазонки, такое же малоисследованное и безлюдное, а интересного тут происходит очень много. Возьмём самолёт, о котором ты у меня прочитал. Вспомним Тунгусский Метеорит – знаешь, что там странного? Деревья повалены не *от*, а *к* эпицентру взрыва от падения метеорного тела. То есть, никакой это не взрыв, понимаешь? Дальше. К северу от Вилюйского водохранилища есть «Долина Смерти» – слышал, может? Куча свидетельств, первое – аж в тысяча восемьсот пятьдесят третьем, речка «Алгый Тимирбить», что означает «большой котёл утонул», где действительно находятся гигантские «котлы» из «меди». О нём упоминает один путешественник, имя не помню. В тысяча девятьсот семьдесят первом, когда строили Вилюйскую ГЭС, действительно нашли сферу из жёлтого металла – но это была вовсе не медь, потому что медь мягкая, и стальной молоток оставил бы на ней следы. И даже не сталь, потому что молоток – он из стали инструментальной, с высоким содержанием углерода, а потому – твёрдой. На обычной конструкционной стали он тоже оставил бы след. А на этом жёлтом металле – ничего. В архиве национальной библиотеки Республики Якутия тоже нашлось свидетельство о странных металлических «котлах», от некоего Корецкого из Владивостока. Он ещё упоминает об аномальной растительности вокруг них, не похожей на остальную, окружающую природу. Папоротники ростом с человека – и это в тайге! Было несколько экспедиций, все подтверждают, вот только места, где видели «котлы» – разные. Стало быть, это не одна аномальная зона, их несколько, пяточками. Понимаешь? И вот ещё странность – электроника в таких местах всегда «глючит».

– На плотине вышли из строя все рации охраны, наручные часы, некоторые персональные компьютеры. Камера, с которой мы видео смотрели сейчас с тобой, тоже накрылась.

– А откуда видео тогда?

– С сервера.

Ну да, сервер же обязательно заземлён. А вот компьютеры могли повключать, как попало: есть розетка с заземлением – хорошо, нет – не страшно!

– Ты хочешь сказать, что у нас тут типа Бермудского Треугольника? – спросил Костя, – Зона 51, зелёные человечки, или как там? Росвиль?

– Розуэлл, – поправляю, – И человечки были серыми. Но тут не обязательно они. Возможно, что и «человечков» от нас с тобой не отличить. Вот смотри – у всех животных Земли есть мех – у нас нет. Терморегуляция у нас – испарением влаги. Диапазон «рабочих» температур от 20-ти до 26-ти градусов, ниже – холодно, выше – жарко. Про перепады температур просто от сезона, думаю, говорить не нужно? Далее – солнечный ультрафиолет, вызывающий рак кожи, возрастные болезни позвоночника. Есть мнение, что мы – человечество – не отсюда вовсе, слишком уж для нас среда неблагоприятная. Это вкратце если. А про Бермуды... Скорее, у нас тут Клинтон-Роуд. Бермудский треугольник – это Карибы, Флорида. Море. Половину того, что там пропало, следует искать на дне. Хотя есть и случаи иного рода. Мария Целеста, например. Корабль есть, экипаж исчез. Или похожий случай в тысяча девятьсот девяносто шестом – недалеко от Коста-Рики видели «СС Котопакси» – а корабль исчез аж в тысяча девятьсот двадцать пятом. Очевидцы говорят, что корабль выглядел «старомодно», но не «старо». То есть, представляешь, как бы его изъела коррозия за семьдесят лет? А тут – даже краска не облезла. И случилось это неподалёку от того места, где пропало «Звено 19» в 45-м. А через два десятка лет – точно так же пропал другой самолёт, с-119. У нас здесь, на станции Половина, в девяносто четвёртом видели паровоз с надписью латинскими буквами, по описанию свидетеля, он видел кондуктора в странной одежде. И вот то, что рассказал свидетель, напоминает ту форму, в которую одевались в начале прошлого века кондукторы в Италии. Поезд этот состоял из трёх вагонов – точно такой же пропал в тысяча девятьсот одиннадцатом при въезде в тоннель, в нём было сто четыре пассажира. Может, это, конечно, и байка, но вот тоннель этот замуровали на полном серьёзе. А уже потом всплыла информация, что в Мексике в тысяча восемьсот сороковом году объявилось как раз сто четыре человека, говорящих по-итальянски, и все они утверждали, что прибыли на поезде из Италии.

– В Мексику? Через Атлантический Океан? – уточнил Костя.

– Да. А что у нас на восток от Мексики?

– Карибы, вроде?

– Они самые, а на северо-востоке как раз Бермуды, – сказал я, глядя, как он разливает коньяк, и продолжил: – тысяча восемьсот пятидесятый, парусник «Морская Птица» с грузом кофе из Гондураса – на камбузе кипел чайник, все предметы на месте, людей нет. Спустя двадцать два года то же самое – «Мария Целеста». Версия – галлюциноген из какой-то рыбы – притянута за уши, потому как долгое время ничего, что подтверждало бы «рыбное отравление» не упоминалось. Да и химические анализы на галлюциногены научились делать гораздо позже. Потом – тысяча девятьсот второй, другой корабль, «Фрея», вышел из Мексики третьего октября, обнаружен двадцатого, с сильным креном и изрядно потрёпанный, словно после шторма – но штормов в это время в том районе не было. Элементы мачт поломаны, команда исчезла. В тысяча девятьсот двадцать первом – ещё один корабль, «Кэрролл Дириг». Навигационные приборы разбиты, команды нет, припасы и личные вещи на месте. Февраль сорок восьмого года – «Оранг Медан». В проливе около Суматры торговыми судами был принят радиосигнал SOS: «Теплоход „Оранг Медан“. Судно продолжает следовать своим курсом. Может быть, уже умерли все члены нашего экипажа». Потом набор бессвязных точек и тире, а в конце: «Я умираю». Когда англичане нашли корабль, вся команда «Оранг Медан» была мертва. На лицах членов экипажа застыло выражение ужаса. В тысяча девятьсот пятьдесят третьем случай из серии, когда всё на месте, экипажа нет – корабль «Холчу». А недавно, уже в две тысячи третьем, ещё один похожий случай – судно «Хай Эм б». Достаточно? И везде – нет подтверждения. Потому что «подтверждением» у нас, у прессы то есть, принято считать опубликованное мнение какого-нибудь эксперта, причастного к официальной науке. Вот только «официальная» наука от таких случаев шарахается.

Есть свидетельства случаев телекинеза, есть видео полтергейстов, есть случаи управления огнём усилием воли – всё есть, кроме официальных подтверждений. Имеются даже случаи

пропажи людей и их появления спустя десятки лет такими, будто для них времени прошло меньше, а есть – наоборот, когда через пару часов возвращались стариками. И это не говоря об исчезновении целых групп людей. Например, берег озера Ангикуни, деревня эскимосов – все жители исчезли, на огне осталась готовящаяся еда, из подшитых вещей торчали нити и иголки – это тысяча девятьсот тридцатый. Что тут ещё вспомнить могу... А, вот – тысяча девятьсот семьдесят пятый. Супруги Райт – остановились в тоннеле, муж вышел из машины протереть стекло, а когда вернулся – жена исчезла. Тщательное расследование не дало никаких результатов. Остров Роанок, что так нежно любим Стивеном Кингом, находится в Северной Каролине – все жители исчезли без видимых причин, побросав ценности и вещи первой необходимости. На стволе дерева вырезано латинскими буквами – «Кроатон». Вот только нет такого слова ни в одном из языков. Ещё задокументированный случай – в тысяча девятьсот пятнадцатом году в Турции генерал Гамильтон послал на помощь союзникам – в наступление – части британского Норфолкского полка. На дороге перед походной колонной сгустилось странное облако. Несколько сотен солдат вошли в него и их больше никто никогда не видел. Тысяча девятьсот тридцать шестой, Красноярский район, деревня Елизавета. Геологи прошли через вполне себе жилую деревню, а когда возвращались – никого, на дороге брошено два велосипеда. Двери были заперты или забаррикадированы мебелью изнутри, вот только в домах – ни души. Франция, Париж, тысяча девятьсот восемьдесят пятый – некий Франк Фонтен исчез после того, как его машину накрыло туманным шаром – появился ровно на том же месте через неделю, считая, что прошло пять минут. Группа Дятлова, во главе – опытный турист, выражение ужаса на лицах, люди замёрзли насмерть, покинув палатку без тёплых вещей. В случаях с исчезновениями людей при свидетелях всегда упоминается липкий густой туман и яркое свечение, в точности, как в «филадельфийском эксперименте» Эйнштейна. Продолжать?

– То есть, ты хочешь сказать, что здесь – то же самое?

– Ты просил объяснения. Твоя версия?

– Инсценировка самоубийства, – сказал Костя, – Единственное, что можно дать официально. Понимаешь, обстоятельства дела такие.

– А сам что думаешь?

– На видео видно только одно – это не инсценировка. Это действительно прыжок. И вспышка, чтоб её... Ну или свечение. Кратковременное.

– Хорошо, а что с туманом?

– Это же ГЭС. Минус тридцать за окном, вода падает с высоты метров двадцать пять.

Там всегда туман.

Выпили, и Костя продолжил.

– Его звали Серёга. Серёга Дементьев. Мы дружили. Я уехал, в Иркутск, а он там остался. Ну и родня у меня, понятное дело, там вся... Приезжаю, навещаю. Познакомились через общих друзей. Он хоть и младше меня, но какой-то... Не по годам взрослый. И друзья у него все старше него. Понимаешь... Парня довели до суицида. Виновных наказать не получится – нет тела...

– ...Нет дела, – закончил я за него, – Понимаю.

– Значит, вот, – сказал Костя, открывая папку, лежавшую у него на коленях, – Ты ведь журналист?

– Я звукореж, – поправил я.

– Я читал твои статьи в сети, – сказал Костя, протягивая мне листок, – Так что не надо мне тут. Материалы дела, я тебе, сам понимаешь, дать не могу. Но – вот контакты его друзей. А вот эта стопка – ксерокопия его дневника. Хоть в статьях своих или рассказах напиши про парня. Пусть знают, кто его и как.

Я прекрасно понял тогда Костю. Он хотел справедливости, хоть какой-то – и сделать ничего не мог. Поэтому и доверился человеку – нет, не человеку даже – знакомому голосу по радио, интернет-образу... Знал бы он настоящего меня – ничего бы этого не было.

Он поставил ещё условия. Я согласился.

Наверное, это и есть – начало?

Пожалуй, да. История началась с этого. А книга началась с другого звонка, очень похожего на первый, спустя шесть лет:

– Алё? Кхм... Мне нужен Майндер. Егор Майндер.

– Да, это я, мы знакомы?

– Можно сказать, что заочно – да. Видишь ли, я тут прочёл твою статью обо мне. Ты написал её несколько лет назад. Не вспомнишь уже, наверное. Я – Сергей. Дементьев. Тебе ещё интересно? Тогда можем встретиться.

И, наверное, получилась бы очередная история «попаданца» в прошлое-будущее-параллельный мир – нужное подчеркнуть. От «Янки при дворе Короля Артура» до «Обитаемого Острова» тема исчерпана и закрыта, и вряд ли тут есть, что рассказать нового – остаётся лишь лепить с нуля миры, прошедшие совсем иной путь становления цивилизации. Вот только, почему-то, действующие лица таких миров поступают просто и понятно, так, будто они жили среди нас всё время, прежде чем стать героями историй – а вернее, сначала участниками, а потом – героями.

Но что, если бы не пала Римская Империя, что, если бы вместо «а всё-таки она вертится» мы бы услышали покаяние в ереси? Что, если бы вода в Мировом Океане была пресной, что, если бы Крестовые Походы закончились полной победой крестоносцев, что, если бы Русь приняла католичество, а что, если?... А если не только история другая, что, если окружающая среда чуть иная – как бы развивалась наука, культура, искусство, техника? Ведь у каждой построенной цивилизации есть начало и предпосылки, и у каждого научного открытия они есть – и есть причины гибели Империй, смены эпох, у каждой войны есть поводы, у которых, в свою очередь, есть глубоко идущие корни.

У всего вокруг есть некий основополагающий фактор, предпосылки причин, и есть начало и у этих предпосылок. Может, неизведанное потому и остаётся неизведанным, что не было причин для запуска некоего процесса познания?

Что, если пропавшие в «необъяснимых» случаях люди где-то всё это время находились?

Задумываетесь ли вы об этом, глядя вокруг?

Или есть мысли поважнее?

У Сергея Дементьева они были, как у любого из нас. Тогда, поздним зимним вечером, прежде, чем оставить последнюю запись в своём дневнике, он смотрел на деревья вокруг, слегка освещённые фонарями на центральной аллее занесённого снегом парка. Смотрел и шёл, думая о своём.

Он неспешно шагал по тропинкам, протоптанным на месте дорожек – никто их не подметал сибирской зимой, где за ночь снега может навалить по колено. Похрустывал стоптанный снег, утрамбованный тысячами шагов. Нет, не тех, что оставляли прогуливающиеся горожане – зимой парки теряли свою основную функцию, превращаясь вот в такую паутинку тропинок, только и нужных, чтобы срезать путь.

Мимо, мимо, сквозь тени, бросаемые голыми и чёрными ветками тополей. Мимо поворотов и пересечений тропинок, мимо столбов и пятен света от ртутных ламп, прочь – туда, где свет сменяется отсветами, где тени перемешиваются с отражённым снежинками свечением ртути. Дальше, дальше – в полутьму, в которой огни города отражаются от нависших туч, ударяются об искрящийся бархат сугробов, чтобы вновь бросить слабый отсвет в небо.

Мимо знакомой скамейки. Нет, ничего особенного в ней не было – даже одной из любимых скамья не была. Наоборот. Единственное место в парке, подходить к которому Дементьев

столько раз не решался. Просто там, в тени нависающей акации, в летней прохладе, сидела девушка с крашеными в чёрный и стриженными под «каре» волосами, которая всегда, когда он её видел, читала. Даже лицо её Дементьев разглядел не сразу, а, наверное, только на десятый раз, проходя мимо. Неизменные очки – разной формы, чаще тёмные, но оттенками различаются. То наклонена к книге – и не разглядишь черт лица за упавшими волосами, то, наоборот – книга перед глазами, и тогда оставалось только читать надписи на обложке.

Лоуренс. Фитцджеральд. Булгаков. Хемингуэй. Были и другие, не классика – Ирвин Уоллес, Андрей Белянин. Были Блок и Цветаева, а ещё – Байрон. Это всё, что запомнилось, но всегда – лето, прохлада, скамейка – и девушка с книгой.

Дементьев тоже любил читать. Но его книги были другими – Лем и Брэдбери, Асприн и Желязны, Хайнлайн и Шекли. Фантастика и фэнтези, всё, что уносило от серой обыденности туда, где горели спирали непознанных галактик и где, пронзая флюиды невиданной магии, в небесах носились драконы.

Сколько раз он собирался подойти и к этой скамье, сколько раз замедлял шаг, чувствуя, как начинает рваться сквозь рёбра от волнения сердце, и... И столько же раз не решался.

Мимо, мимо этой скамьи, оставляя воспоминания и обещания себе, что в следующий-то раз, как только возможность, то обязательно...

Прочь эти обещания. Девушка с книгой так и остались там, в тени памяти, в тени этой нерешительности. Решился он подойти к другой. И место было другое – квартира друга, вечеринка...

То ли алкоголь, то ли и правда – но возникло чувство, что вот она – взаимность. И, переселив себя, подсел рядом, поздоровался, заговорил... Ника. Точнее, Вероника, почему-то не любившая имя «Вера» и предпочитавшая в качестве сокращения имени вторую её часть. Да, она не была так загадочно притягательна, да и не читала почти ничего. Но она была красива и женственна – этого хватило, чтобы впервые для Дементьева мир сжался изо всей своей ширины в один только образ.

И было, было – и поцелуи, и ночь, проведённая вместе, и чувство счастья, и казалось, что так будет всегда. И были взгляды, полные обожания с его стороны, а она в ответ смеялась, проказничала, капризничала – но, казалось, платила взаимностью. И не было больше нужно ничего. И хотелось всю свою жизнь посвятить этому счастью, отбросив всё остальное как ненужное, второстепенное.

Дневник был исписан словами о Нике, переполнен эмоциями и переживаниями. Влюблённость ли, или самая настоящая любовь – поди теперь разбери. Ожидание встреч, восторг от проведённого вместе времени, эйфория от близости. Это люди постарше со шрамами на сердце хмыкнут – влюблённость, бывает. И будут объяснять отличия этого состояния от любви. Но для Дементьева различий не было.

Да и есть ли она вообще, эта разница?

Хлопает по бедру небольшая сумка через плечо в такт шагам. В ней – дневник, на случай, если срочно потребуются записать какую-то мысль, сигареты с запасом, бумажник. Это всё, что было с собой, да ещё и надежда – что вдруг здесь, на выходе из парка, он всё-таки увидит, встретит Её, свою Нику, которая пропала невесть куда.

Пока был на сессии, она вдруг перестала отвечать на сообщения. Позвонил – трубку сняла другая девушка. И слова, слова на целый лист дневника:

– Я не знаю никакой Ники. Не звони сюда больше.

Он и не звонил. Но не верил, не думал, что всё – это конец. Волновался, не случилось ли чего. Придумывал разные версии для себя.

Глянул на часы – такие уже почти не найти, механические, водонепроницаемые, со стеклом, выдерживающим даже достаточно ощутимый удар. «Командирские». Подарок от отца –

как оказалось, на вечную память. На часах – половина девятого вечера. На памяти – уже скоро пять лет. Пять лет, как его не стало.

В «жигулях» седьмой модели не было подушек безопасности, как во встречной «тойоте», которая, несмотря на правый руль, пошла на обгон грузовика с выездом на встречную полосу. Любой другой водитель поостерегся бы и проявил бы осторожность, но – не сын замначальника городского ОВД, который привык к отцу, решающему любую проблему, и к курению травки, как средству скрасить свою скучную на интересные события жизнь.

И три года как не стало матери. Сначала – вино по вечерам, чтобы вернуть атмосферу, когда каждый семейный вечер за приготовленным ужином – как праздник. Потом вино сменилось напитками покрепче. Потом «покрепче» вошло в привычку, а привычка переросла в зависимость – и в глазах уже не оставалось ничего человеческого:

– Ну хоть бутылочку пива... похмелиться... ну купи, сынок, ну купи...

– Нет, мама.

– Будь ты проклят! – верещала тогда она так, что слышали соседи.

И однажды – недоглядел. Вытащила деньги из кармана, выбежала в пивной, круглосуточно работающий киоск, что недалеко от ДК. Там, где не наигравшиеся в компьютерные симуляторы гонок «сынки» устраивали заезды и крутили «пяточки» на купленных отцами «тойотах», в которых от спортивного было, разве что, чуть внешнего вида, состоявшего из прикрученного наспех антикрыла и наклеек.

Потом, конечно, всё вышло так, будто она сама под колёса выбежала. Вот только ответа на вопрос – а можно ли среди ночи рассекать на скорости за сотню по одной из центральных площадей города, Дементьев так и не получил.

В шестнадцать многие уже становятся слишком взрослыми, чтобы иметь опекунов – но тётка по материнской линии таковой, согласно нормам закона, была назначена. Опекать Сергея она предпочла в его трёхкомнатной квартире, переехав из проваливавшегося в землю двухэтажного барака времён строительства БАМа вместе с сыном. Жизненное пространство Дементьева быстро сократилось до одной комнаты. Ему исполнилось и восемнадцать, и девятнадцать – но выселить родных, всё-таки людей, единственных, что у него остались, как говорится, «рука не поднялась». Поэтому ему было хорошо где угодно, но не дома. С кем угодно, но не со сверстниками, не знавшими ни проблем, ни забот, и подтрунивавших над единственными зимними джинсами парня.

Да, единственными. Но чтобы их купить, приходилось и таскать доски на лесопилке недалеко от города, и коробки в магазинах перекидывать. Пока одноклассники выступали за активный отдых и спорт, Дементьев валился без сил вечерами на кровать и брал в руки книгу. И тогда пропадали четыре стены, пол и потолок – и открывались новые, неизведанные миры.

Мимо, мимо, за спиной остался парк, показался вдаль автомобильный мост, соединяющий огромную промзону на правом берегу с жилыми массивами левого. Как бы промышленность тут ни разворачивали, как бы ни грабили город наместники из Москвы, а до ручки заводы не доводились никогда. Стояли, работали, давали нищенскую зарплату, но всё же какое-то, а трудоустройство.

Горят справа, за рекой, редкие фонари промышленных объектов, отсвечивают прожекторы, а слева, один к одному, безликая застройка типовых пятиэтажек бросает тусклый свет занавешенными окнами.

Мимо, дальше...

А вот и универсам, в котором когда-то таскал коробки. А с торца – чёрный ход, и рядом другая дверь, с вывеской «Сервис». Внизу, маленькими буквами – список всего, что только изобретено человечеством, чтобы скрасить унылый быт в бетонных муравейниках.

– Чай будешь? – спросил как-то запыхавшегося Дементьева, таскающего коробки с товаром для многочисленных торговых точек под крышей «Универсама» молодой мастер, куривший на крыльце «Сервиса», – Заходи, а то скучно – время скоротать до закрытия.

Так Сергей познакомился с Андреем, а заодно и – после уже – миром полупроводников, логических схем, электротехники и радиоэлектроники, окунулся в реальность драйверов и операционных систем. Так появились друзья. Так появилась профессия – таскать коробки больше не приходилось.

В сервисе нашлось достаточно полуживых запчастей, чтобы собрать комп на базе гиперпоточной «четвёрки» производства «Интел», а с появлением сотовой связи у Дементьева открылось хоть и узкое, но окошко в мир.

Мимо «Сервиса», ставшего вторым домом и работой. Работой, которой хватило, чтобы в прошлом году съездить в область и поступить на очное в авиатехникум. В тайге, где с дорогами беда, малая авиация без работы никогда не останется. Требовались пилоты. Но вот с деньгами в большом городе не заладилось, да и устроиться толком не получилось – пришлось возвращаться, переводиться на заочное, да ещё и приплачивать директору техникума. Для военкомата Дементьев числился на очном обучении, а потому отсрочке от призыва подлежал.

Мимо, дальше – оставляя за спиной квартал за кварталом. Покусывает кожу мороз. Градусов двадцать пять, не меньше, с наступлением темноты продолжает ощутимо падать температура. Прочь с улицы, бегом от мороза, от нервного напряжения, что осталось от закончившейся сессии. Вперёд – в тепло квартиры друга, в тепло компании друзей, в атмосферу праздника – сегодня, всё ж таки, у Андрея День Рождения.

За спиной тоже остаётся праздник – там ночной клуб, непонятно почему названный «Сатурном». Говорили, владелец под этой планетой родился. Первопроходцы перестройки и приватизации, грабившие в своей стране всё, что плохо лежит, как мародёры в побеждённой крепости, и правда пытались найти объяснение своему нежданному «успеху». И не находили в этом собственных заслуг почти никогда. Вот и ставили в церкви свечи потолще, да и интересовались шарлатанством под видом эзотерики, верили гороскопам и китайским календарям. Отсюда и «Сатурны», и ООО «Белиар» – в честь одного из верховных слуг сатаны, и даже ювелирный магазинчик «Пандора» – владелица, видимо, думала, что в ящике у богини находились заветные богатства.

Если много читаешь, начинаешь смотреть на те вещи, мимо которых другие проходят стороной, чуть иначе.

А Дементьев даже добрался до истории развития религий – «спасибо» назойливым Свидетелям Иеговы¹, которые не обошли вниманием «богатого» наследника трёхкомнатной недвижимости, и батюшке из православного храма, где даже на заупокойные записки висел на видном месте ценник.

Нырять в подъезд, словно скрылся от этого мира – от музыки, доносящейся сквозь двойные окна «Сатурна» – чего-то такого из жанра кабацких песен, спетых по принципу «и так сойдёт» и сведённых звукорежиссёром на основе идеи «лишь бы перегруза не было». Три аккорда, вокал, не всегда в ноты попадающий. Кто-то звал это «русским шансоном», но у Андрея было словечко поточнее – «быдляк».

В квартире Андрея играла другая музыка. Когда Дементьев вошёл, его встретила песня Дельфина. Надежда.

Без надежды было действительно никуда. В городе, где атмосфера безысходности сохранялась в любое время года и суток, только и оставалось, что надеяться на что-либо. Но не на то, что само собой свалится с неба, нет. Напротив, что чего-то удастся добиться, что всё то, что делаешь – оно не зря, оно к лучшему.

¹ «Свидетели Иеговы» – религиозная организация, деятельность которой запрещена на территории РФ

Андрей был воплощением этого принципа. Шрам на шее, след от пореза. Шрам на безымянном пальце, там, где не захотевшее слезать обручальное кольцо было срезано кусачками вместе с куском мяса.

– Больно было? – спросил как-то Дементьев.

– Нет, тут больнее было, – со смехом тогда Андрей показал в область сердца, – И больше об этом не спрашивай.

Поэтому шрам на шее остался загадкой. В компании из четверых друзей не было прошлого. Было настоящее и будущее.

В настоящем все трое уже собрались, ждали только Сергея. Обнялись при встрече – не виделись почти месяц. Накрытый стол, и Дельфин в си-ди-приставке к усилителю сменился на лучисто-светлые аккорды Эджа под ритмы Ларри Маллена и Адама Клейтона. Один из друзей, Вовка, подпевал Боно вполголоса, ломая английский, как только мог:

– Ин дэ нэээээйм оф лооооооов!

Музыка Ю-Ту звучала в компании чаще прочих – во-первых, она не противоречила музыкальным вкусам никого из четверых, во-вторых, под атмосферу подходила как нельзя лучше.

– Проходим, рассаживаемся, – руководил застольем на правах хозяина и виновника торжества Андрей, – Подарки потом.

Но Дементьев вручил ему нож, зная о любви Андрея к оружию. Тот отбросил ножны на кресло, повертел охотничий клинок в руках, любуясь блеском на стали и изгибом острия кверху. Провёл пальцем, пробуя заточку, присмотрелся к рукояти и спросил:

– Сам сделал, что ли?

– Да, – Сергей сказал ему полуправду. На самом деле, нож был куплен за бесценок у какого-то пьяницы. Можно было бы заплатить и вдвое, и впятеро больше – но с деньгами было плохо, очень плохо. Нож, слегка тронутый коррозией от отсутствия ухода, было несложно привести в порядок. А вот рукоять пришлось переделывать полностью, да и на создание ножен у Дементьева ушёл не один час в отцовском гараже.

Это была полуправда – полуложь, и кто-то из великих называл именно это «наихудшей» ложью. Но Дементьев, сильно отличавшийся от сверстников и, тем не менее, вынужденный находиться в их обществе, научился «перекрашиваться» – казаться таким как они, нет, не быть, именно казаться. Просто он не знал, каково это – быть беззаботным подростком, ходящим в спортзалы и на свидания, гуляющим допоздна, сидящем на лавочке и щёлкающим семечки, размышляя, когда же родители подкинут денег на дискотеку. У него всего этого просто не было. Отсюда и привычка к полуправде.

Но здесь он был собой. И полуложь сорвалась с языка, скорее, машинально, по привычке.

Именинник ножом восхитился. Показал подарок, конечно, и двум другим друзьям – те одобрили, но Лёха скосился на Серёгу недоверчиво: слишком уж хороша сталь для самоделки, сказал он.

Но Андрей возразил – мол, почему же – на «рапидку» с лесопилки похожа.

Дементьев пожал плечами – возможно. Действительно, сталь для пил, в несколько секунд разваливающих брёвна на доски, что прозывалась тамошними мастерами «рапидовой», отдавала таким же голубоватым блеском, так же хорошо хранила заточку и боялась только щелочей. От того же лимонного сока, заставляющего обычную нержавейку кухонных ножей идти тёмными пятнами, с «рапидкой» обычно не случалось ничего абсолютно. Но попробуй оставить в мыльном растворе...

Вовка сощурился с видом эксперта – да, подтвердил, «рапидка». Ацетиленовым резак для придания начальной формы клинка резана, двумя наждаками разной зернистости точена, пастой ГОИ вручную полирована. Он, автомеханик с хоть и небольшим, но уже стажем, в металлах и способах их обработки разбирался больше всех из компании.

Будущий лётчик Серёга, автомеханик Вовка, мастер из сервиса Андрей и спец по электроавтоматике Лёха – для них это была не просто «компания» из случайных людей, а нечто вроде эдакого маленького и закрытого клуба для технарей. Лёха был старше Серёги на четыре года. Остальные – ещё больше.

Нож был убран в ножны, но перед этим сбрызнут алкоголем – «обмыть подарок» полагалось просто по традиции. Андрей закрепил ножны на ремне джинсов, покрасовался, получил дежурное «мужик» от друзей в знак одобрения, а затем последовал первый тост.

Полосатые жёлто-бежевые и почти выцветшие обои гостиной «двушки» в пятиэтажке хрущёвской постройки, доставшейся от бабушки, были увешены плакатами с самыми разнообразными группами. И когда Андрея спрашивали, как так получается, что Деш Мод у него соседствуют с Эванессенс, он сначала переспрашивал, а потом пожимал плечами, не понимая сути вопроса. Но среди плакатов, среди вечного беспорядка, который Андрей в шутку называл «творческим», Дементьеву было хорошо.

Когда я, уже позже, приехал к Андрею, он мне показал даже бутылку из-под коньяка, оставшуюся с того вечера.

– Всё забываю выбросить, – словно извиняясь, сказал он, – Да и рука не поднимается. Может, думаю, оставить на память, а? Вдобавок к ножу?

С коньяка в тот вечер они начали – «для разгону», как говорилось. После благородного напитка та же водка уже пьётся легче. Курили прямо в комнате, приоткрыв дверь на балкон, и от поздравлений быстро перешли к любимым темам. Техника. Музыка. Техника в музыке. Спорили по поводу сэмплирования – можно ли считать «живой» музыку, в которой используется аппарат, в память коего можно закладывать готовые аккорды и арпеджио синтезаторов и воспроизводить их нажатием одной кнопки?

Поклонник жанра «электрон» Лёха утверждал, что менее «живой» музыка от этого не станет. Вовка всё порывался принести из соседней комнаты старую и выдавшую лучшие дни акустическую гитару и показать, что такое «живая» музыка вообще. Андрей высказывался за то, что сейчас сэмплы применяют вообще повсеместно и даже привёл примеры. Дементьев сослался на старые пластинки Лед Зеппелин, Дип Пёпл и Скорпионс, что остались от отца, и высказался, что никакие сэмплы виртуозных партий не заменят, а стало быть, и спорить не о чем.

После чего было предложено выпить и за Ритчи Блэкмора, и за Мартина Гора, и даже за всех участников Парка Горького – потому, что те добились своего не «благодаря», а «вопреки».

Четверо парней в комнате тоже добивались всего – именно «вопреки». Вопреки царящей вокруг безысходности, в городе, где из развлечений были только кабаки да бары, откуда бежала без оглядки вся творческая молодёжь, а «живой» музыкой называлось пение под «минусовку» максимально близко к оригиналу – парни из компании пытались как-то себя найти, в чём-то реализовать. Даже одно время задумывались – а не создать ли свою группу в жанре альтернативного рока. Но первые же попытки поговорить с местными деятелями культуры идею зарубили в зародыше. Те при одном только слове «рок» как-то – даже бледнели, что ли – и начали бормотать что-то неопределённое: мол, и помещений сейчас нет, и художественный руководитель нужен, и аппаратуру для репетиций мы вам предоставим, к сожалению, не можем.

По стране катился бум субкультур, но в таком городишке можно было запросто попасть в больницу только потому, что выглядишь «не так».

А рок-группе нужен художественный руководитель. В двадцать первом веке...

Потому затею бросили. Посвящали время чему угодно, и не уезжали – всё надеялись, что станет со временем лучше, станет по-другому.

Вот и тем вечером распланировали всё так, чтобы наговориться вдоволь сначала, обсудить все темы, что появились за это время. Кто-то услышал новую музыкальную группу – Ю-ту

в проигрывателе сменилась на Аврил Лавин, Серёга добрался в своих изысканиях до законов робототехники маэстро Азимова, а оттуда уже разговор плавно соскользнул опять на технологии – на появляющиеся приёмники ГЛОНАСС.

День рождения проходил на славу, и потом, как и было запланировано, должны были прийти в гости девушки лёгкого нрава, с которыми созвонился и пригласил заблаговременно на вечеринку Лёха – и только тут вспомнили, что «женских» напитков в доме-то и нет.

Серёга вызвался прогуляться до магазина с Лёхой вместе – в тёмное время суток, в таком районе, да ещё с деньгами лучше не ходить одному – и сколько бы друг не отказывался, настоял на своём.

– Не хотел я его отпускать, – грустно покачал головой Андрей, вспоминая тот вечер и выпуская клуб дыма, когда мы перебрались и расположились у него на кухне, – Как чувствовал же. Вовка-то ведь всё знал про эту Нику. Машины-то в их СТО приезжали... Сам понимаешь. Такие, у хозяев которых есть деньги, чтоб спецу заплатить, а не самим выходные в моторе ковыряться. Ну и бывает, что катают они свою пассиву по городу – а тут под капотом застучало что-то. Понятное дело, сразу в сервис катят. Ну и приехала однажды Вероника на такой машине. Вовка сначала и значения не придал. А Ника эта в компании у нас появилась не случайно же. С подругой пришла. Ну, подругу ту я как-то в баре подцепил, позвонил ей – мол, не составишь ли компанию, и зацепи с собой кого-нибудь, я не один. Она и зацепила. Вовка Нику эту и узнал сразу. В общем, мы поначалу вида не придали. Заинтересовала она Серёгу – да и ладно, решили, что и не первая – и не последняя уж точно. А когда парнишка втрескался до потери рассудка – поздно было уже. Вовка так сразу мне рассказал, что это за Ника и на каких машинах она катается обычно. То, что Серёге там не светит ничего, понятно было – не её тип. А тут завертелось. Ну, знаешь, бывает, что даже такие, как она, встречают кого-то. Так, что завязывают с прошлым. И мы себя успокоили – а вдруг? Эх, не надо было... Вот скажи – бывают чудеса на свете?

Бывают, конечно.

Но случай был не тот.

Они вернулись, и Дементьева было не узнать. Глаза горели, на месте не сиделось. Он увидел в окне одной из проезжавших мимо, в сторону «Сатурна», машин свою потерянную любимую – и хотел во что бы то ни стало поговорить, узнать, понять.

– Мы переглянулись тогда, помню, – рассказывал Андрей уже дальше, – И Вовка глазами кивнул – мол, пускай. У Вовки когда-то то же самое было. Прошёл, пережил, умнее стал. Мы ведь знали, что у парня ни матери, ни отца, которые всё объяснили бы. Даже ответственность за него какую-то чувствовали. Хотели объяснить – ну а как тут объяснишь? Словами? Жестковато, знаю. Сейчас бы вернуть тот вечер...

Он растоптал окурки в пепельнице каким-то остервенелым жестом. Стало понятно, что дальше без горячительного не получится. Поход в магазин, мимо того самого треклятого «Сатурна», звонки двум другим друзьям, и вот мы на кухне, и Андрей продолжает рассказ.

– Вовка вызвался вывести Нику на улицу. Уж не знаю, как ему это удалось – она ведь в баре не одна была. Наплёл что-то, похоже, у него с фантазией всегда хорошо было. В «Сатурне» всегда местная «братва» гуляла, и понятно было, что если бы Серёга туда сунулся сам, ничего хорошего бы не вышло – она ведь не одна туда пришла. Так, девочка на съём. Только одним достаточно, чтоб их пивом напоили, шашлыком накормили да на тачке покатали. А она из тех, что, если в обществе серьёзных коммерсов рот открывает, то краснеть за неё не приходится. Там расклады другие. Там ещё и содержание полагается, понимаешь?

– Содержанка? – уточняю я.

– Это так теперь называется? Ладно, пусть будет «содержанка», – Андрей грязно выругался, – Мы ведь понимали, что добром не кончится. Но и не пойти не могли. В общем, знаешь случаи, когда отцу машина надоела и он сыну покататься даёт?

– При чём тут машина?

– Да не в машине дело... Хотя и машину тоже – покататься. Понял теперь? Есть тут такой пациент, по которому диспансер тоскует – Дима по кличке «Труба». Ну, вообще, изначально – Трубка. Курить любил. Не табак. И приторговывал неплохо так. Ну и фамилия – Трубников. А у папы на зарплате вышибала – Броня, – с ударением на второй слог, – Тот ещё отморозок. Говорят, прозвище получил за то, что ему об голову сломали бейсбольную битку – а ему хоть бы что, даже сотрясения не было. Сколько людей в больницу попало от его рук – точного числа не знаю, но двое моих знакомых среди них. Ника эта – а ежели точнее, то Верка – в «Сатурн» приехала с Трубой. А вот то, что ещё и Броня там с корешами отдыхает, мы знать не могли. В общем, вышли мы на улицу, стоим, ждём, когда Вовка Нику выведет. Вовка сам подходить не стал, конечно – она же не дура, догадалась бы. Но способ нашёл, а сам внутри остался. К бару присел – и его не видно, и зал оглядывать можно. Стоим мы втроём поодаль, где нас в темноте и не заметишь. И тут выходит она. А вроде, и не она. Пока с Серёгой была, никогда так не красилась. Да и шубка новая, когда Серёга на сессию уезжал, та в дублёночке попроще ходила.

Но Дементьев её, конечно, сразу узнал. Вышел из темноты навстречу. Она даже и не удивилась, когда его увидела.

А дальше пришлось приглашать в гости к Андрею ещё и того самого Вовку, которому Дементьев и высказывал потом всё.

Ника – для Серёги, Верка – для остальных. Целеустремлённый Дементьев увидел в ней как раз некое отражение себя же. Желание вырваться в нормальную жизнь через учёбу и хорошее образование. Но его хватило на бесплатный техникум – а девушке нужно было оплачивать один из лучших ВУЗов в регионе, проезд, съёмное жильё. Всё то, чего не могли позволить родители.

Друзья стояли в сторонке, а Дементьев разговаривал со своей возлюбленной в нескольких шагах от крыльца, неподалёку от стоянки с машинами, и – друзья не ошиблись. Девушка и правда устала, что в ней видят собственность, а не личность. И в Серёге нашла такую отдушину, благо, успела поднадоесть содержателю и время на это было.

Но Дементьев уехал на сессию, Трубников-старший решил, что пора бы взрослеть Трубникову-младшему, и перед Вероникой встал выбор – Дементьев или будущее, которое требовало денег. Завтрашний день или сегодняшнее увлечение. А может, и Труба пришёлся ей по душе – кто теперь знает, что у девицы в голове творилось? Привыкшая к тому, что её используют, она точно так же использовала Дементьева.

Достав телефон с хорошей камерой, приехавший Вовка показал мне фотографию с одного из вечеров с того самого «самого счастливого лета жизни», как называл это Дементьев в дневнике. Вот они, всей компанией друзей, на берегу. Лёха со своей невестой слева, Вовка с Андреем – справа, а в центре – Серёга и Ника. Она улыбается уголком рта, он действительно счастлив. Словно светится. Я смотрю на его лицо – обычная, даже заурядная внешность, каштановые волосы, зелёные глаза.

А вот девушка и правда хороша. Всегда удивлялся: как за такой ангельской внешностью может прятаться чёрная душа?

Мне всегда было жаль таких, как она. Но Вовка был однозначен – лучше Веронике, в тот вечер исчезнувшей из города, не возвращаться сюда никогда. Посмотрев ему в глаза, я чётко понял – сделает. И это не сиюминутное, не на эмоциях сказанное. Ведь ему, именно ему рассказывал всё Серёга. Я много раз пытался представить, что у Вовки на душе после случившегося. И ни разу не смог.

Что-то ей сказал тогда такое Дементьев. Какие-то слова, видимо, нашёл. Не подобрал, нет – в таких ситуациях слов не подбирают. В таких случаях всегда говорят искренне, от души.

И что-то было, видимо, у него на душе такое, что заставило её закричать на всю улицу голосом на грани истерики:

– Нет её, твоей Ники! Не вернётся она! Потому, что никогда её и не было, понял?!

Развернувшись, она забежала в бар – Андрей успел заметить, как блеснули в свете огней над парадным входом «Сатурна» дорожки слёз на её щеках.

Дементьев направился к друзьям. Старался держаться молодцом, конечно, но все трое заметили – парень, практически, рыдает. Молча. Кто-то как-то сказал, что если мужчина плачет – то это либо огнестрельное, либо перелом. Но бывает ещё третий случай. Когда в сердце.

– Надо было сматываться им оттуда, – сказал Вовка, перебив рассказ Андрея, – Просто бывает, что ситуация так... поглощает, что вроде бы очевидные вещи – и те доходят только потом.

Он поднял рюмку, отсалютовал мне – начальное его недоверие прошло, да и атмосфера располагала к откровенности. Андрей открыл форточку на кухне, чтобы вытянуло сигаретный дым, снял с плиты сковородку со шкворчащей яичницей с колбасой и поставил на подставку, что уже стояла на столе. Посмотрел на уже почти пустую бутылку и заметил:

– Одной, чувствую, не отделаемся...

– Ничего, завтра выходной, – похрустывая огурцом, сказал Вовка.

– У тебя когда поезд?

– Завтра вечером, – сказал я, – С гостиницами у вас тут как? Я нашёл одну в центре, места есть, но цена кусается. Найдём подешевле?

– Никаких гостиниц, у меня останешься, – возразил Андрей, – Денег много, что ли?

Стало быть, спешить некуда. Вот и отлично. Можно и побольше подробностей.

Трубников-младший, как несложно догадаться, и крик услышал, и зарёванную пассиву свою увидел. Выскочил на крыльцо и, конечно, сразу о причине смекнул, глядя в спину уходящему Дементьеву.

На окрик остановиться Серёга не отреагировал. Сам Трубников соваться не рискнул. Распахнул дверь бара, кликнул Броню, а тот уже вышел с друзьями. Когда на глазах у Андрея четверо повалили Дементьева и начали пинать ногами, выбора уже не оставалось. В толпу с разбегу кинулся Лёха.

А Андрей из ножен на ремне джинсов достал Серёгин подарок на день рождения.

– Двоих он порезал хорошо, – кивнул Вовка на Андрея, – Не проткнул, именно порезал. Ну, так, чтоб без летальных последствий. У Брони так теперь шрам на лице на всю жизнь. И правильно. Так ему, чтоб помнил, – и матом в три этажа.

– Я в шею хотел, – признался Андрей. Шла вторая бутылка, и недоверия промеж нами уже не осталось, – Настолько злость меня взяла, за Серёгу, – тоже в три этажа, да и покрепче, чем Вовка до этого, – Думал, убью сволочь. Собраться бы однажды всем городом – и всех их...

– Они говорят, им нельзя рисковать. Потому, что у них есть дом, – задумчиво напел Вовка песню Цоя, и показал мобильник: – Лёха отписал. Сел в такси, сейчас будет.

– Серёгу они не сильно помяли, – продолжил рассказ Андрей, – Зимняя одежда, плюс руками он голову сразу закрыл. Ну и мы успели, конечно. Второго я бы и трогать не стал, там главное Броню было выключить. Это ж как собаки – без жоака разбегаются. Но второй тоже нож выхватил, я его по руке и полоснул. Лёха Серёгу выхватил, и мы – ходу сразу, в сторону реки. Ну чтоб со следа сбить, чтоб не нашли. Пока они там хлопотали вокруг Брони, мы уже ушли. Чего там... В городе сто тысяч человек, братва под градусом, плюс темень – хоть глаз выколи – не нашли бы они нас потом. Они, конечно, кричали в спину, что из-под земли достанут, но мы-то знали, что это так, от бессилия. Ни Броня, ни Трубка – они ведь не из серьёзных бандитов, так, отморозок на зарплате у коммерса. А вот Серёга взаправду воспринял. Ну, мы дали крюк, вышли к дому когда – возле Сатурна уже никого, у дверей квартиры Вовка стоит, ждёт. На нас только глянул, сразу всё понял, молодец.

Вовка отсалютовал рюмкой и подхватил рассказ дальше.

Когда вошли в квартиру, Дементьев был похож на зомби. В глазах царил такая пустота, которая бывает только у людей, потерявших всё. Вовка чуть ли не заставил его раздеться, казалось, парень рухнет у порога. Утащил в кухню, пока Андрей помогал Лёхе остановить кровь из рассечённой чьим-то ударом брови. Залепили пластырем, чтоб шрама не осталось.

Там, на кухне, Вовка наплюхал чуть ли не половину стакана водки из бутылки, извлечённой из холодильника. Плеснул себе.

– Пей, – сказал он Дементьеву, сунул ему в руку стакан. Тот не реагировал, так и сидел, уставившись в точку где-то перед собой. Пришлось чуть ли не насильно, за локоть, заставлять того выпить. И видя, что парень поперхнулся от такого количества алкоголя, – Вот так, вот так, ничего... на-ка, закусывай. Давай-давай. Вот сигарета, на, кури. Это ничего всё, это пройдёт. Целый? Рёбра, почки?

Серёга кивнул.

– Бывает, брат, бывает. И у меня было. Не один ты такой. И она не одна такая. Их много, таких. Хороших, правда, больше гораздо. Но хорошие в барах не снимаются, потому и найти их труднее... Найдёшь ещё. Вон, Лёха сколько искал – нашёл же... А эта – нужна она тебе, такая?

Дементьев не выдержал. Разрыдался в голос, упав лицом в стол. Был раненым волком, выпуская всё, что накопилось за эти дни неопределённости, всю обиду, всю боль. Вовка похлопывал по плечу, Андрей и Лёха ушли в гостиную, чтоб не мешать. Оба понимали – парню надо выговориться, а для этого важна обстановка. Мало того, Андрей ещё и чувствовал, что Серёга тянется за ним, старается быть похожим на него – и такое, настолько личное, вряд ли доверит. Это было что-то сродни боязни упасть в глазах того, на кого хочешь быть похожим.

– Нет, – возразил Дементьев Вовке тогда, продолжая разговор, – Чем она от нас отличается? Мы ведь тоже цели какие-то всё перед собой ставим. Ты сам говорил – человек без цели это труп. Живая рыба держит нос против течения, только дохлая плывёт себе по. Вот и у Ники цель. Разве плохая?

– Цель, может, и неплохая. Вот только средства должны быть такими, чтобы никого по дороге к ней не калечить. Этим мы с тобой и отличаемся от них, от тех, что в «Сатурне». Торгуй наркотой, как Труба, или смешивай хорошую водку с палёной и продавай потом в магазины, как его отец. Трави и калечь людей, грабь, отжимай бизнес, кидай партнёров – и? И счастливы они? Я тебя как-нибудь в «Сатурн» свожу. Посмотришь на них. Хмурые все. Смеются – и то будто выдавливают смех. И боятся. Друг друга, людей снаружи. Всего. Ты такого хочешь?

– Зато могут позволить себе таких, как Ника.

– Ты на Лёху с его Натальей посмотри, – возразил Вовка, – Будут у него деньги, не будет их – она всё равно будет с ним, всё равно будет рядом. Завтра, скажем, прикроют бизнес Трубникова-старшего, или младшего за распространение посадят – и всё, нет Верки.

– Ники...

– Верки. Не спорь. Есть Вероника. Есть хорошая её часть, которая Ника, есть плохая, которая Верка. Ты готов принять её, как единое целое? Зная, что она отказалась от тебя из-за денег? Что она не поверила в тебя, что ты найдёшь, что заработаешь?

– Я ей уехать предложил...

– Ты пей, пей. На-ка вот. Пей. Ну? Вот, молодец... Ты с ней хоть на край света, а ей деньги подавай? Это реальность, брат. В большом городе ты был и устроиться не смог, и она это знает, правда?

– Да.

– Ну вот и ответ. Тогда ты на себе в её глазах крест и поставил. Хочешь, я тебе сейчас такую же, как она, приволоку? Даже две?

– Таких же я любить не буду...

– Так и эту не люби, всего делов...

– Кто говорит «всего делов», тот не знает падежов.

– Да куда уж мне, автомеханику... Андрей! Ты говорил, тут феечки прилететь должны?

– Через полчаса должны быть! – донеслось из гостиной.

– Вот и ладно, вот и славно... Ты пойми, Серёга, если есть в человеке гниль – он либо вытравит её из себя, либо она будет разрастаться дальше. Выглядит это как лесенка. Ступенечка за ступенечкой, вниз, вниз... Сначала один плохой поступок – гнильца зародилась. Потом простил его себе, совершил второй, уже хуже – после первого не так страшно – а там и третий, и четвёртый. И вот ты уже ниже, ниже. Знаешь, как они все начинали? С малого. Разок захотелось им ещё пива в баре – а тут мальчики, которые угощают. А потом продолжим праздник дома? Ну и там уже рано или поздно, а за угощение придётся расплатиться. И вот одни из них – те, кто больше никогда, а другие – как ни в чём не бывало. И понеслось. У одной мама заболела, у второй пальтишко износилось, и – лесенка, лесенка... Понял? Ты пей, пей.

Дементьев пил. Давился, но пил – чувствовал, что становится легче. Боль ушла, осталась только обида, обида на весь мир – просто за то, что он так устроен. Что одним с рождения ничего, а другим – деньги на содержание Вероник.

Может, будь устроено всё иначе, ей не пришлось бы?

Вовка в желании поддержать, сам того не зная, наступил на ещё кровоточащую рану.

– Нет справедливости, кроме той, что мы делаем сами. И по справедливости этой – не заслуживает Верка быть любимой.

– Она хотела просто узнать, каково это, – сказал Дементьев.

– А тут ты, наивный и влюблённый. Ну конечно, попользуем парня, а каково ему потом – дело десятое. А ещё вдруг и у него деньжата окажутся – чего ж нет-то? Но деньжат не оказалось. Мда... Всё у этой Ники получится. Только на край света за ней уже никто не пойдёт.

– Найдёт такого же, как я, когда выучится.

– Нет. Знаешь, почему? Гнильца, брат, гнильца. Её становится всё больше, и наружу она со временем тоже вылезет. Заметил, как внешне Вероника твоя изменилась? Как это... Вульгарно?

– Мгм. Заметил.

– Вооот... Это пока у них глазки невинные, они обманывать могут. Но скоро и взгляд поменяется. Станет хищным таким. Я их повидал, поверь. Так, стой, давай-ка кофе. Что-то ты совсем скис, у Андрея ж сегодня День Варенья! Не-не, ты мне тут глаза в кучу не собирай, рано. Держи, вот: колбаса, сыр, хлеб – жуй... Кофе чичас будет. Слава изобретателям электрочайников!

К приезду девушек Вовка вывел в гостиную Серёгу таким, будто ничего и не случилось. Ну, разве что, если не считать опухшей разбитой губы.

– Мы тогда поверили, что всё хорошо с ним, – это уже Лёха, присоединившийся к нам, и я поймал себя на мысли, что кофе уже и мне не помешал бы, – Бывало у тебя, Егорыч, что такое состояние наступает – сколь ни пей, а пьянее не становишься?

Бывало. Тогда, ещё до службы на Тихом Океане. Словно в другой жизни. Словно не со мной.

Вот и с Дементьевым происходило тогда подобное. Сколь бы ни пили друзья дальше, а тот результат, что они ждали, не наступал. Парни рассчитывали, что Серёга выпустит эмоции через алкоголь, уснёт – и будет жить дальше со шрамом на сердце.

– Он вам подыгрывал, – пояснил я, – Видимо, понимал, что для него стараетесь. Или праздник портить не хотел.

– Скорее, второе, – сказал Лёха, – Мы им дорожили, он – нами. Даже поверю, что не по нраву ему было, что с ним возятся так.

– Ты что хочешь этим сказать? – поднял на меня глаза Вовка.

– Парня нигде не принимали таким, как есть, кроме как у вас, – пояснил я, – Вот он и научился... Соответствовать. Понял меня?

Андрей выругался.

– Я должен был понять. Как чувствовал же...

Девушки, как водится, опоздали минут на пятнадцать – но, тем не менее, по словам Андрея, без них вечер не удался бы. Ещё встречая их у порога и помогая им снять верхнюю одежду, Вовка одними глазами пояснил имениннику: эту – Серёге. Самую симпатичную. Так всех трёх и рассадили – одну себе на коленки сразу забрал Вовка, расположившийся в кресле, ближайшем к окну. Вторую рядом с собой усадил Андрей, но только после того, как девушку по имени Настя разместили на диване, слева от Дементьева. Справа сидел Лёха.

– А Лёхе подруга не полагается, – заявил тогда Вовка, разливая вино из литровой упаковки девушкам, – У Лёхи свадьба скоро. У него девушка дома ждёт. Вот. И ей наша компания не нравится. Раньше нравилась, а как с Лёхой стала встречаться – так всё.

– Ещё немного, и мы его потеряем, – усмехнулся Андрей, – Хьюстон, у нас проблемы...

Находясь среди трёх друзей, я начал понимать – лидером в компании был Андрей. Но её душой был Лёха. А Вовка... Вовка был совестью.

Анастасия, Елизавета, Мария... Или Марина? Или Марианна? Сейчас уже не помнили точно, звали Марьей – и ладно. Настю – светловолосую, голубоглазую, совсем как Ника, несмотря на то, что была старше, года на три, заинтересовали Дементьевым, как могли.

– Настасья, это – Серёга, и ему срочно нужна помощь красивой девушки, – пояснил тогда Лёха, – Тут очень важный и серьёзный случай.

– Какой? – игриво, с искорками в глазах, спросила Настя.

Лёха доверительно наклонился к ней.

– Ему. Разбили. Сердце. Только тсссс! Больной не должен знать, ему вредно волноваться.

Настя правила игры приняла.

– Несчастный случай, доктор?

– Я бы сказал: трагедия... Прописано внимание, ласка, забота. Чередовать на ваше усмотрение.

– Сделаем, – улыбнулась Настя и переключилась на Дементьева, – Доктор, а если передозировка?

– Не страшно, – хмыкнул Лёха и занялся тем, чтобы не оказаться до поры лишним. Поддерживал общую беседу, шутил, балагурил, следил, чтобы бокалы и рюмки были наполнены.

И вечер продолжался, плавно перетекая в ночь. Что-то щебетали девушки, просили поменять музыку – танцевать будем. На что получили отказ: сейчас будем слушать поп-рок, а танцы после. Марья ушла перебирать диски с музыкой. Лиза попросила включить ноутбук, чтобы скачать нужные песни из интернета, но Андрей и тут отказал: за свою «машинку» он не пускал никого и никогда.

К полуночи обстановка стала перетекать во всё более интимную. Погасили свет, сдвинули столик, Настя с пятой – или шестой? – попытки всё ж вытасила Серёгу на медленный танец. Едва он закончился, зажёгся в прихожей свет – Лёха засобирался домой.

– Настасья, можно вас на пару слов? – позвал он и сделал Андрею жест, пока Дементьев не видел: мол, отвлеките его. И, пока Андрей выпрашивал у Серёги о самочувствии, вышедшей в коридор Насте Лёха сунул тысячную купюру и прижал палец к губам – мол, тихо.

– Зачем? – удивилась она шёпотом.

– Я ухожу, парни заняты подругами... А за Серёгой надо присмотреть. Желательно, чтобы утром он улыбался. Если не будет – приеду и попрошу вернуть деньги.

– Ты за кого меня принимаешь? – прошипела Настя.

– Ах, извини, если ошибся. Просто хотел попросить тебя помочь моему другу – а это подарок за помощь. Ну если ты не хочешь, то извини... – и начал убирать деньги обратно в бумажник.

– Нет, стой. Если надо помочь, то конечно, – улыбнулась Настя. Взяла деньги, тут же спрятала в куртку.

– Я как лучше хотел, – пояснил Лёха, вращая в руках рюмку с водкой и глядя в пустоту, – Не думал ведь, что он увидит.

Но Дементьев увидел. Увидел эту тысячу...

«Такой вот я и есть – меня можно любить только, если у меня есть деньги», – предпоследняя запись в дневнике. Её он сделал, выйдя на кухню под предлогом налить себе кофе.

Ему хотелось остаться наедине с собой. Если человек взялся за дневник, за то, куда сливалось всё, что на душе накопилось – стало быть, его лучше не трогать. Он выключил свет. Стоял и смотрел в окно на огни «Сатурна», на отъезжающие дорогие иномарки... Хотя... Какое там, «дорогие». Подержанные «тойоты», «ниссаны» и «митцубиши» дорогими не бывают. Скорее, просто недоступные для него, Дементьева. Не дорогие, а казавшиеся дорогими. Казавшиеся. Всего лишь.

Мы могли только гадать, о чём он думал тогда. И – да! – гадали.

Вовка уже уединился со своей пассивой в спальне – пара кроватей у противоположных стен, да покосившийся шкаф – вот и вся обстановка. Андрей с Марьей танцевали. Настя вышла из гостиной за Дементьевым. То ли дело было в тысяче, то ли и впрямь искренне хотела помочь.

– Серёёёж... Ты чего там?

– Ничего. Иду, – он выдавил улыбку. С этой выдавленной улыбкой Андрей его и запомнил входящим в зал, держащим Настю за руку.

Обычно диван оставался за Андреем и его девушкой, но тут, стараясь лишний раз не тревожить друга...

– Если бы я тогда остался в гостиной... успел бы остановить. Я ведь чутко сплю, даже пьян когда, – сокрушался он.

К тому моменту мы прикончили вторую и переключились уже на третью бутылку, которую привёз с собой Лёха.

Судя по тому, что друзья увидели утром выглядывавшую из-под одеяла полностью обнажённую спину Насти, что-то у неё с Дементьевым ночью было.

На кухне лежал раскрытый дневник.

«Так, парни, теперь спокойно и два раза, если не дошло с первого... Я прощаюсь с вами – извините, что так, но иначе вы не дали бы мне уйти. Уйти насовсем. Навсегда. Я не хочу так больше. Притворяться кем-то, кем не являюсь? Платить, чтоб меня любили? Я и правда не такой, слишком не такой какой-то, видимо.

Веронику не обижайте. Скажите, что я всё-таки готов был бы принять её целиком и всю.

Лёха, Настя свои деньги заработала.

Андрей, спасибо за всё.

Вовка, ты их успокой – они как лучше хотели, знаю.

Теперь подумайте. Порезать Броню – будут искать. Единственная их зацепка к тому, кто порезал – я. Ниточка ко мне ведёт через Нику. Не хочу, чтобы она пострадала – и не хочу ломать жизнь вам. Всем будет лучше, если я исчезну. Правда. К отцу, к матери. Ну, вы поняли. Дневник мой вам на память оставляю.

Ну всё. Пора. Прощайте».

Мы перечитали эту запись. Лёха не сдержал слезу. Скупая, как говорят «мужская». Но как по мне, так гораздо более по-мужски было то, как он скорбел по потерявшему другу.

Такая вот неумолимая логика – парень ушёл из жизни, чтобы защитить друзей и девушку. Девушку, которой простил предательство.

– Егорыч, говоришь, с Костей встречался? – прищурился Андрей.

Я покивал головой.

– Куда.... Куда можно прийти... Попрощаться? Следователь приходил к каждому. Вопросы задавал, сказал только, что Серёга шагнул с плотины. А где похоронили – не знаем даже.

И что им нужно было сказать?

Нет, ну что??

Я молчал.

– Егор. Прийти помянуть... Куда? – Лёха, самый трезвый, решил, что из-за выпитого я туго соображаю.

Я выдохнул.

– На плотину, ребята. На плотину...

Глава 2

*Эмиадия, Архипелаг Жингкон,
на следующий день*

– Ничерта себе... – протянул Серега, поднимаясь с земли и оглядывая ромб в добрых пятьдесят, если не больше, метров поперечником, из которого его вышвырнуло минуту назад. Ромб был сделан из мощных металлических балок с какими-то непонятными устройствами – антеннами? – в вершинах углов.

Состояние было близким к шоковому: вот только что, вот секунду назад летел вниз с плотины, потом – вспышка, резкая, ослепительная и... И какое-то серое Ничто, похожее на туман, липкий, вязкий, неподвижный и неошутимый, словно в нём замирало само Время, а потом... А что потом?

– Это где же я? Стоп... Я живой, что ли? – Дементьев внимательно прислушался к своим ощущениям, – Вроде живой. И не сплю, кажется... Не, это точно не рай, иначе всё тело бы так не болело. Или мне в ад полагается? Самоубийца же. Вроде... – он огляделся.

Вокруг простиралась высокая степная трава, вдаль виднелось море. Вокруг ромба были разбросаны постройки непонятного назначения, ближайшая из них дымила и воняла гарью. В небе ярко светило солнце, ни снега, ничего – мало того, что непонятно было, где находишься, так и ещё непонятно, когда... Стояла нестерпимая жара, Серёга в своей зимней одежде моментально вспотел. Посмотрел вокруг – ни души, только высокая трава почти по пояс. Недолго думая, принялся переодеваться – снял пуховик и шапку, стянул джинсы и надетые под них трико, скинул свитер. Остался в лёгкой футболке, натянул джинсы – вроде нормально, одет по погоде, ботинки вот только зимние... Но не босиком же?

Рассовал по карманам сигареты и зажигалку, достал маленький блокнотик с ручкой – пригодится, мало ли? Свернул одежду в кучу, бросил в траву, под металлический фундамент ромба.

– Где я? – но додумать не успел: где-то совсем рядом раздались взрывы и крики, сопровождаемые короткими хлопками и жужжанием. Оно походило на звук, который издали бы пчелы, если бы им вздумалось вылетать из улья шеренгой. Только во много раз сильнее.

Серега, отчаянно хромя, подошел к ближайшей постройке и выглянул из-за угла.

То, что он увидел, заставило его быстро спрятаться обратно.

Прячась среди построек, две группы людей, одетых в разный по цвету камуфляж, вели бой. Первая группа была малочисленной и потому оборонялась от нападающей второй. Если люди в первой походили на европейцев, то вторые больше походили на азиатов. Их было больше, они уже обошли первых с флангов и прижали их к земле плотным огнем из автоматов. Автоматы были странные, Серега никогда не видел ничего подобного. Пули, вылетая из них, жужжали, трассировали и оставляли за собой дымные дорожки. На глазах у Сереги очередь таких вот пуль срезала двоих нападающих насмерть.

Но обороняющиеся тоже несли потери.

Дальше Серега смотреть просто не стал – им овладел самый, что ни на есть, животный страх. Он выбил из головы все мысли и начисто лишил способности рассуждать.

«Бежать!» – это была первая мысль, но боль в ушибленных при падении ногах быстро дала понять, что убежать не удастся. Тогда Серега просто лег в траву и постарался вжаться в землю. Так он и лежал, внимательно слушая, что творится вокруг: стрельбу, короткую переключку боя, в которой ни слова не удавалось разобрать, короткие вскрики раненых.

Слушал – и надеялся, что его не найдут, не заметят, что не заденет случайно.

Тем временем, стрельба утихла, наступила тишина, которая вскоре сменилась голосами по-военному четкой беседы. И – внезапно – крик, которому вторят другие крики. Потом вопль боли и глухие удары, которые нельзя было спутать ни с чем: кого-то жестоко избивали. Правда, избиение скоро прекратил строгий властный окрик, голос, по-видимому, принадлежал командиру.

Язык был Сереге незнаком; оставалось только пытаться угадать, что же происходит, по звукам. Выглянуть он не решался, полностью доверившись слуху.

Звуки сказали, что группа людей не спеша куда-то направилась. А позже Сереге стало ясно, что отряд должен будет пройти мимо него. Запаниковав, принялся в спешке отползать прочь. И – ожидаемо – его услышали. Через мгновение к нему уже бежали вооруженные азиаты.

– Гэр! Кинава гэр! – заорал один из них, наставляя на Серегу оружие.

Серега не спеша встал, вытянув пустые ладони – повсеместно принятый жест, «сдаюсь»

Азиат в необычной экипировке оскалился, не сводя с Сереги прицел автомата. Другой зашел сзади, взмахнул прикладом...

И вновь – никакого понятия о месте своего нахождения. Под спиной была сырая холодная земля. Под ноющим и разламывающимся затылком – что-то мягкое.

Он разлепил глаза. Первое, что увидел – стальные прутья решетки наверху. В них виделось ясное безоблачное небо. Вокруг – отвесные стены из земли. Судя по всему, его бросили в яму для пленных.

Серега поднялся, осмотрелся: в противоположном углу он нашел человека – боец из числа оборонявшихся «европейцев», видимо, единственный оставшийся в живых из всего отряда. Лицо без единого живого места, камуфляж перемазан кровью. Боец спал, хрипя явно нездоровыми легкими. Серега подсел поближе и стал рассматривать его.

Без сомнения, парень был ненамного старше Сереги.

Но не это привлекло внимание Дементьева, а необычность формы: таких знаков отличия он нигде еще не видел. Коричневая полоска на груди, сразу под ней – голубой пятиугольник, под которым надпись на совершенно незнакомом для Сереги алфавите. На коричневой полоске – тоже буквы и столь же непонятные. Во всяком случае, Серега не знал ни одного в мире языка, где использовались бы подобные символы.

Это было странностью номер один. А под номером два шло то, что дышать было почему-то тяжело, хотя легкие казались абсолютно чистыми от всяческих заболеваний. Мелькнула мысль, что в яме, возможно, скопился какой-нибудь газ.

Решив проверить это, Серега встал и задрал голову вверх, уставившись в небо.

И тут же напрочь позабыл эту мысль. Не только воздух и форма бойца были какими-то не такими, даже с небом было всё не так, как обычно.

Вместо того, чтобы быть голубым, небо было какое-то слегка белесое, с оттенком морской волны. Подумалось даже, что это какой-то смог или дым так изменили привычный окрас небосвода. Глаза пытались найти кусочек привычного чистого, прозрачно-голубого во всей этой белесой картине. Взгляд наткнулся на луну – она сохранила свой обычный белый цвет и размер.

Это немного успокоило Серегу – перевел взгляд в другую сторону – и чуть не грохнулся наземь от увиденного. Там, куда он сейчас смотрел, на противоположной стороне небосвода, был виден полумесяц еще одной, только желтой, луны! Дементьев переводил взгляд с одной на другую, с них – на белесое небо. Делал это до тех пор, пока не убедился – это не бред и не галлюцинации. Опустив голову, отошел, словно в трансе, оторопело сел на земляной пол и уставился на свои ноги, сопревшие в тяжёлых ботинках.

Мысль, четкая и ясная, несмотря на свою невероятность, пробилась в сознание.

– Так... Я не знаю, где я, но зато точно могу сказать одно: я знаю, где меня нет... Я не на земле. Я на другой планете. Вот так.

Он достал из кармана сигареты и спички, прикурил и выпустил клуб дыма. Махнул спичкой, чтобы погасить её.

Но спичка трепетнула пламенем и гаснуть отказалась. Серега посмотрел на нее и уже не стал удивляться тому, что горит она необычно высоким и ярким пламенем. Уронил её, стал смотреть, как догорает.

«Всё правильно», – лениво подумал он, – «Если это другая планета, то и атмосфера здесь другая. Видимо, гораздо больше кислорода, поэтому спичка и горит ярче. Вот почему голова кружится и трудно дышать»

Он встал, несмотря на боль в ушибленной ноге, и попрыгал на месте. Прыгалось необычайно легко и высоко, и Серега лишний раз уверился, что он в другом мире, где гравитация явно меньше земной.

В затылке невыносимо ломило – сказывался удар прикладом – но, тем не менее, случившееся надо было обдумать. Серега сел на место и стал мучительно мириться с тем, что раньше ему казалось досужей выдумкой фантастов: он находился на другой, чужой планете, о которой пока еще ничего не знает.

Непонятно как, непонятно почему – но прыжок с плотины закончился не падением на землю вниз, а... А, собственно, где это он?

Осмотрелся по сторонам: рядом лежала свёрнутая тюком одежда, в которой угадывался камуфляж – выцветший, застиранный, изношенный... На груди штопанная дыра и тёмное пятно – уж не кровь ли?

Тут же стояли стоптанные ботинки.

– Ничего... – подбодрил Дементьев сам себя, посмотрев на свою зимнюю обувь, – Хуже, чем дома, быть уже не может.

Взгляд упал на спящего.

– Узнаем... Всё узнаем. Если не прибьют нафиг... Хотя какой им смысл? Раз не убили сразу, значит, решили, что я им пригожусь. А вояка этот мне с языком поможет, – вслух поразмыслил он.

И внезапно стало легко. Проблемы решились сами собой: ведь он *мертв* для земли. Но всё-таки остался жив.

Серега растоптал окурок, вытащил ноги из ботинок и погрузился в раздумья. Думал то об одном, то о другом. Мысли скакали, не желали выстраиваться в хоть какой-нибудь порядок.

Сколько просидел так, он не знал; пока от размышлений не оторвал шум наверху. Дементьев проследил, как откинулась решетка, вниз сначала уставились три ствола этих самых странных автоматов: два из них смотрели на проснувшегося от шума вояку и лишь один был направлен на Серегу. Это красноречивее всего говорило о том, что хозяева этих мест хорошо представляют, кого из пленников следует опасаться больше. В яму сбросили мешок; затем решетку спешно закрыли – стихли шаги, а вот собрат Серёги по сидению в яме резко приподнялся, окинул взглядом всё вокруг и неторопливо сел.

– Как спалось? – спросил Серёга не надеясь особо на ответ. Вряд ли этот необычный военный говорит по-русски. Даже на английском пробовать не имеет смысла – всё-таки это не Земля, и земные языки вряд ли здесь кому-либо знакомы.

Вояка, кряхтя, поднялся и подошел к мешку. Вынул оттуда прозрачную бутылку в форме конуса, сделанную явно не из стекла. Выдернул пробку, сделал несколько жадных, больших глотков. Утер рот, довольно крякнул и протянул Сереге.

Дементьев взял и начал вертеть её в руках, разглядывая. На ощупь она чем-то напоминала пластмассу. Материал был непрозрачный, на постукивание отозвался глухим звуком. Серега взял её за горлышко и сделал пару глотков.

Вода. С непривычным привкусом, но всё-таки это была вода. Уже отнимая бутылку от рта, Серега увидел обращенный на него удивленный взгляд соседа по заточению. Тот смотрел с плохо скрываемым любопытством.

И было отчего: вояке, наверное, доводилось видеть всякое, но чтобы привычную для него посуду изучали так, будто видят впервые...

Дементьев же не придал этому внимания. Сидел и спокойно смотрел на своего соседа. Пусть думает, что хочет. Это Сереге только на руку.

– Кигас Атаги, – сказал воин, положив руку на грудь, и выразительно посмотрел на Дементьева.

«Имя своё назвал» – догадался Серега

– Серега. Дементьев, – повторил жест наш герой.

Атаги (или Кигас?) сделал странный жест – коснулся пальцами лба. И снова удивился, видя, что его не понимают.

– Селлестия, – сказал Кигас, указав сначала на себя, а потом махнув рукой куда-то вдаль.

– Не знаю я твоего языка, – улыбнулся самой виноватой из улыбок Дементьев.

Атаги снова удивился. Задумался. Потом натянул рукав и кивнул головой голубой квадрат с белым крестом, ориентированным по центру, – Селлестия, – показал он на эмблему и снова махнул рукой в ту же сторону.

«Говорит, что из Селлестии», – догадался Дементьев. И закивал головой.

И тут же понял, что сглупил: кивок головой мог здесь означать либо что-то другое, либо не значить ничего вообще.

– Кигас? – спросил Серега и показал на Атаги пальцем, – Да, – и кивнул головой, – Серега? – показал он пальцем на себя и снова закивал, – Да.

– Ис, – сказал Кигас и перевел для понятности: – «Да» – «ис», – И снова коснулся пальцами лба.

– Кигас – Селлестия, – махнул в ту же сторону Серега, – Кигас? – и вопросительно указал в пол.

– Жингкон, – ответил Кигас и взял с пола мешок со снедью.

Итак, прояснилось хоть что-то. Место сие звалось Жингкон. Что это: страна на каком-то континенте или остров – было неизвестно. Одно вот было понятно до конца: здесь явно жизнь не сложится. Значит, всё, что остаётся: держаться рядом с Кигасом и учиться его языку. Чтобы потом оказаться в Селлестии. А там видно будет.

И Серега взялся за дело.

Так началось обучение – названия предметов, одежды, потом – простейшие действия, цвета. Междометия... Обучение новому языку было занятием интересным и необходимым, кроме того, это позволяло коротать время.

Серега ждал от Жингконцев допросов, расспросов, но ничего этого не было. Ни на первый, ни на второй, ни на третий они не появились. По-прежнему раз в день кидали им мешок. И только на девятый день в яму спустили лестницу и что-то крикнули Кигасу.

– Идти, – сказал Сереге Кигас на Селлестийском.

– Пойдем, – ответил по-русски Серега.

Атаги понял его. Ведь он не только обучал Селлестийскому языку Серегу, но и поневоле учился сам.

Оказалось, что снаружи их ждет работа. Самая черная и тяжелая. Лагерь, где они находились, явно рос и развивался. Появлялись новые здания – домики пирамидальной формы,

в каждом поселялось по десять вооруженных жингконцев. Серега сделал для себя вывод, что этот лагерь – часть какой-то системы. Было здесь две машины, с виду вроде как джип, но двигатели расположены сзади, а салон – спереди. Никакого тяжелого вооружения, только несколько каких-то нацеленных в небо турелей с трубами – судя по всему, направляющими для ракет. Были катера – широкие, вместительные машины с короткими и очень широкими крыльями, были «птицелёты» – как, не задумываясь, окрестил их про себя Серёга за то, что те в полёте махали крыльями на манер птиц.

Лагерь предстояло окружить окопами, и именно эта работа и легла на плечи Сереги и Кигаса. Работа начиналась с рассветом, заканчивалась вечером, когда диск местного солнца касался горизонта и начинали восходить естественные спутники. Тут же и названия удалось выведать: дневное светило – это Белува, желтая луна носила имя Таена, белая – Гейдеир.

Мало-помалу Серега начал понимать язык, а через месяц он уже неплохо объяснялся Кигасом – сдружились, но, несмотря на это, Серега по-прежнему делал вид, что ничего не помнит. Его расчет был прост: рассказ о другой планете точно уверит селлестийского военного в безумии Дементьева.

Атаги в потерю памяти явно верил и с увлечением показывал Сереге новый для того мир, много рассказывая о себе, о своем городе под названием Канис, откуда был родом.

Собрат по плену носил звание глайнес и был командиром подразделения десанта, что называлось арсиан, и было чем-то вроде земного взвода. Четыре арсиана образовывали милуну, и Кигас командовал первым из них, осуществлявшим силовую разведку.

Так Атаги и оказался здесь, где, по сводкам, никаких войск не должно быть, на острове под названием Ситай, что вместе с остальными принадлежал к некой договорной зоне, образованной после войны тридцатилетней давности. В чём была причина этой войны, Сереге понять так и не удалось – просто знания языка на тот момент не хватало. А вот более простые понятия позволили узнать: Ситай был частью архипелага, целой цепочки островов, объединённых под названием Жингкон.

И чем дальше, тем сильнее крепла уверенность: на этой чужой планете под названием Эмиадия для него, Сергея Дементьева, найдется местечко.

Через полтора месяца по местному счёту землянин, наконец, начал более-менее сносно объясняться с Кигасом, жизнь, даже такая унигительно-рабская, потихоньку вошла в какую-никакую, а колею. Одежда быстро пришла в негодность, Жингконцы снабдили их сразу несколькими комплектами застиранной и кое-как заштопанной формы, которую явно до этого намеревались выбросить. Относились к ним более-менее сносно – работают, мол, и ладно, лишь бы хорошо работали... Ни побоев, ни унижений – скорее, полное отсутствие какого-либо внимания. Было похоже, что они не интересовали никого, кроме приставленного к ним вояки, который их кормил и заодно присматривал, чтоб не отлынивали и не пытались сбежать. Ствол короткого автомата, постоянно направленного в их сторону, красноречивее всего говорил о том, что будет, если они замыслят бунт. Объяснялся надсмотрщик с Кигасом на ломаном Международном языке, который здесь изучали почти повсеместно.

В свободные минуты, чтобы скоротать и время и учить язык дальше, Дементьев начал расспрашивать Кигаса об Эмиади.

И чем больше он узнавал, тем больше удивлялся этой чужой планете.

Цивилизация на Эмиадии пошла по тому же пути, что и на Земле, только кое-где свернула не туда. Так, например, почти все жилые постройки здесь имели архитектуру, близкую к форме пирамид. Почему так – ещё предстояло выяснить. Другое, что заметил Дементьев – его собрат по плену ничего не знал о ядерной энергии или о чём-то подобном. Похоже, что здешняя наука не занималась этим всерьёз. Возможно, просто потому, что не было тому причин.

Множество гидроэлектростанций – как речных, так и морских приливных, снабжала города электроэнергией в достатке. Нефть здесь, конечно, была, но использовалась в основном

в химии. Были и автомобили, но все, как один, имели заднее расположение двигателя, сиденье спереди было одно, передняя колёсная пара была уже задней. Когда Серёга поинтересовался, почему так, Атаги ответил, как само собой разумеющееся:

– Так устойчивей. И управлять лучше.

Пространство над двигателем зачастую использовалось как багажник, а горючее, которое эти автомобили использовали – сжиженный газ. Пару таких, с позволения сказать, автомобилей, доводилось чуть ли не ежедневно наблюдать в лагере – различия, конечно, были, но Дементьев с уверенностью мог сказать, что перед ними катается ничто иное, как военный джип.

Вообще, наличие ископаемых сильно влияет на развитие технологий. Так на Эмиадии было много алюминия и мало железа, поэтому первый использовался повсеместно.

Всё было чуть не так, чуть по-другому – зато похоже в общих чертах. Самым непохожим и интересным были, пожалуй, корабли. Собранные из легкого алюминия, они имели множество отсеков, из которых выкачивался воздух до вакуума. Более плотная атмосфера и низкая гравитация позволяли им свободно плавать в воздухе. Плотность атмосферы внесла свои коррективы и в летающие машины – здесь они имели два крыла. Реактивные бипланы, ни чем не уступающие нашим самолетам, бороздили небо, в точь, как на Земле, и единственное, чего Эмиадийцам не удалось – это достичь и пересечь звуковой барьер. Самолеты эти были гораздо меньше и компактнее своих земных аналогов, а в более точном переводе с Селлестийского правильнее было бы назвать их «авиалёты».

География тоже была интересна. В южном полушарии находилось два материка: Сиборсия, которую занимало одноименное государство, и Геллия на противоположной стороне, где располагалось сразу несколько стран.

Этот материк протянулся почти от самого экватора до самых южных морей, где уже плавали айсберги. Геллия имела форму буквы «L», только очень жирной и сплюснутой. На востоке её располагалась сама Селлестия, граничившая только на западе с королевством Неолон.

Неолон занимал «угол» материка, то есть то место, где Геллия сворачивала на север. Старое и обширное королевство с агрессивной внешней политикой и немалыми амбициями, оно имело довольно обширную территорию. На севере оно граничило с Кентией, республикой, протянувшейся вдоль восточного побережья, и Немвалом, который занимал небольшую территорию к западу от Кентии. Между этими двумя странами находились три маленьких государства, если смотреть с запада на восток, то располагались они так: сначала Агранд, потом Тенгри и уже дальше – Менадия. Самый север материка занимала Федерация Драгман.

Другой континент, Андикан, лежал в обоих полушариях, и экватор делил его пополам. По отношению к Геллии он находился на северо-востоке. Между этими материками тянулась цепочка островов. Начиналась она у самых берегов Селлестии и тянулась дугой до самой южной из стран Андикана – Вивии... Это и был архипелаг Жингкон – множество маленьких государств, разных как по уровню развития, так и общественному строю. Объединяло их, пожалуй, только прошлое да общая религия. Для всей Геллии это был восток – жители его были, в основном, расой, которую Дементьев и окрестил поначалу «азиатами».

В северном полушарии располагалось три материка, два из которых можно было смело назвать большими островами. Нот и Кандарон были населены мало. Первый вроде был чем-то вроде доминиона, второй вообще представлял собой сплошную мёрзлую тундру. Зато третий был населен густо, там располагались мировые лидеры производства электроники Тей и Кассаринадо, лидер производства в аграрной сфере – Динджи.

Было ещё кое-что удивительное. В нескольких тысячах километров от побережья Геллии – странная формация в сотни километров в диаметре. Это место звалось Зоной Аномалии, полусфера, все попытки проникнуть внутрь которой оканчивались исчезновением пытавшегося.

Кое-что примерно удалось узнать и об астрономии: Эмиадия имела почти нулевой наклон оси, и потому колебание температуры в году было очень незначительным. В уме Дементьев прикинул, что она была больше земли, сутки здесь длились дольше. Год делился на десять месяцев, месяц – на пять недель по пять дней каждая. В сутках было тридцать два часа. И соответственно, здесь были совсем другие единицы измерения: вместо часа – лейс, вместо минуты – кинс, секунда здешняя – тарн. Аналогично метр был тсэром, а тысячей тсэров – гауст. Конечно, они даже приближенно не равнялись нашим величинам, так что сопоставлять их значения земным аналогам Дементьев сначала пытался, потом бросил: всё равно бесполезно.

Из важного и первостепенного следовало усвоить кое-что ещё: довольно давно местными лингвистами был разработан международный язык, основной отличительной чертой коего была основа на созвучиях в словах из разных языков, но означавших одно и то же. Видимо, делалось это из расчётов простоты и понимания. Международный существовал и имел хождение наряду с родными языками и не принадлежал ни одной стране в отдельности. А вот синтаксис предложений, признал Кигас, был позаимствован из старого имперского языка – слишком уж во многие наречия он перекочевал в неизменном виде. Это было удобно, но в то же время излагать мысли было всё же проще на родном – международный, хоть и изучаем был повсеместно, для всех так и оставался «чужим» языком. Словом, Серега попал в довольно-таки интересный мир. Он впитывал его в себя со скоростью пересохшей губки. Ибо эта поначалу чужая планета должна была стать ему домом.

Было здесь и ещё кое-что, что вызвало интерес у Сереги – это так называемые Точки Скольжения, суть коих была в том, что если войти в ромб генератора, когда в нем открыта такая Точка, выйдешь из другого ромба, где открыта выходная. Как это работает, Атаги, будучи человеком военным, особо не понимал и на назойливые вопросы Серёги лишь разводил руками в жесте, который Эмиадицам заменял пожатие плечами. Судя же по описанному Кигасом процессу прохождения Точки, Дементьев попал сюда именно через Скольжение, но вот каким образом оно связало не два места одной планеты, а разные миры – было непонятно. Ибо это считалось невозможным.

Дни шли за днями – за работой время летит быстро.

Рабочий день начинался с рассветом и заканчивался, едва здешнее солнце – Белува касалась горизонта. В свободное время Серёга продолжал изучать язык, учился грамоте и счёту заново – всё-таки незнакомые прежде буквы и цифры требовали привыкания к себе. Работа сильно не утомляла – сказывалась более низкая, нежели на земле, гравитация. Но вот лёгкие привыкали труднее – дышать временами становилось очень даже тяжело, Серёгу часто бил кашель – из лёгких летела какая-то жёлтая дрянь – скорее всего, отхаркивалась смола от табака. Сигареты давно кончились, а курения на Эмиадии не знали. Но вскоре привыкли и лёгкие, перестало крутить живот от непривычной еды. Всего один раз он серьёзно заболел, слёг – подцепил какой-то местный микроб, незнакомый для его иммунитета – но к счастью, у надсмотрщиков в запасе нашлись таблетки сильного антибиотика, эффективного против неведомой заразы, и Серёга быстро пошёл на поправку. Жингконцам явно было не до них – лагерь рос, прибывала техника и люди. Дементьев с Атаги закончили линию окопов, им наметили новый фронт работ, и они так же спокойно, не торопясь, начали рыть котлован под какое-то сооружение, которое, видимо, требовалось разместить под землёй.

– Больше всего меня злит то, что всё, что мы делаем, предназначается против наших, – признался как-то Кигас Серёге.

– А что нам остаётся? – спросил Дементьев, – Начнёшь делать всё плохо – так ведь заметят и переделывать заставят...

– Тоже верно, – согласился Кигас с грустью, покосившись на не спускающего с них глаз Жингконца с коротким автоматом наперевес, – Эх, не успели мы скинуть координаты генератора Точки Скольжения – иначе тут давно бы уже пара кораблей всё с землёй сровняла..

– А как получилось, что не успели? – спросил Серёга, не отрываясь от ковыряния в земле лопатой.

– Хотели проверить, работоспособен ли генератор или нет, решили подойти поближе – и нарвались на Жингконцев... Глазом моргнуть не успел – половину ребят уже положили, – сказал Кигас и отвернулся, давая понять, что разговор на эту тему ему неприятен. Серёга догадывался, в чём дело – он, как командир, винил за эту непростительную ошибку себя.

– А что такого в этом генераторе? – спросил Серёга, – Ну стоит да стоит...

– Остров Ситай граничит с договорной зоной. В зоне не должно находиться какой-либо военной техники, не должно быть береговых батарей, баз кораблей – и тем более генераторов Точек Внепространственного Скольжения, – пояснил Кигас, – Только временно находящиеся подразделения. Даже вот этой военной базы здесь быть не должно...

– Но она ведь есть...

– Верно. Здесь разрешено иметь дозорно-пограничный пункт с контингентом не больше десяти человек. А тут уже добрых полторы сотни, и, судя по всему, скоро их будет ещё больше...

– А почему именно «договорная зона»? – спросил Серёга.

– Тебе и правда, видать, память отшибло... Почти сорок лет назад была война, – пояснил Кигас, – Потом заключили мирный договор, одним из условий которого было создание вот этой вот зоны, в которой ни одна сторона не должна размещать вооружения. Это на тот случай, что если одни решат напасть, то будут вынуждены пересечь договорную зону, другие их успеют увидеть и подготовиться к обороне. Эффекта внезапности не будет, понимаешь?

– Понятно. А из-за чего всё получилось?

– Жингкон – страна своеобразная... По их верованию для мужчины есть только три достойных занятия – война, грабёж и торговля. А объект для грабежа они видят в нас. Ну а мы этого так не оставили...

– Ладно... – сказал Серёга, закидывая последнюю лопату в полный уже мешок, – Давай землю вытащим.

Кигас подхватил другой конец мешка, и они оба, спотыкаясь и поскальзываясь, стали подниматься по склону ими же и вырытого котлована. Он пока был неглубок – всего-то в Серёгин рост, по плану глубина должна была бы быть втрое больше.

– Ну, во всём этом есть один плюс... – сказал Серёга, когда они выбрались наконец-то на ровную поверхность, – Когда выберемся отсюда, я легко смогу устроиться землекопом...

– Не, не возьмут тебя... – возразил Кигас, сделав мах рукой из стороны в сторону, что на Эмиадии считалось жестом отрицания.

– И почему же? – поинтересовался Серёга

– Землеройной машине в производительности ты здорово уступаешь... – пояснил Кигас и слегка улыбнулся.

– А я вот подумал... – сказал Серёга, – А что я и вправду буду делать, если мы отсюда всё-таки выберемся?

– Да я вот тоже думал об этом... – признался Кигас. – И пришёл к выводу, что для тебя единственный вариант – это военная служба.

– Хм, а других вариантов и вправду нет? – уточнил Дементьев, у которого не было ни малейшего желания становиться военным.

– А чем тебе этот плох? – удивился Кигас, – Бесплатное жильё, кормёжка, обучат тебя хоть чему-нибудь, у тебя ж ни профессии, ни специальности... Денег подкопишь, на службе платят неплохо. Отслужишь три года – и государство оплатит тебе обучение в любом учебном заведении, куда сможешь сдать экзамены. А там видно будет... И потом, тебя ж без присмотра оставлять нельзя – ты ж элементарных вещей не знаешь, вот скажи, как электронным кошельком пользоваться, а? А еду как готовить? Да ладно готовить, ты и купить-то её не сможешь...

Серёга хотел было согласиться для виду, но вовремя одёрнул себя – на Эмиадии действовало непонятное табу на прямую и умышленную ложь. Такая ложь была чем-то до крайности постыдным, чем-то низким и мерзким... Поэтому он промолчал. Да и к тому же, в словах Атаги была немалая доля истины – он понятия не имел, как делать простейшие для местных вещи. В войсках их делать будут за него – а он только будет выполнять служебные задачи, выполнению коих его, вне всякого сомнения, научат.

– А ты чем заниматься будешь, когда выберемся? – спросил Дементьев.

– Отпуск возьму, – сказал Кигас, – Рвану домой на месяц, в Канис, там сейчас красота... Девушки в летних нарядах... Сначала пить буду дня три, а там посмотрим. Наверное, потом проедусь по семьям тех, кто погиб на этом треклятом задании. Расскажу, как всё было. Поначалу вообще подумывал бросить службу к Архаку, теперь вот передумал. В конце концов, что мне на гражданке делать? Тут я глайнес, скоро, глядишь, и дарсад получу. А дома что? На шахты идти – никакого желания нет. На литейные заводы – тем более. А в остальных местах уже специальность нужна, профессия. Всю жизнь рядовым рабочим вкалывать – это не по мне как-то. А так, глядишь, дослужу до срока, переведут куда-нибудь в тихое местечко, на ту же батарею... У нас в Канисе батарея стоит. Вот там не служба, а красота! В городе каждый день, считай...

– Тебя как в военные-то занесло? – спросил Серёга.

– Да просто, – ответил Кигас, вытряхивая из мешка остатки земли и направляясь обратно в котлован, – Отец болеет, мать всю семью на себе тащит – меня и младшего брата. На мою учёбу, естественно, денег не нашлось. А тут как раз набор был в десант, думаю, дай-ка завербуюсь. После службы-то ведь государство оплачивает учёбу в любом заведении, если экзамены туда сдашь, конечно. Ну, а на распределительном пункте отправили меня на курсы обучения, я там оказался одним из лучших, мне и предложили поступить на курсы младших командиров. Три месяца дополнительной учёбы, окончил уже с званием сиргуд. Потом заместителем командира второго арсиана, это я уже этранес был, потом и свой арсиан дали... А там уже дослужился до глайнес.

– Я вот что-то всё не как не пойму... – почесал в затылке Серёга, не отставая ни на шаг, – Глайнес – это звание или должность?

– Звание и должность сразу. Каждой должности соответствует звание... Ну, да если поступишь на службу, тебе всё это объяснят, не волнуйся. Так вот, срок потихонечку вышел, на счёте деньги накопились, я подумал, да и потратил их все на обучение младшего брата, ещё и не хватило, потом пришлось доплачивать. Братишка не подвёл – сдал экзамены в академию кораблестроения, учится, я ему деньги регулярно отсылал. Сейчас, наверное, волнуется страшно – я ж в списках пропавших без вести числюсь. Хорошо хоть, я успел ему полностью обучение оплатить перед тем, как сюда попал. Если выберусь отсюда – как пропьюсь, то первым делом брата навещу, съезжу в Лангес...

Он остервенело схватил лопату и всадил её в землю.

– Архак бы подрал этих ублюдков, которые задумали эту разведывательную операцию! – процедил сквозь зубы он, – Самое противное, что помощи ждать было неоткуда, Серёга – не имеем мы права такие вот вылазки делать. Никто и ничто из того, что несёт хоть какое-то оружие, не может пересекать черту договорной зоны, понимаешь? Ибо это чревато политическими неприятностями – чтоб им передохнуть всем, политикам этим, начиная с Ребалтаса!

– Это кто такой?

– Президент Свободных Земель Селлестии, – ответил Атаги, используя причудливый речевой оборот, который на Земле звучал бы как просто «республика». Про себя Серёга Селлестию республикой и называл.

– Так, а чего ж полезли тогда? – спросил Дементьев, тоже принявшись рыть сырую, неподатливую землю.

– Лет двадцать назад статус договорной зоны был неприкасаем для обеих сторон. Потом начались нарушения. Не знаю, кто начал первым, но суть в том, что договорная зона стала местом небезопасным. Жингконские пираты начали использовать зону для вылазок, мы, естественно, таким вылазкам стали мешать. С тех пор зона хоть официально и нейтральна, но и мы, и они этот нейтралитет втихую нарушаем. Каждый хочет контролировать зону, идёт затянувшаяся борьба, своеобразная игра политиков и высших командиров. А мы в этой игре всего лишь мелочь, которой можно пожертвовать ради более крупного выигрыша в перспективе... Жизни моих парней кто-то оценил очень дёшево – ведь с самого начала было ясно, что разведка на территории противника это вещь рискованная...

– Так почему бы не переписать договор о статусе зоны?

– Не с кем его переписывать. Когда Договор подписывали, было в Жингконе законное централизованное правительство. Двадцать пять лет назад сразу три крупных острова заявили о своей независимости, началась гражданская война, правительство было свергнуто. Но нового вместо него не появилось – острова теперь как бы каждый сам по себе, на каждом острове сидит свой князёк, власть которого ничем не ограничена. Большинство и понятия не имеет о договорах и дипломатии, творят что хотят, уверенные, что никто и не узнает о его делишках. И действительно, попробуй, пойми, с которого из островов взлетел тот или иной пиратский корабль. Вот они и чувствуют безнаказанность... Правда, последнее время у них вроде как образуется военный союз, следствие которого – вот эта вот база...

Кигас выпрямился и с тоской глянул вдаль, на горизонт, за которым находилась Селлестия. Он не знал о том, что рядом, невидимый отсюда, в воздухе висит неподвижный крейсер его соотечественников.

Восточное море, район острова Ситай, На следующий день

– Ну и духота, – проворчал Мейлиш, расстегивая воротник – стойку голубой форменной рубашки, на которой красовались знаки различия для звания «геирсей». Окна в рубке авианесущего крейсера были открыты, сквозняк спокойно гулял из угла в угол, но прохлады не приносил. Ветер, тёплый и влажный, дул с севера, принося горячий воздух с экватора. Лето разгоралось вовсю, скоро станет ещё жарче. Сейчас пока хотя бы изредка, но забегали ещё холодные потоки с юга, принося прохладу и свежесть с полярной шапки. Но скоро должны были начаться штилы, и тогда погода установится. В небе плыли тяжелые дождевые облака, волны внизу налились свинцом. К духоте прибавлялась сырость – над морем парило, не иначе – к грозе.

Геирсей Мейлиш, командир крейсера, был молод для своей должности. Мало того, не хватало опыта. Как ни крути, а всю жизнь он провел не здесь, в архипелаге, а на севере, в Ветреном Море, где частенько шалили пираты, где можно было гонять контрабандистов и браконьеров. Несмотря на то, что Ветренное Море находилось ближе к экватору, там было не в пример прохладнее. Там постоянно дули ветра, за что оно и получило своё название. Здесь, в Договорной Зоне архипелага Жингкон, было скучно. Только патрулирование и ничего больше. Только и оставалось, что радоваться наползающим тучам – дождь хоть немного, но принесет свежесть в пахнущий солью воздух. Мейлиш никогда бы не подумал, что будет рад дождю. Дожди он не любил. Но сейчас это представлялось единственным спасением: ему, уроженцу западной Селлестии, было тяжело здесь. Мейлиш привык к континентальному климату, а тут – почти тропики.

Комфортно в такую погоду чувствовали себя только, пожалуй, островитяне – коренные жители архипелага, что родились и выросли в этом климате. Про себя Мейлиш тихо проклинал и архипелаг, который никак не мог уgomониться, и штабных умников, решивших, что отправить следует именно его, Мейлиша, корабль.

Небось, сейчас сидят в штабе в своих кабинетах, обложившись кучей бумаг, и окна нараспашку, и с улицы задувает свежий, прохладный ветер. В столице летом хорошо – всё-таки мудрые предки ответственно подошли к выбору будущего стольного града... А здесь – духота, от которой не спасает даже графин, к которому Мейлиш периодически прикладывался – вода почти моментально нагревалась от окружающего воздуха и становилась тёплой, а потому противной.

Крейсер висел на высоте в восемьдесят тсэров почти неподвижно. На горизонте узкими чёрточками виднелись острова Ситай и Ахже – это был уже Жингкон – и россыпь мелких островов, названия которых даже не хотелось выговаривать, чтобы не сломать язык. Геирсей с удовольствием поднял бы корабль повыше, но нельзя – средства радионаблюдения у противника хоть и устаревшие, но чувствительные антенны корабля на самой верхушке мачты нет-нет, да регистрировали их излучение. Свои радары и локаторы работали в пассивном режиме, не «прощупывая» пространство, дабы не выдать радиоволнами себя – крейсер ждал и наблюдал.

Причина была непонятной даже для Мейлиша. Сухой текст радиограммы гласил: «... авиалёт – разведчик обнаружил повышенную активность на острове Ситай. В связи с ростом тамошней военной базы предполагается перемещение вооруженных сил сквозь Договорную Зону. Вам предписывается вести наблюдение. При попытке кораблей Жингкона нарушить нейтралитет зоны вам предоставляется право выбора своих действий самостоятельно. Напоминаем, что таковые перемещения крайне нежелательны, а, следовательно, вам предлагается воспрепятствовать им при благоприятной для этого тактической обстановке». И больше ничего. Каких сил? Чем вооруженных? Каких кораблей? Мейлиш поежился – его крейсер, лишенный прикрытия эсминцев и фрегатов, уязвим со стороны тех же торпедных катеров – маленьких и юрких.

Которые, кстати, имелись в изобилии у того же Жингкона. Случись нападение таких корабликов – и тяжесть обороны крейсера целиком и полностью ляжет на стоящее на посадочной площадке двенадцатое крыло палубной авиации.

Авианесущий крейсер «Пасгедас» был, всё же, грозным кораблем. Тринадцать стоящих на палубе крылатых машин могли наносить точечные удары по противнику, не подвергая при этом риску сам крейсер. Подразделение авиации звалось «крылом» – Йялла знает, кто придумал такое название – и состояло из четырех звеньев по три авиалёта в каждом. Отдельно от троек был авиалёт командира крыла, глайнес Илмеги.

Помимо этого «Пасгедас» нес две пусковые установки ракет большой дальности и мощности зарядов, по четыре ракеты в каждой. Четырёхствольные блоки орудий среднего калибра предназначались для огня на небольших дистанциях – в пределах прямой видимости. Их было три – два в носовой части и один позади надстройки, и новизной конструкции «Пасгедаса» были ещё и довольно узкие «мёртвые зоны» обстрела для блоков. Были и установки ракет малой дальности, по семь в каждой – предназначенные в основном для уничтожения высокоподвижных целей, но можно и зарядить ракетами для стрельбы по объектам на земле. Крейсер нес четыре торпеды, катер для подразделения десанта, четыре птицелёта и малые ракеты... А пулемёты против авиации и воздушных объектов – тех же птицелётов, торпед либо ракет – и вообще можно было не считать, это всё-таки не столько вооружение, сколько оборонительная система крейсера.

Но, тем не менее, от этого спокойнее не становилось. Необходим был хотя бы минимум информации. Вдруг на острове сверхтяжёлые танки? Тогда стоит крейсеру подойти достаточно близко, и снаряды самого, что ни на есть, крупного калибра с таких вот танков запросто отправят его в небытие. А может быть, и самоходные пусковые установки – тогда с острова по крейсеру запустят противокорабельные ракеты большого радиуса действия, а корабль даже не сможет определить их местонахождение. Нужна, ох как нужна была сейчас разведка.

Даже не разведка боем, а простой минимум информации. Достаточно отправить туда один-два авиалёта, чтоб те сделали над островом круг и осмотрели его. Одно только «но»: Мейлиш почти наизусть знал содержание документа со звучным названием «О статусе Договорной Зоны». Этот документ строго-настрого запрещал подобные разведки. Ситуация была из разряда «и хочется, и колется», поэтому Мейлиш колебался.

В задумчивости он сделал круг по рубке, неспешно, словно нехотя, переставляя ноги и глядя в палубу. Потом второй. С одной стороны – безопасность крейсера прежде всего. С другой – не имел он права нарушать нейтралитет договорной зоны. Адмиралтейство или даже Служба Безопасности Страны за такое по голове не погладят, а с СБС он предпочитал никаких дел не иметь. Да дело даже не в том, что, возможно, его понизят в звании и снимут с должности – просто альтернатива была самая, что ни на есть, мрачная. В данной ситуации Мейлишу оставалось либо положиться на удачу, либо действовать на свой собственный страх и риск. Удача в данном случае от него не зависела. А вот страх и риск вполне принадлежали ему.

Командир «Пасгедаса» ещё раз прокрутил в голове возможные исходы событий. Итак, исход первый – корабль пассивно наблюдает и ждёт. В договорной зоне появляются корабли Жингкона. Заметив крейсер, они попробуют либо уклониться от боя, либо атаковать – ведь «Пасгедас» это свидетель нарушения статуса зоны. Если они от боя уклонятся, то крейсеру придётся их преследовать и иметь дело с обороной острова, а в каком состоянии оборона – неизвестно. То есть в первом варианте при отсутствии слепого везения кораблю Мейлиша грозит гибель. Даже если крейсер побежит в случае перевеса противника – те же быстрые торпедные катера без проблем догонят его. Вариант второй – отправить разведку. Тут опять же возможны нюансы – разведка либо благополучно вернётся, либо её сожгут. Но в любом случае, информация об обороне острова у Мейлиша будет, а с этой информацией можно принять верное решение, то есть и выполнить боевую задачу, и не подвергнуть корабль угрозе... Даже если авиацию сожгут – что ж, он ответит хоть перед СБС, хоть перед военным судом; но если пострадает крейсер – он этого просто не переживёт. Третье решение – что в Разведуправлении сидят всё-таки не полные дураки – и примерная угроза им известна, так что крейсер, по всем расчётам, должен либо справиться, либо благополучно уйти.

Но на разведку геирсей отчего-то не очень надеялся.

– Позовите ко мне глайнес Илмеги, – сказал Мейлиш и обернулся к радиометристу: – Чисто?

– Никаких новых сигналов не обнаружено, геирсей, – ответил молодой парень из своего угла, сплошь заставленного мониторами.

«Чисто», – подумал Мейлиш, – «Чисто, Архак их всех подери! А вдруг – слишком осторожничают и идут с отключенным радаром?»

Он нервничал. Островитяне непредсказуемы, враждебны – словом, каждую минуту можно ожидать нападения. Даже отчётливо представил себе – сейчас, вот прямо сейчас рапортуют радиометристы, что обнаружили излучение радара. И радар этот только включился, а враг уже тут, рядом, на дистанции выстрела! А ведь крейсер здесь один, никакой поддержки. До базы на Тихуесе далеко, случись настоящая схватка – и помощь придет слишком поздно. На Тихуесе стоит флагман Восточного флота, громадный тяжелый крейсер «Мессиноро» – такому и десяток катеров не страшен... Там же и другие корабли – в Жингконе было спокойно, острова архипелага вооружались, и поэтому приходилось держать эскадру поблизости. Последнее время обстановка накалялась. Пропало возле самой Договорной Зоны без вести шесть подряд кораблей – два транспорта, три пассажирских лайнера и танкер... Скорее всего, архипелаг снова начал промышлять грабежом и пиратством, эту мысль даже проверили – но пропавшие в районе соседнего с Ситаем острова Ахже корабли не удалось обнаружить в том радиусе, в котором они могли бы оказаться, даже двигаясь на самом полном ходу с момента пропажи...

«Архак бы подрал этих штабистов», – подумал Мейлиш, – «Не могли «Саттас или «Тесит» отправить?»

Но причину он знал и сам – «Пасгедас» был новейшим кораблем, с самой мощной и современной радиоэлектроникой, которой кроме него мог похвастаться разве что такой же новый «Пиккерено». Именно поэтому и отправили его, а не «Тесит» или «Саттас»... Хотя лучше бы их, думал Мейлиш, в который раз за утро проклиная жару и невыносимое, затянувшееся ожидание.

– Геирсей Мейлиш, глайнес Илмеги прибыл! – прозвучал от дверей сильный, властный голос. Мейлиш обернулся.

Вошедший был невысок и коренаст, серые глаза смотрят со спокойствием и выражают сосредоточенность и внимание. На голове ежик каштановых волос рассекался коротким шрамом. Где и как Илмеги получил его, не знал никто – командир крыла почти ничего не говорил о своем прошлом. Всё, что знал о нем Мейлиш, сводилось к лаконичным строкам досье. Из них можно было понять, что Илмеги уже в зрелом возрасте и переживает расцвет сил. Что он воевал много и толк в своем деле знает. И более того – переводом своего крыла на «Пасгедас» недоволен, но недовольство вслух не выражает. Документы описывали его как человека требовательного, настойчивого, прямолинейного. Послужной список полон благодарностей за успешно выполненные задания и замечаний за возражения старшим. Внимателен, опытен, своенравен, но исполнительен...

«И смертельно опасен», – добавил про себя Мейлиш, глядя на истертую рукоять пистолета на поясе глайнеса. Насколько знал командир крейсера, Илмеги никогда не расставался с оружием.

– Глайнес, в каком состоянии сейчас звено перехватчиков? – спросил Мейлиш.

– Готовы к вылету в любой момент, геирсей, – сказал Илмеги тем тоном, каким говорят о том, что само собой разумеется.

– Хорошо... Глайнес, мы с вами недавно вместе, скажите: смогут ваши люди провести разведку с вылетом за пределы Договорной Зоны, но так, чтобы никто этого не заметил? – спросил Мейлиш.

Илмеги призадумался. И было отчего, ведь никогда, ни при каких обстоятельствах, кроме прямой агрессии, Селлестийцы не могли нарушать восточную границу договорной зоны. Мейлиш же собирался сейчас сделать именно это. Узнай об этом СБС, и Мейлиша ожидают вызовы, допросы, расследования – и даже возможно, что и снятие с должности командира крейсера. Таким вопросом Мейлиш напрямую дал понять, что, несмотря на недолгую совместную службу, он доверяет Илмеги безоговорочно. И вопрос этот задал неспроста. По сути, он предлагал Илмеги и его людям участвовать в нарушении буквы международного права.

Глаза геирсея смотрели прямо, напряженно – глайнес, заглянув в них, увидел именно то, чего и ожидал увидеть.

– Всю ответственность я беру на себя, – вслух сказал Мейлиш, словно угадав мысли Илмеги, – Но мне важно знать возможности наших пилотов. Итак, смогут?

– Смогут, – уверенно сказал Илмеги. – Только вести звено я доверил бы не командиру звена сиргуд Иссиро, а командиру тяжелых истребителей сиргуд Уэйтонес. Она опытнее и лучше справляется с управлением на малых и сверхмалых высотах. Только так мы сможем пройти незамеченными. Пилоты Мареш и Итгерено пройдут, если вести их будет Уэйтонес.

– Что ж, если вы, глайнес, так считаете, то я просто не могу вам возразить. Делайте, как считаете нужным. Вылет сразу, как будете готовы. Задача – разведка. Осмотрите остров Ситай и прилегающие к нему проливы. Мне нужно знать, есть ли угроза крейсеру со стороны архипелага, – решил Мейлиш, а про себя задался причинами такого странного условия – заменить командира звена. Память услужливо подсказала – да ведь Илмеги с Уэйтонес вместе

служили на «Сатгасе» до перевода сюда. Ей он доверяет, её он знает. Что ж, раз командир двенадцатого крыла так считает, то – пусть.

– Понял, геирсей, – сказал Илмеги, – Разрешите приступить к выполнению задачи?

– Конечно, идите, глайнес... – ответил Мейлиш и снова погрузился в размышления.

Да, можно было бы поднять и беспилотники. Но они почти слепы, одна камера, да и та смотрит только в переднюю полусферу обзора. Чтобы вести их, нужен хороший радиолуч, теряющийся на малых высотах – а на больших этим радиолучом крейсер выдаст себя. Нет, лучше – прижатые к самой воде, быстрые и хищные перехватчики. Да, на малых высотах этим машинам неуютно, расход топлива огромный, но – скорость у них самая высокая.

Не прошло и десяти кинсов, как три авиалёта – два перехватчика и двухпилотный истребитель, который даже относили к легким бомбардировщикам – оторвались от палубы и стали подниматься в воздух.

Мейлиш выдохнул. Возможно, позже придется пожалеть об этом решении, но уж лучше так. Ибо альтернатива была неутешительной. Если островитяне нападут на крейсер, чтобы скрыть перемещение войск, то сделают они это всеми силами и атаковать будут до последнего. Поэтому лучше быть в курсе, более того – просто необходимо знать, откуда ждать опасности. Крейсер – это не фрегат и даже не эсминец, чтобы набрать ход, ему потребуется куда больше времени. А без набранной заранее скорости о битве с малыми юркими судами и речи быть не может.

Если бы геирсей видел сейчас свой крейсер со стороны и мыслил земными стандартами, он увидел бы корпус подводной лодки, на которой по какой-то нелепой ошибке установили надстройки и орудия надводного корабля. Впрочем, на этом совпадение и кончилось бы. Крейсер был воздухоплавающим, ход ему давали мощные турбины.

– Стармех! – скомандовал Мейлиш, едва три прижавшихся к самой воде крылатые машины скрылись из виду, – Пуск турбин.

– Понял, геирсей, – отозвался средних лет вигенес у пульта управления.

– Штурман! Разверните корабль на север. Пройдемся вдоль зоны.

Корабль ожил. Где-то в недрах взвыли насосы, турбины провернулись, набирая обороты. Крейсер вздрогнул едва заметно, и сопла в корме дохнули пламенем.

– Геирсей, сиргуд Уэйтонес докладывает о входе в зону прямой видимости острова! – раздалось из-за пульта диспетчера палубной авиации.

«Сейчас узнаем, что там, на Ситае, творится», – подумал Мейлиш, а вслух сказал совсем другое: – Огневой пост! Орудия к бою приготовьте, а то мало ли...

– Понял, геирсей! – отозвался молодой парень, нёсший вахту на посту. Он был не то, что молод, даже юн ещё. Только недавно закончил учебу, пошел на флот, чтобы заработать. Отсылал деньги сестре, которую, насколько знал Мейлиш, этот парнишка считал единственным по-настоящему близким человеком. Звали парня, кажется, Тейджи – Мейлиш точно не помнил, в конце концов, крейсер он получил совсем недавно и всю команду по именам запомнить ещё не успел.

Тем временем, корабль мягко качнулся и двинулся вперед, постепенно набирая ход. Окружающий пейзаж поплыл вправо – «Пасгедас» поворачивал на север, прямо вдоль самой кромки договорной зоны.

– Геирсей... – неуверенно окликнул Мейлиша человек из-за пульта диспетчера, – Извините, но я думаю, что вам лучше поговорить с сиргуд Уэйтонес самому.

Командир крейсера приподнял бровь. Что-то случилось, если авиаразведка обнаружила нечто, нуждающееся в его, Мейлиша, личном приказе. Поэтому он немедленно пересек мостик и подошел к пульта. Взял из рук диспетчера наушники с микрофоном и произнес:

– Геирсей Мейлиш вызывает сиргуд Уэйтонес.

– Геирсей, на острове Ситай обнаружена вооруженная военная база.

– О базе нам известно, – сказал Мейлиш

– Извините, геирсей, просто я хотела сказать, что база укреплена, и, по всей видимости, охраняет Генератор Точки Скольжения...

– Сиргуд, я не ослышался? – спросил Мейлиш, – Именно Генератор Точки Скольжения? Работающий?

– Да, геирсей, именно генератор. О работоспособности судить не могу, но... Точка не открыта.

– Продолжайте облет острова, – приказал Мейлиш и снял гарнитуру связи, вернув её диспетчеру.

Услышанное им можно было смело записывать в разряд экстраординарного. Генератор, вершина всех существующих на планете технологий, просто не мог быть построен Жингконом. У архипелага не было ни средств, ни специалистов, ни нужной производственной базы для этого... Более того, не имел Жингкон право на строительство таких объектов вблизи договорной зоны. Это было равносильно постройке батареи, способной простреливать всё пространство зоны. Теперь понятно, почему так растёт активность на Ситае – этот крупный остров был ближе всех к границам Селлестии. Разместив здесь генератор, способный создать выходную Точку, можно быстро и внезапно ударить по Керайским островам, на которых стоит уже Селлестийский Генератор, ведущий к острову Тихуес. Войска островитян можно разместить где угодно, где есть входная Точка. Можно и на другом конце Архипелага. В таком случае вырвавшиеся из Точки, что только что нашли на Ситае, корабли запросто могут сбить «Пасгедас» и опять скрыться через Скольжение...

Никто и никогда не узнает, что произошло. Мейлиша передернуло от этой мысли.

И было отчего. Делать доклад на базу можно только в случае явной угрозы жизни крейсера, а её не было. Во всяком случае, недвусмысленный приказ четко говорил о запрете использования связи дальнего радиуса действия. Такой сигнал с легкостью обнаружат даже допотопные пеленгаторы Жингконцев, после чего за крейсером уже будут следить, а этого допустить ну никак нельзя. Простая логика подсказывала, что в такой ситуации следует действовать на опережение – попросту взорвать к Архаку генератор, которого здесь не должно быть, и уйти на полной скорости. Теперь было понятно, каким образом пропали все шесть кораблей – островитяне абордировали их на подлёте к Ахже, гнали на Ситай – а отсюда через Точку Скольжения корабли уходили уже дальше – правда, куда – неизвестно. Но логика подсказывала, что выходная Точка тоже где-то в Архипелаге, только восточнее, ближе к экономическому сердцу Жингкона...

От долгих раздумий Мейлиша оторвал диспетчер:

– Геирсей, сиргуд Уэйтонес доложила об обнаружении воздушной цели. Судя по всему, транспорт класса «Стрела» без опознавательных знаков.

И тут же подал голос радиометрист:

– Геирсей! Регистрируем сигнал радара, предположительно транспорт легкого класса! Передачу сигнала «свой-чужой» не ведёт!

Мейлиш, несмотря на небольшой свой опыт, быстро сообразил, что к чему. Итак, транспорт без трансляции сигнала опознания. Значит, он, скорее всего, захвачен, при том совсем недавно. Транспорт спешит к Ситаю, а это значит, что нужна ему именно Точка. Уйдёт в Скольжение – и поминай, как звали. Никто и ничто не сможет уже найти его следов. Но в этом был плюс. Если генератор будет запущен в режиме входной Точки, то ни один объект не сможет выйти из неё до тех пор, пока её не закроют и не откроют заново, но уже в режиме выходной. А это требует времени, и при этом немало. Атака на генератор может выйти боком, а вот неопознанный – то есть как бы ничей – корабль в Договорной Зоне остановить мы имеем пол-

ное право. Будет сопротивляться – можем сбивать. И тогда войска островитян, какие бы они ни были, просто не смогут не обнаружить себя.

– Диспетчер! Передайте приказ Уэйтонес – собрать как можно сведений о транспорте и возвращаться!

– Понял, геирсей! – отозвался тот, и взялся за передачу.

– Радиометрист! Включите радар, наблюдайте за транспортом. Для входа в Точку ему придется набрать скорость, двигаясь по прямой к генератору. А для этого потребуется сменить курс. Как только это произойдет – сразу доклад мне.

– Понял, геирсей! – откликнулся радиометрист.

Следующий приказ – на тот же пульт, но уже радисту:

– Вызовите транспорт на международной гражданской частоте, запросите название, порт приписки, куда следует.

И очередное «понял, геирсей» слилось с докладом диспетчера:

– Геирсей, сиргуд Уэйтонес докладывает, что на борту транспорта не обнаружено пассажиров, часть надстройки срезана и на освободившемся месте установлены ракетные установки средней дальности. Кроме того, на борту транспорта просматривается закрашенная надпись «Эидим», – сказал диспетчер.

– Транспорт «Эидим» выполнял рейс из Вивии в Селлестию. Порт приписки – Лангес, Селлестия. Пропал десять дней назад. На борту находилось тридцать пассажиров, – громко, чтобы слышали все, сообщил радиометрист данные радиосводок.

– Твари! – заорал Тейджи за пультом наведения ракет и разразился рыданиями: – На нём должна была прилететь моя сестра!

– Уведите парня, и пусть его кто-нибудь сменит, – приказал помрачневший Мейлиш. Ему всё было ясно – транспорт был захвачен. Пассажиры и экипаж с почти стопроцентной вероятностью проданы в рабство – Жингкон активно этим промышлял, поставляя товар на рынки почти всех государств, где, в отличие от Селлестии, рабство законом не запрещалось. Тейджи вряд ли увидит свою сестру ближайšie лет пять... Если, конечно, найдёт способ её выкупить.

Захваченные суда были обычным делом на Эмиадии, но, тем не менее, каперского права здесь не существовало. Любое военное судно могло принудить такой корабль следовать за собой для выяснения обстоятельств под угрозой уничтожения. И Мейлиш так бы и поступил, если б не договорная зона...

Решение в такой ситуации могло быть только одно, и Мейлиш его принял: как только бывший «Эидим» сменит курс, «Пасгедас» откроет огонь. На транспорте даже и не подозревают ещё, откуда идёт передача – крейсер за пределами не только прямой видимости, но и за пределами дальности радаров и радиолокаторов транспорта. Вряд ли на него успели поставить пеленгаторы.

– Геирсей, на экранах помехи от открывающейся Точки Скольжения, – доложил радиометрист. Мейлиш улыбнулся про себя – всё идет именно так, как он и предполагал. А мгновением позже его мысли подтвердились.

– На требования назвать себя «Эидим» не отвечает, – доложил радист.

– Транспорт меняет курс! – крикнул с радостью радиометрист.

Теперь можно было атаковать. И транспорт, и генератор.

– Курс на перехват! Ход до полного! Ракеты нацелить! Авиалёты отозвать! – отрывисто скомандовал Мейлиш, и команда вразнобой доложила о начале выполнения приказа.

Последним из отзывавшихся оказался наводчик ракет по имени Тейджи.

– Ты ещё здесь? – поинтересовался Мейлиш, кинсом ранее приказавший увести парня с поста и заменить его.

– Геирсей... – Тейджи, всё ещё дыша сквозь зубы, посмотрел на него красными воспаленными глазами, – Ради Творца, геирсей, прошу вас... Отмените приказ. Я должен участвовать в этой атаке. Я в порядке, правда... Я справлюсь, геирсей. Пожалуйста.

Не может командир отменять своих приказов. Ну, или точнее – не должен. Хотя, иногда... По ситуации, как гласил Кодекс Старшего Состава, в исключительных случаях...

– Хорошо, – после недолгой паузы ответил Мейлиш, – Хорошо, оставайся на посту.

Крейсер быстро набирал ход, нос его стал поворачивать влево. Пусковые установки ракет возле надстройки пришли в движение – Тейджи поднимал их для пуска ракет по оптимальной траектории.

– Боевая тревога! – объявил Мейлиш, и его приказ тут же передали по внутренней связи в каждый отсек корабля.

«Пасгедас» шел в бой.

Ходовая рубка быстро наполнялась людьми. Влетел старший офицер корабля – он, в отличие от Мейлиша, был патологически аккуратен – даже в такую духоту был застёгнут на все пуговицы. Появились рулевые, штурмана деловито заняли места у пультов управления боковыми турбинами и рулями, появились помощники механика, артиллеристы. То же самое творилось по всему кораблю – люди занимали боевые посты, деловито докладывали о готовности. До Мейлиша долетали лишь отрывки переговоров командиров служб корабля со своими людьми по внутренней связи:

– Орудийные блоки расчехлены, блокировка поворота снята...

– Высота восемьдесят тсэров, дифферент ноль, бортовой дрейф два...

– Проверяю синхронность показаний, радиометристы, давайте отсчёт...

– Левый борт, один, полтора, два, три...

– Всё в норме, у меня те же отметки...

– Разрежение в отсеках плавучести восемьдесят процентов, балласт полный, утечки нет...

– Выравниваю дрейф, тягу подруливающих до сорока...

– Пусковые готовы, неполадок нет...

– Все на посту, замечаний нет...

– Основные показатели в норме, пуск дополнительных электростанций...

– Проверьте напряжение третьего генератора и точность показаний приборов, у меня здесь Йялла знает, что отображается! При таких параметрах работы генератор уже по винтикам разлетелся бы.

– Поняли, проверяем...

– Проверьте величину, что-то с гашением дрейфа не так.

– Сильные восходящие потоки воздуха, над морем здорово парит, вот и меняется величина дрейфа.

– Ясно, выравниваем вручную...

– Регулирую погрешность приборов на дистанционном пульте, на местном все параметры генератора в норме.

– Хорошо, у меня теперь тоже рабочие в норме.

– Полная готовность палубной команде, корабельную пехоту к погрузке в птицелёты, беспилотники – взлёт...

Старший офицер, вигенес Астиаро, по одному обходил посты центральной рубки, всё замечая и подмечая. Это было его дело, Мейлиша эта процедура ни в коем случае не касалась. У него, как у командира корабля, в происходящем была совсем иная роль.

«Это должен был быть его корабль», – про себя подумал Мейлиш. Астиаро, человек уже на самом пороге, за которым начинается старость, казалось, и не чувствовал никогда своих лет. Примерный семьянин, тихий в жизни человек и беспощадно требовательный на службе – наверное, таким и полагается быть боевому командиру. Это Астиаро знает весь экипаж корабля по именам, помнит, кто откуда родом, кто как попал на борт и когда. Этому предстояло научиться, и Мейлиш даже был рад, что у него такой старший помощник. На вигенесе был почти весь документооборот, касающийся корабля – геирсей порой удивлялся, как тот умудряется выспаться. Вот и сейчас – вахта не его, старпом сменился пару лейсов назад, должен бы отдыхать. А нет, вот он, аккуратно застёгнут до последней пуговицы, несмотря на жару, свеж, и, пожалуй, выглядит даже получше, чем командир крейсера.

– Жду докладов о готовности, – сказал геирсей, когда переговоры по внутренней связи стали стихать.

– Электромеханическая готова, полная мощность электростанций, главные двигатели на полном ходу.

– Радиометрия в полной готовности, цель прямо по курсу, высота цели шестьдесят, скорость двадцать, растёт, дистанция до цели пятьдесят пять.

– Палубная служба: авиация готова, подразделение корабельной пехоты к погрузке готово, поднимаем беспилотники в воздух!

– Штурманская готова, дрейф ноль, крена и дифферента нет, высота восемьдесят, скорость тридцать пять, курс пятьдесят ровно...

– Огневая служба к бою готова, блоки орудий заряжены, система защиты в порядке, ракеты дальнего радиуса на цель наведены.

– Жизнеобеспечение готово, разгерметизаций отсеков не обнаружено, разрежение – ноль четыре, все на постах.

– Четырьмя ракетами дальнего радиуса, попарно – огонь! – приказал Мейлиш, скосив взгляд на Тейджи. Тот с какой-то остервенелой радостью поднял скрывающие тумблеры крышки и щёлкнул два из них почти одновременно. Крейсер плавно качнуло – из пусковых установок слева и справа от надстройки вырвались клубы дыма, показались хищные рыльца ракет, а мгновением позже сработали ускорители, и ракеты – по одной с каждого борта – рванулись в небо. Крейсер окутался облаком дыма и скрылся из виду, но почти сразу же вышел из образовавшейся завесы.

– Ракеты запущены, траектория в норме, – доложил Тейджи главному артиллеристу крейсера, немолодому уже дарсаду Синери.

– Запускай вторую пару, – ответил тот, и Тейджи щёлкнул два следующих тумблера.

И вновь – та же картина, только Мейлиш смотрел уже не на борт, а прямо по курсу, где, выстилая за собой дымные хвосты, две ракеты с жадностью пожирали дистанцию до цели.

– Запуск ещё двух, отклонений в траектории нет, – бубнил Тейджи.

– Цель резко меняет курс и набирает высоту. Ракеты в сорока гаустах от неё, – доложил с пульта радиометрии.

Потянулось ожидание.

– Ракеты в двадцати гаустах, – спустя какое-то время нарушил тишину радиометрист.

Спустя ещё какое-то время опять:

– Дистанция ракет пятнадцать, старт противоракет врага.

Этого Мейлиш ждал. Если корабль врага вооружён, значит, на нём предусмотрена и защита от таких вот атак – маленькие маневренные ракеты с самонаведением на палубе

«Эидима» уже намертво держат в прицеле две ракеты. Две ближние, из тех, что стартовали первыми. Другую пару увидеть им уже не удастся – наведение подобных установок спроектировано таким образом, чтоб всегда захватывать ближайшую цель. Первые две ракеты будут стопроцентно сбиты, а вот вторая пара успеет проскочить прежде, чем с «Эидима» стартует следующая партия противоракет. На это и был рассчитан попарный, или, как его иначе называли, «каскадный» запуск.

– Первые две ракеты сбиты... – это уже докладывает сам дарсад Синери, и почти сразу же добавляет: – Вторые две прорвались на дистанцию критической близости... Дистанция полтора гауста... Гауст... Половина гауста... Сигнала нет.

Самый волнующий момент. Ракеты пропали с экрана – попали или, всё ж таки, тоже сбиты? В последний момент?

Ответ дают операторы беспилотников, глядящие на цель глазами камер своих летательных аппаратов:

– Есть парное попадание!

К ним присоединяются радиометристы:

– Цель медленно теряет скорость и высоту, курс цели пятьдесят, дистанция до цели сорок девять гаустов!

– Авиации – противокорабельные ракеты и атаковать цель, взлёт немедленно по готовности, – приказал Мейлиш, – Лево руля двадцать тисанов! Поднимаемся до ста.

– Внимание! Цель произвела залповый запуск ракет по нам! – резануло криком из-за пульта радиометриста, – Шесть ракет, быстро набирают скорость!

– Главные двигатели стоп! – резко приказал Мейлиш, – Противоракеты к бою! Запуск противоракет, как только вражеские ракеты будут в зоне досягаемости!

– Понял, геирсей! – отозвался дарсад, главный артиллерист, которому подобное было не в диковинку. Сколько раз подобное на учениях отработывали. Правда, там условные «прорывы» противоракетной обороны корабля самоликвидировались, не долетев до цели.

А тут всё по-настоящему.

– Главные двигатели остановлены! – доложил старший механик.

– Полный назад! – приказал Мейлиш.

Вскинув бинокль к глазам, он увидел их – шесть иголок с дымными хвостами и оранжевыми сполохами там, где находилось бы игольное ушко.

«Траектория слишком пологая, трудно маневрировать», – про себя отметил командир «Пасгедаса», глядя влево – с палубы в спешке снимались один за другим и отправлялись прочь авиалёты. Это – страховка на случай нападения на крейсер откуда бы то ни было ещё. Это – дополнительная ударная мощь корабля. Это – при необходимости – разведка.

– Они сбили наши беспилотники! – с удивлением протянули из левого угла мостика.

Мейлиш оглянулся – доложил диспетчер. Сами операторы беспилотников сидели с совершенно потерянным видом. Не ожидали, судя по всему, такого поворота событий. Были не готовы к тому, что так произойдёт. И последнее – судя по их лицам, операторы даже не поняли, *чем* и *как* сбили управляемые ими машины.

Новость, что ни говори, была плохой.

Во-первых, сбить быстрые и юркие беспилотные аппараты не так-то просто, если нет современных систем радиолокации, подключенных к, опять же, современному бортовому компьютеру, который просчитал бы траекторию цели и определил бы необходимое опережение для стрельбы. А стало быть, к компьютеру нужны и довольно солидные приводы автоматической наводки – если это пулемёты, или высокоманевренные ракеты, способные развернуться под нужным углом даже на малых дистанциях.

Во-вторых, без беспилотников трудно вести разведку и почти невозможно корректировать артиллерийскую стрельбу. Их оружием были «глаза» мощных камер, дающих приличное

увеличение. У авиалётов таких средств попросту нет. Как оценить повреждения корабля противника теперь?

– Дистанция до вражеских ракет десять гаустов! – доложил радиометрист.

– Есть наведение противоракет! – крикнул Тейджи.

– Пуск! – скомандовал главарт, и крейсер снова укрыло завесой дыма. Дарсад не пожалел боеприпасов – сразу двенадцать маленьких вёртких снарядов стартовало навстречу ракетам, быстро мчащимся к «Пасгедасу».

– Перезарядка пусковых установок противоракет... – доложил Тейджи.

– Крейсер набрал полную заднюю скорость, высота семьдесят, дистанция до цели пятьдесят два, до ракет врага – пять...

Мейлиш пронаблюдал, как тянутся друг к другу, намереваясь встретиться, чётко обозначенные дымом линии ракет – шесть жирных с «Эидима» и двенадцать тонких – с «Пасгедаса». Вот они всё ближе друг к другу, ближе... Вспышки взрывов прямо в воздухе – ракеты встретились. Одна.. Вторая... Третья... Потом – две сразу, и – всё...

– Одна ракета противника прорвалась! – крикнул радиометрист, – Дистанция критическая!

– Держитесь! – предупредил Мейлиш.

– Крыло авиалётов взяло курс на цель! – успел крикнуть диспетчер, прежде чем хищная стрела вражеской ракеты не перечеркнула воздух перед самыми окнами центральной и не взорвалась прямо между носовыми орудийными блоками...

Крейсер вздрогнул всем корпусом, палуба подпрыгнула под ногами, и те, кто не успел ни присесть, ни ухватиться за что-нибудь, попадали на пол. Ударная волна хлестнула по бронированным стёклам рубки, заставив их издать мелкую дрожь. Но окна выдержали. По надстройке зазвенел град осколков, вспухший гриб пламени быстро поднялся вверх. В ушах запищало от грохота взрыва, ошеломленные люди поднимались, озирались по сторонам, снова возвращаясь к реальности боя.

Мейлиш кинулся к носовому окну, выглянул – и увидел развороченную палубу, сквозь которую из нижних отсеков вырывались языки пламени.

– Ущерб?! – проревел оглушённый Мейлиш, едва слыша собственный голос, и люди в рубке вернулись к тем делам, за которыми их застал взрыв.

– Дистанция до цели пятьдесят восемь, скорость тридцать, задний ход, плавно теряем высоту! – первым пришёл в себя штурман. Это отрезвило остальных, и снова оживила внутри-корабельная связь, командиры служб опрашивали посты.

– Крыло авиации успешно отстрелялось по цели, потеря в составе крыла нет! – доложил диспетчер.

– Скорость цели ноль, высота сорок один, цель быстро снижается с критическим дифференциалом на нос! – отрапортовал радиометрист.

– Орудийные блоки к бою готовы, повреждений нет, вышли из строя две установки противоракет и две противоавиационных пушки! – доложил главарт, – Расчёт пушек в количестве двух человек погиб...

– Повреждены отсеки плавучести пять и шесть, разгерметизация. В отсеке семь на второй палубе пожар, команды уже локализовали очаг, – доложило жизнеобеспечение.

– Полный вперёд! – приказал Мейлиш. – Курс пятьдесят, приготовить к залпу орудийные блоки. Старпом! Сбросить балласт для восстановления плавучести. Авиации развернуться и наблюдать за базой на острове, подразделению корабельной пехоты полная готовность к высадке...

Его приказы тут же начали воплощаться в жизнь. Взыли в недрах корабля вакуум-компрессоры, откачивая воздух из отсеков, из которых он не был выкачан раньше – эти отсеки были оставлены как балласт, и сейчас они должны были компенсировать потерю плавучести

из-за разгерметизации отсеков пять и шесть. Турбины сбросили обороты, остановились, потом запустились вновь, но уже в противоположную сторону. Исчезли языки пламени, дым больше не мешал видимости вперёд. Крейсер уверенно шёл на остров Ситай.

*Архипелаг Жингкон, остров Ситай,
в это же время*

– Что это было, Архак меня подери? – вскинул голову Кигас, когда раскаты разрывов боя докатились до них. Прислушался, задумался на миг и выдал: – На главный калибр не похоже... Скорее, ракеты большого радиуса действия... Это с корабля. Помнишь авиалёты, что недавно пролетали?

– И что это значит? – спросил Серёга.

– Это значит, идёт бой кораблей. При том неподалёку. Где-то в договорной зоне, думается мне. Вот только хотелось бы мне знать, кто кого обстреливает?

– Я думаю, что обстреливают Жингконцев, – сказал Серёга, качнув головой на лагерь. Там повсюду началась суета – островитяне бегали, кричали, кто-то отдавал приказы... Серёга и Кигас, недолго думая, укрылись в том же котловане, который копали.

– Смотри! – воскликнул Кигас, дёрнув Серёгу за рукав и указав рукой в небо.

Серёга увидел, как на расстоянии от базы серебряными стрелами прочертили небо, поворачивая, крылатые машины – внешне здорово напоминающие земные, только вместо одного крыла у них было два.

– Селлестийцы? – спросил Серёга.

– Да, – с улыбкой сказал Кигас, – Палубная авиация, судя по составу подразделения. Видишь вон те, ширококрылые, с одной турбиной? Это штурмовики. А вон те, узкие такие – это перехватчики. Из этого следует, что где-то поблизости орудует авианесущий крейсер. Похоже, сейчас базу накроют из главного калибра, хотя вполне могут и авиацией пройти – эффект будет тот же, потом никто и не различит нашего котлована среди нескольких таких же... Хотя... Думается мне, лагерь их интересует в последнюю очередь...

– А что же тогда в первую?

– Генератор. Наши увидели его, похоже. И решили уничтожить... Ну, а лагерь, скорее всего, снесут уже потом, на случай ответного огня... А из всего этого следует, Серёга, что нам отсюда нужно убираться, и чем скорее, тем лучше. А иначе наши с тобой тела потом вряд ли найдут. Обстрел площади реактивными снарядами со штурмовиков значит, что ничего живого на этой самой площади не останется. А если из главного калибра жажнут осколочными – то вообще ничего не отыщут, кроме перепаханной земли, хорошенько удобренной кусками человеческих тел...

– Ты умеешь обнадёжить, знаешь об этом?

– Да ты не обращай внимания, это у меня такой чёрный войсковой юмор, Серёга... Не из таких передряг выпутывался...

– А из каких выпутывался?

– Да из всяких... Вот только первый раз в реальную боевую обстановку попал.

– Что-о?!

– А вот то... Селлестия не проводила наземных военных операций уже лет десять... Эта разведывательная вылазка сюда была моим первым настоящим боевым заданием. Как и для моих людей... Впрочем, для них она оказалась последней.

– Ты хоть знаешь, что делать в таких ситуациях? – спросил Серёга, окончательно утративший веру в благополучный исход.

– У меня были высшие баллы по тактической подготовке! – Кигас, кажется, даже обиделся, – Придумую что-нибудь.

– Только думай быстрее, ладно? – сказал Серёга, на мгновение выглянув из укрытия и посмотрев в восточную часть горизонта.

– А что? – поинтересовался Атаги.

– А сам посмотри. – ответил Дементьев, – Если я правильно всё понимаю, то вон та здоровенная штука в небе, движущаяся прямо на нас, это и есть твой авианесущий крейсер. Так что уж придумывай поскорее что-нибудь, уважаемый глайнс Кигас Атаги...

– Значит, так... В этой рванине, которую выдали нам доблестные хозяева лагеря, даже слепой различит старую жингконскую военную форму... А раз мы с тобой в форме Жингкона, то что? Правильно, мы – враги, которые подлежат уничтожению... Из этого следует, что надо бы раздобыть форму Селлестийскую.

– А в яме нашей пересидеть? Ну, в которой нас держат?

– Ну да, конечно, один ты такой умный. Вот я – островитянин с автоматом, идёт обстрел, а тут та-акая ямка хорошая. Бегу туда, там двое ненужных соседей. Что с ними делать?

– Логично, – не стал возражать Серёга, – Тогда форма... А как мы это сделаем?

– Жингконцы форму с трупов моих сняли. Не знаю, зачем, но сняли и отнесли они её вон в то здание. Там же находится и наше оружие... Охраняет это всё один часовой. Осталось как-нибудь туда попасть...

– А нас не пристрелят при такой попытке? – предположил самый вероятный исход этого замысла Серёга.

– Нас так и так пристрелят, – возразил Кигас, – Останемся лежать в котловане – нас накроет залпом. Бросимся бежать – нас убьют Жингконцы, ведь эвакуировать нас отсюда вместе с собой они, естественно, не станут. Это пока им не до нас, вон с какой скоростью пожитки в катера грузят.

– Это вон те, пузатые такие, с крыльями?

– Они самые... Сейчас загрузят всё туда, залезут сами, а там только турбины завести – быстренько полетят отсюда вглубь архипелага, куда наши уже сунуться не посмеют. И тут перед самым взлётом какой-нибудь умник обязательно вспомнит про нас и придёт с автоматом наперевес...

– Смотри! – опять негромко, чтобы не услышали, воскликнул Серёга, – Авиация!

Появившись, словно из ниоткуда, показались прижатые к самой воде крылатые машины. Они стремительно шли на остров, и вскоре Серёга разглядел даже висящие под крыльями ракеты.

– Ложись!!! – зашипел Кигас и подал пример, буквально вжавшись в дно котлована, – На такой малой высоте они по нам не попадут!

Серёга без лишних слов плюхнулся рядом, лицом прямо в сырую землю. А мгновением позже отчётливо услышал рёв прямо над собой. Рёв повторился, потом ещё и ещё, пока не слился в сплошной гул – и почти сразу же стали раздаваться оглушительные хлопки разрывов. Когда они отгремели, над замершими в котловане пленниками пронеслись не прекращающие огня авиалёты.

– Вставай! Да бегом, Архак тебя подери, вставай!!! – не стесняясь уже ничего, заорал прямо в ухо Серёге Кигас, – Бежим, пока они на второй заход не пошли! Да пригнись ты, придурок, пулю хочешь?

Он буквально потащил Серёгу к тому зданию, где, как помнилось Кигасу, складировали обмундирование его людей. Серёга всё внимание сосредоточил на том, чтобы не споткнуться и не упасть, но краем глаза всё равно успел заметить, что лагерь превратился в руины. Вдалеке полыхали три развороченных катера, пространство возле них было усеяно телами. Кто-то пытался стрелять вслед удаляющимся авиалётам, которые уже начали разворачиваться.

– БЫСТРЕЕ!!! – проорал уже изрядно обогнавший Серёгу Кигас. Он был уже в двух шагах от постройки, когда на пороге возник Жингонец с автоматом в руках. Увидев несущую

щегося прямо на него Кигаса он открыл рот, потянулся к затвору, но больше сделать ничего не успел – Атаги, не останавливаясь ни на миг, со всей силы толкнул его кулаками в грудь. От удара тот отлетел назад ударился спиной о стену, начал выпрямляться, но селлестиец уже был рядом с ним и, не особо медля, принялся избивать Жингонца и руками, и ногами сразу. Под градом ударов тот выронил автомат, закрылся руками – и в этот момент в помещение наконец-то влетел Дементьев. Выпущенная кем-то пуля щёлкнула о дверной косяк за его спиной, но он этого даже не заметил – поравнявшись с Кигасом впечатал носок изрядно поношенного ботинка прямо в колено часовому.

– Бей его! – крикнул Кигас Серёге, – Не дай опомниться!

Дементьев и сам уже понял, что если Жингонцу дать хоть малейший шанс – он им воспользуется. А потому принялся колотить руками, не прицеливаясь особо, а лишь бы бить. А Атаги тем временем подхватил с пола автомат, взвёл затвор и нажал спуск. Пуля пробила навывлет ладонь Жингонца, которой тот прикрывал голову, а мгновением позже на стене позади него образовалось грязно-красное пятно.

– Вон те рюкзаки! – снова крикнул он Серёге, не дав тому даже осознать, что произошло, – Хватай два, быстро!

Дементьев кинулся в комнатку, подхватил их, а Кигас, тем временем, поспешно вытащил из кармана трупа запасные магазины. Когда Серёга кинулся к выходу, спина Кигаса преградила ему путь. Выглянув и убедившись, что всё чисто, Атаги с автоматом наперевес выскочил из укрытия и снова кинулся бежать – Дементьев, недолго думая, кинулся за ним. По ним не стали стрелять, впрочем, никто даже и не смотрел в их сторону – ведь с противоположной части горизонта легли на курс атаки авиалёты.

Кигас ловко спустился по лестнице в яму, где их держали – решётка днём всегда была открыта, лестница спущена. Серёга нырнул за ним, предварительно бросив оба рюкзака вниз. Когда он спустился, селлестиец уже вовсю потрошил один, доставая из него форму.

– Смотри-ка, даже кровь, сволочи, отстирали... – сквозь зубы выговорил он, достав камуфляжную куртку, – А бронезилеты куда-то подевали... Одевайся быстрее! – сказал он, видя, что Серёга шарит по своим карманам, – Чего ты там забыл?

Серёга не ответил – достал часы, подаренные отцом на день рождения – правда, на какой, он сейчас уже не вспомнил бы, и зажигалку с блокнотом и маленькой ручкой. Это он хотел обязательно забрать с собой. Положив всё это на землю, начал по примеру Кигаса торопливо натягивать одежду.

Наверху снова загрохотали взрывы, раздавался рёв ракет и ещё какой-то гул, но уже в отдалении.

– По Генератору огонь открыли. Из главных орудий. Значит, лагерь обработают авиацией, – на миг прислушался Кигас, – Да не так, Архак тебя, Серёга, подери! Смотри! – и показал, как правильно застёгивать крючки, которые заменяли пуговицы. Несмотря на то, что Дементьев уже немного пообвыкся с Эмиадийской одеждой, он всё равно иногда что-нибудь, да делал не так.

– Готов? Тогда пошли!

Серёга второпях сунул часы, зажигалку и блокнот в карманы и полез следом. Атаги аккуратно осмотрелся, а потом издал радостный боевой клич.

– Серёга!

– Что?

– Не будет бомбардировки! Наши высаживаются! Пошли! – и вылез наверх.

Дементьев выбрался следом.

– Ложись! – крикнул Кигас и сам плюхнулся следом, пристроив автомат у плеча. Выстрелил пару раз куда-то вдаль, в остатки лагеря – глухой хлопок, и реактивная пуля с жужжанием оранжевой чёрточкой рассекает воздух. Позади уже виднелась громадина крейсера, на его

палубу неторопливо вертикально опускались авиалёты, а катер с нарисованным на борту флагом Селлестии уже завис над самой землёй. Из его брюха откинулась вниз аппарель, по которой чётким строем сбегали с автоматами в руках люди в той же форме, что и Серёга с Кигасом. За их спинами вдали виднелся столб дыма, поднимающийся оттуда, где Дементьев первый раз ступил на землю Эмиадии.

Десантники тоже начали стрелять, быстро рассыпаясь по местности и выстраиваясь полукольцом. Серёга заметил, что никто не выкрикивает команды – каждый боец чётко занимал своё место, маневр был, судя по всему, многократно отработан. Те стреляли коротко, припадая на одно колено и прицеливаясь – и ответный огонь со стороны лагеря островитян вскоре прекратился. Приподнялся Кигас, приветственно вскинул руку и опустил автомат – и только потом уже встал Серёга, удивлённо озираясь. От лагеря не осталось ничего узнаваемого, ни одной целой постройки – даже та, где они с Кигасом добыли обмундирование, превратилась в руины. Авиация, судя по всему, боеприпасы не экономила.

– Вот уж не думал, что тринадцать авиалётов способны на такое, – сказал Дементьев.

– Неуправляемые реактивные снаряды, – пояснил Атаги, – Летят недалеко, зато разрыв у них сильный. Пошли, надо с нашими пообщаться.

– Ага, и что я им скажу? – скривил губы Дементьев.

– А ничего не говори, – ответил Кигас, направляясь в сторону десантников, которые опустили оружие и расслабились, – Сам всё скажу... Ну – как, всё. Только то, что надо. Запомни: у нас нельзя говорить не то, что есть на самом деле. Об этом можно только молчать. Понял?

– Да.

– Вот и не открывай больше рот попусту.

Глава 3

*Селлестия, Циллиса, Резиденция
Интернациональных Вооружённых Сил,
неделей позже*

Редкость, когда столица страны является ровесницей государственности народа. Ещё реже – когда центр государственности исторически столь же стар, как и культура. И уж совсем редко, когда эти признаки совпадают. Ибо мир изменчив, постоянно лишь человеческая натура, вечно ищущая лучшей жизни.

Поэтому и родилась в своё время Циллиса, а чуть раньше – просто Т’Силлеса Атийя, город силлесов, как его окрестили простодушные восточные племена, когда она только появилась в качестве торгового узла между не странами даже, нет – культурами, народами, цивилизациями. Со временем цивилизация восточных племён пришла в упадок, пришлые белые построили новые города, уже без влияния туземной культуры – и вышло так, что новая столица со временем стала олицетворять новую государственность, новую культуру, возникшую на поглощении коренной культуры пришлой.

И этим Циллиса и была уникальна. Да, она не была историческим Стольным Градом силлесов. Не здесь зародилась их культура, не здесь создавалось одно из самых жизнеспособных государств континента, в давние времена устоявшее против целой Империи – и даже язычество тут не до конца исчезло, оставшись в верованиях коренных народов, населявших юго-восток страны. Но она стала воплощением новой государственности, новой культуры, получившейся путём ассимиляции маленьких народов с их традициями и ценностями.

Когда-то – не город, а огромный рынок, раскинувшийся в пространстве между тремя крепостями на холмах. Отсюда – широкие улицы, раскидистые сады вокруг усадеб, роскошные дома, отстроенные вширь. Здесь начинали своё восхождение многие знатные роды: рассудительные отцы, ведущие здесь торговлю, посылали своих смелых сыновей на дикий и необжитый восток с торговыми караванами, доходившими до самого моря... Привезённое добро продавалось здесь, тут же и покупались новые товары, и снова шёл караван, иногда – не за добычей, а чтобы не вернуться.

Отсюда и архитектура, здешняя, узнаваемая: широкие пирамиды домов, первый этаж оборудован широким залом у самого входа. Здесь проходили сборы людей в походы. Здесь встречали новых торговых партнёров. Во множестве комнат вокруг зала селили приезжих, если те останавливались у хозяев. Второй этаж, вдвое меньше – для самих членов рода, там комнаты уже шире, просторнее, светлее, уютнее. И половина здания по высоте – чердак, он же – товарный склад, в который не проникнешь незамеченным, который охраняется со всех сторон самими постояльцами особняка. И подъёмная система прямо в центре дома, с чердака в центр зала, прямо посередине винтовой лестницы, ведущей на этажи. Торговый склад, место для сделок и осмотра товара, контора для учёта – всё в одном.

Именно поэтому в качестве Резиденции для такой международной организации, как Интернациональные Вооружённые Силы, был выбран именно один из таких особняков. Нет, новые владельцы, конечно, никаких караванов уже никуда не отправляли. Но людей требовалось разместить немало, оборудования – тоже, да и занимались эти люди, в основном, разъездами, так что оборудованный под склад чердак и сейчас использовался по назначению. Можно было хранить что угодно, не опасаясь посторонних глаз. С виду – дом как дом, двухступенчатая пирамида с островерхой крышей. На самом деле – центр аналитической работы, координации агентурной сети, экономических подсчётов и планирования операций. Одним словом:

Резиденция, и в ней, как и полагалось, правил Резидент с Немвальской, а, точнее, даже староимперской фамилией Вишиани.

Несмотря на возраст, этот человек просыпался рано, ложился – поздно, справедливо считая, что жизнь слишком ценна, чтобы тратить её на бессельное лежание в постели. Сон, по его мнению – это такая прихоть организма, в удовлетворении которой тот нуждался, конечно, но в меру. Вот и сегодня – едва забрезжил рассвет, а он уже позавтракал в небольшой столовой второго этажа, той самой, не гостевой, а для хозяев – и только после этого привёл себя в порядок, оделся согласно полагающейся ситуации и взялся за дела.

– Всё-таки много мы платим вольнонаёмным, – вместо приветствия сказал он входящим в свой кабинет людям, – Такое чувство, что мы не в Циллисе, а где-нибудь в Сетренадо или Аграмене... Можно подумать, такой тяжёлый труд – костюм постирать да погладить. Так ведь и это нормально сделать не могут!

В качестве иллюстрации он расправил полу серой, даже почти серебристой, рубашки с красной оторочкой и продемонстрировал плохо разглаженные складки. Предчувствуя надвигающуюся жару, Резидент распорядился о переходе на минимальный вариант формы.

– Приятная встреча... – начал, было, один из вошедших, но Вишиани остановил его жестом.

– Брось этот излишний официоз, Ниас, сколько раз тебе говорить, – и, видя, что названный Ниасом напрягся, пояснил: – Не обращай внимания на старика, я ворчлив последнее время... Погода резко меняется, атмосферное давление растёт, все суставы ломит. Кажется, жара с восточного побережья скоро докатится сюда. Сегодня утром заря была с красной полосой на северной части горизонта. Верный признак – быть жаре.

Ниас, а, если правильнее, второе лицо в Селлестийской Резидентуре – вице-резидент, мастер Ниас Нинкоро, был хоть и не молод, но, всё же, до возраста Вишиани ещё порядком не дотягивал. Сегодня он был свеж, даже, пожалуй, чуть свежее, чем обычно. Даже обозначившиеся морщины куда-то исчезли. Или это свет так падал?

Был он крепкого телосложения, и, с высоты лет сухощавого старика Вишиани, даже молод – Нинкоро только-только миновал ту пору, что считается периодом «расцвета сил мужчины». Оттуда Нинкоро вынес глубокие складки у губ, образовавшиеся из-за всё время поджатого подбородка в периоды, когда требовалось сосредоточенно размышлять, да седину на висках. Правильной формы аккуратный нос, глубоко посаженные глаза голубого цвета, светло-каштановые волосы и волевой, широкий подбородок – Ниас был из тех счастливых, что попали на службу в родную страну. Правда, перед этим, как и полагается, помотался по миру он изрядно. Впрочем, это как раз и было распространённой практикой Организации, носившей статус Международной. Людей в ней если и держали на одном месте подолгу, то только на важных постах. И всегда, всегда на верхушке Резидентур находился один человек, для которого страна, в которой находилась Резиденция, являлось родной.

Вишиани же скучал по Немвалу, и, глядя в окно, за которым на слабом утреннем ветерке качала занавесями листва эртрея, в который раз подумал о том, что ему не терпится в отставку.

– У вас усталый вид, магистр, – признался Нинкоро.

Его спутник, невысокий, полный, уже седой человек с выступающими скулами и резко торчащими ушами, тоже явившийся на вызов к Резиденту, молча сделал утвердительный жест, словно соглашаясь со сказанным.

– Перемена погоды, видимо, – не стал возражать Вишиани, – Сколько мы работаем вместе, Ниас?

– Через месяц два года исполняется, как перевод из Королевства получил, – припомнил тот.

– Вот, и пора бы запомнить, что у меня внешний вид плохо отражает внутреннее состояние... Здесь, в Селлестии, я, можно сказать, получил заслуженный покой перед выходом

в почётную отставку. Тут, в своём роде, островок стабильности в этом погрязшем в хаосе мире. ... Доработаю, что осталось, и на заслуженный отдых. В Сетренадо, наверное. Там прекрасные фонтаны, у них так хорошо сидеть в жару под сенью насаженных заботливыми садовниками эртрей. ... Здешние реки такой прохлады не дают. Река – жадная, всю свежесть тащит кишкой воздушного потока над собой, любимой. А фонтан – он сделан людьми, и для того, чтобы служить людям. А ещё лучше – в Менадию, в провинцию. Домик на берегу моря, приходящая прислуга. Вы знаете, почему нас заставляют даже в жару носить эти плащи с капюшонами, когда мы на людях, нет? А ведь это очень мудрое решение, принятое ещё в те времена, когда мы были просто Орденом. Это для того, чтобы люди не узнавали нас потом, когда мы выйдем в почётную отставку – на покой. ... Представляете, что будет, если до, скажем, бывшего Резидента доберутся злоумышленники? К каким тайнам они получают доступ? Я собирался прогуляться по городу, но не могу сделать этого – мой старый плащ, как сказала наша прачка, ещё не выглажен, а новый ещё не дошили. Представляете? Резидент не может выйти из Резиденции, потому что плащ не выглажен. А если бы мне потребовалось срочно явиться, скажем, к президенту Селлестии? Я бы не смог этого сделать, потому как показаться без плаща – это то же самое, что дипломат в домашнем халате. Если мы за собой следить не в состоянии, то, как мы можем смотреть за международными делами? Прачка определяет мировую дипломатию, так-то. ... Так что скажете? Может, вызвать мастера-экономиста и попросить его пересмотреть оплату услуги, а?

Подумав, полный посетитель Резидента ответил:

– Сомневаюсь, что так легко будет найти людей, говорящих на двух-трёх языках, способных, при этом, понять правила внутренней этики и не распространяться о них – и, при том, согласных работать простой услугой. ... Это, как вы правильно заметили, не Сетренадо и не Аграмена, – сухой голос второго вошедшего, тоже уже в годах, звучал столь же твёрдо, сколь и голос самого Резидента, – Так что дело не в оплате. Просто ещё никогда не видел, чтоб люди на рутинной работе относились к ней с ответственностью. Сложно делать что-то хорошо, если не понимаешь, какого от тебя ждут результата и зачем.

– Вот, сразу слышно – говорит старший аналитик, – удовлетворённо сказал Вишиани, и подозвал обоих к столу жестом руки: сухой, сморщенной, но от этого не менее живой и подвижной, как и хозяин, – Фактор людского мышления никуда не денешь, а?

Нинкоро и старший аналитик Резидентуры по фамилии Амбондо подошли к столу – на самом деле, лежащему горизонтально большому монитору компьютера под толстым слоем прозрачного пластика, таким, что на него можно было безбоязненно ставить чашки с горячими напитками. То, что это именно монитор, а не светящаяся карта, становилось ясно по консолям клавиш с двух сторон. Цифры, кнопки ввода и отмены, клавиши со знаками, аналогичными земным «плюс» и «минус». Численные коды для вывода срезов по экономике, социологии, финансам. Система координат – вводишь значение оси абсцисс, затем – ординат, и экран центрируется на указанной точке мира. Клавишами «плюс – минус» меняешь масштабирование. Всё просто, наглядно... и интерактивно: по данным, что аналитические отделы Резидентур по всему миру предоставляли в центр на острове Дивэдо, еженедельно по специальному каналу связи приходили обновления карты.

Если бы здесь присутствовал Дементьев, он бы назвал происходящее «планёркой», но, разумеется, присутствующие использовали совсем другое определение: «узкий совет», пожалуй, было бы наиболее точным переводом. На нём, помимо самого Резидента, обычно присутствовало трое: начальник аналитического отдела, начальник агентурного и, разумеется, заместитель, вице-резидент. Но главный агентурный работник сегодня отсутствовал, находясь в рабочей поездке, так что собирались втроём. В конце концов, последнему можно было задать в директивном порядке цели и параметры для поисков уже потом.

Все трое склонились над картой – монитором, и Вишиани продолжил начатую мысль:

– Я иногда думаю, что специалистов по фактору людского мышления нам и не хватает. Всё учитываем, кроме этого момента. Особенно тут, в Селлестии – южане, холодный климат и, как следствие, горячая кровь. Всё из крайности в крайность. В Драгман было тяжелее из-за федеративной структуры и вечных распрей отдельных регионов. После двадцати лет там – происходящее здесь, по крайней мере, кажется вполне себе целостным. Поэтому я и говорю, что тут мы практически отдыхаем. Точнее, отдыхали, а сейчас намечается немалая работа. Прямо как в пору моей молодости, когда десять лет континент отстраивался после войны. Помню, выпало мне расследовать причину взрыва на отопительно-энергетическом комплексе... да-да, в Драгман, у самого экватора, есть отопление – не жилья, конечно, но в тёплой воде мыться хотят все и везде. И был там такой же старик, как и я – впрочем, это тогда он мне стариком казался. И он был поставлен следить за температурой и давлением в четвёртом парогенераторе на местном энергоцентре. Но пришла новость о том, что в больнице умер его сын. Разбитый горем человек пришёл на работу, не заметил вовремя критических показателей и не направил избыток энергии на сброс или в работу... Семеро погибших, тридцать пострадавших, тысячи людей без тёплой воды и света. Фактор людского мышления – личное всегда важнее общего. Мало того, за личным это общее как-то и не особо видится.

– Есть, что вспомнить? – спросил Амондо, не сразу понявший, к чему клонит Резидент.

– Есть опыт, на который можно опереться, – поправил Вишиани, положив пальцы на консоль, – Сейчас поясню. Вот наше, точнее, селлестийское, личное. Срез по занятости населения... так, а теперь в динамике за последние три года. Видите?

Монитор услужливо показал уход показателей в восточной – особенно северо-восточной – части страны в синюю область. Синий цвет означал дефицит кадров, показатель, обратный безработице. Рост отрасли начал опережать темпы подготовки необходимых специалистов. Восток, северо-восток – вся наукоёмкая промышленность Селлестии.

– Теперь срез по доходам в зависимости от квалификации. Первый уровень, низший – падение. На этом же показателе наблюдаем въезд в Селлестию сезонных работников с соседнего континента, увеличение числа людей, приезжающих в страну и остающихся здесь. Второй – квалификация, полученная в результате опыта работы в определённой области – показатели стоят. Третий – рядовые, образованные техники – рост. Четвёртый – технологи – рост. Пятый – видите?

Да, видели. Непропорциональное увеличение, дисбаланс в наукоёмких отраслях, специалисты верхнего технического звена становились в стране новой элитой, вытесняя из этой ниши гуманитариев – историков, литераторов, композиторов, изобразителей.

– Организация через контролируемые компании скупает изрядную долю селлестийского технического экспорта – устойчивые к штормам среднемагистральные корабли, средства связи, лёгкие воздухолетающие средства – полуторакратное повышение. Мелочёвка вроде бытовой техники почти покрывает внутренний спрос и потому массово не экспортируется, её не берём. А вот промышленная техника: портативные и передвижные электростанции, наземные тягачи, прицепы к ним – почти двукратный рост экспорта. Лёгкий автопром вышел на внешний рынок в прошлом году и показал рост на две десятых. И он перевалит за эту отметку. По вооружениям темпы пока устойчивые, но не забываем, что это та же отрасль, создающая рабочие места и прибыли во всей остальной сфере высоких технологий, эдакий «якорь», удерживающий эту область экспорта на случай, если начнётся падение рынков. Двигатели для птицелётов ведь можно поставлять как на строительство военных «птичек», так и для производства гражданских, экспорт которых, в отличие от военных, растёт. И так – везде, чего не коснись. Системы связи, определения координат, бортовой автоматики, энергоустановки... Проблема в том, что спрос на эти группы товаров селлестийского производства слишком высок, и Организация терпит убытки, играя на понижение их экспортной цены. Экономисты на Дивэдо уже бьют тревогу. На этом с частным – всё. Так что теперь переходим к общему...

Смена масштаба. Сначала – континент, потом – полушарие, затем – карта мира. Срез по соотношению реальной стоимости экспорта и отрегулированной средней цене. Красный показатель на Селлестии. Единственный красный среди жёлтых и зелёных расцветок континента, бросающийся в глаза на фоне голубых и синих тонов Андалии и Сименелии, сине-зелёного Тея и Кассаринадо. Красный – недооценка.

– Это наш четвёртый парогенератор, мастера, и избыточную энергию надо либо стравить в атмосферу, либо направить на полезную работу, – заключил Вишиани.

Повисло молчание, необходимое, чтобы обдумать полученную информацию. Выходило, что селлестийская наукоёмкая продукция пошла в рост слишком быстрыми темпами, такими, что грозила обрушить устоявшийся мировой рынок этой продукции. Селлестия могла – и хотела – производить ещё больше товаров в этой группе, спрос на которые поднялся из-за их надёжности. Вырос спрос – поднялась и цена, и заработки в отрасли. Организации теперь приходилось искусственно давить цену вниз, скупая продукцию селлестийцев и продавая её по закупочной же цене, чтоб не допустить роста, возникающего, когда спрос начнёт диктовать цены повыше.

– Позвольте, магистр? – спросил, спустя десяток кинсов раздумий, Амондо.

Вишиани вместо ответа сделал жест, мол, распоряжайтесь, компьютер ваш.

Старший аналитик, судя по всему, к подобной беседе был готов давно. Те, кто не замечал за ставшим от долгих лет сидячей работы тучным телом мощного интеллекта, способного держать в голове целые таблицы нужных чисел, всегда оказывались удивлены, знакомясь с Амондо поближе. Вот и сейчас, чуть призадумавшись, он вернул карту Селлестии, отмасштабировал восточную часть, вывел данные в других срезах: внутренние торговые потоки, доходы населения, скорректированные по средним уровням потребительских цен, наложил их один на другой и вывел проекцию в динамике за те же три года.

– Я скажу вам, отчего всегда эффективные меры по игре на понижение экспортных цен дают не тот результат, что мы привыкли. Смотрите. Деньги не берутся из ниоткуда и не исчезают никуда, последнее увеличение оборачиваемой денежной массы в странах Договора, сидящих на международной валюте как средстве внутренних расчётов, обвалило цены на продукты материального характера и дало прирост цен нематериальных продуктов, – и, видя непонимающие глаза Нинкоро, пояснил: – Например, игры для компьютеров стали приносить больше денег, чем продажи самих компьютеров. Содержимое книги стало кратно дороже, чем бумага и чернила. Музыка – кратно подорожала относительно карт-носителей. Материальная и нематериальная группы. При удовлетворении потребности в материальных благах рождается спрос на блага нематериальные.

Ниас сделал утвердительный жест в знак того, что понял.

– На данном этапе дальнейшее уменьшение стоимости международной денежной единицы невозможно, так как повлечёт обесценивание обеих групп, а, стало быть, нарушится индекс доходов к потребительским ценам. Значит, вопрос лежит в том, что и как влияет на рост материальных ценностей внутри Селлестии, – продолжал Амондо, – Политики без экономики не бывает. Нынешний президент взял курс на частичную изоляцию и самодостаточность Селлестийской экономики, и мы его поддержали, предвидя рост экспорта. Надо было, чтобы товары оставались, по большей части, внутри страны. В Южном полушарии всего две страны, массово экспортирующие сырьё: это Селлестия и Сиборсия. Индекс доходов к средним потребительским ценам в Селлестии для работающих в сырьевых отраслях – жёлтый, на Восточном побережье – зелёный. В Сиборсии – давно оранжевый с красными пятнами, и вот-вот скатится в красные показатели полностью. Поэтому наша неявная поддержка здешних консерваторов имела ещё и целью выровнять образовавшийся дисбаланс. Но и этого не происходит. Значит, есть какой-то фактор, влияющий на этот показатель экономики, и он здесь, в Селлестии. Смотрите.

Рукой старший аналитик Селлестийской Резидентуры обозначил те стрелки, обозначающие потоки ресурсов и денег, что он считал стоящими внимания более всего.

Наглядность того, что давал монитор, помогла разобраться в происходящем даже не особо понимающему в вопросах экономики вице-резиденту. Рост денежной массы в ряде городов Восточной Селлестии. Показатель всегда явный и всегда открытый, потому как финансы в странах-участницах Договора протекали исключительно через инструменты, созданные Организацией. А вот показатели неявные – объём производимых товаров, их стоимость – стояли, как вкопанные, последние три года. Не поленился вице-резидент и глянуть на косвенные показатели: уже не раз упомянутый индекс доходов к потребительским ценам по восточным городам и ввоз товаров в них же.

Рост. В обоих случаях.

«Деньги не берутся из ниоткуда и не исчезают никуда», – припомнился ему первый закон международной экономики, которая с таким трудом, но всё-таки легла под полный контроль его Организации ради всеобщего блага. Второй закон гласил: «политика диктуется экономикой» – а, стало быть, когда экономика сбалансирована, становятся бесполезными и ненужными войны, гражданские столкновения, перевороты, беспорядки. В этом плане его Организация, даже работая на подавление излишне бурного роста отдельных экономик, работала на поддержание общего баланса, а, стало быть, всё ж таки на всеобщее благо. И потому вопрос, что возникал прямо сейчас и прямо перед его глазами, требовал решения: откуда, скажи, Йялла, берутся деньги в восточных городах Селлестии, утекающие на поддержку наукоёмких отраслей селлестийской же экономики, из-за которых рост цен на экспортируемые Селлестией высокотехнологичные товары так трудно удержать?

– Магистрат требует от нас ответа, – подытожил Нинкоро.

– Решений, – поправил Вишиани, – Решений и действий. Селлестийская экономика настойчиво ломится в число первых трёх экономик региона, она уже обошла Федерацию Драгман, обходит Кентию. Это создаёт сильный дисбаланс, которого лучше бы избежать сейчас, прежде чем остальная Геллия начнёт действовать сама, каждый в своих интересах.

Регион, припомнилось Нинкоро, это неразрывно связанные между собой политически и экономически страны континента: Менадия, Агранд, Тенгри, Немвал, Кентия, Драгман, Неолон. Архипелаг Жингкон, южный выступ материка Андикан – Вивия и Сэнассия. И, конечно, страна-материк Сиборсия. Всё южное пол«ушарие представляло собой один экономический массив, где влияние одной страны значило больше, чем влияние всех государств Северного полушария, вместе взятых. Селлестия занимала пятую позицию, почти семнадцать лет на этом уровне и оставалась – выигрывая по одним показателям, проигрывала в других. И всех всё устраивало, до тех пор, пока страна не пошла в рост.

Не с этим ли и связано его, Нинкоро, назначение сюда, да ещё и с неожиданным повышением?

– Есть способ... сравнить в атмосферу? – процитировал он Резидента.

– Есть масса косвенных, это ж, всё же, посложнее, чем отопительно-энергетический центр, – ответил Вишиани, – Первый Организация включила, ограничивая доходы от добавленной стоимости. Никто не станет покупать дорожающий товар у производителя с расходами на доставку, когда можно купить его по прежней цене рядом. Селлестийцы пока не понимают, в чём дело, и радуются постоянному заказу и отсутствию рисков, связанных с колебаниями спроса. Второй инструмент – наши старые добрые корсары. Сейчас Организация сдерживает активность корсаров из стран, не примкнувших к Договору, на основных торговых маршрутах, по которым ходят селлестийские корабли, в том числе и продающие оружие. Этот процесс можно приостановить – отзовём корабли, снизятся расходы Организации на Селлестию, участвятся нападения на торговые суда селлестийцев. В итоге по назначению дойдёт меньший объём товаров, меньше будет продано, меньше доход от экспорта. Третий – увеличение расхо-

дов на оборону. Тогда значительная часть продукции осядет в самой Селлестии по внутренним ценам. Но нужен повод, чтоб расходы выросли. Четвёртый инструмент – мой любимый, донесение ситуации до лидера страны. Обрушение рынка неизбежно вызовет проблемы в отрасли, а устойчивый плавный рост всегда лучше, чем скачки с вершины на дно. Ну и пятый, самый радикальный – война.

– Разжечь войну ради сохранения рынков? – тут Нинкоро даже удивился.

– Вы ведь неплохо знаете всемирную историю, Ниас, – качнул головой Вишиани, – вспомните, сколько раз Вистийская Империя прибегала к подобному средству?

Нинкоро осталось только промолчать – случаев, действительно, хватало с избытком.

Резидент понял его молчание и продолжил:

– Но у Империи не было остальных инструментов, что есть у нас. Может, поэтому Вистии и не стало? Так что можем включить все, кроме последнего. К тому же, включение одного часто несёт за собой включение другого, так что, сами понимаете...

Да, Нинкоро понимал. Если случаи нападения пиратов учащаются, о торговых караванах придётся забыть и переключаться на полноценные конвои, где охранением служит не частная охрана, а регулярные войска. И, естественно, у Президента сразу возникнет вопрос: почему ему приходится отправлять боевой флот на сопровождение? И адресует он этот вопрос именно Организации, следящей за порядком в международном воздушном пространстве. Ну, а Вишиани расскажет чистую правду: мол, мы бы рады, но терпим на данный момент крупные убытки в связи с международной финансовой обстановкой, и корабли в воздухе в достаточном количестве содержать не можем. Точка. Правда. Ни слова лжи.

В этот момент Ниас Нинкоро, сам с изрядной долей горячей южной крови селлестийцев в жилах, ощутил внутренний протест против неумолимой правоты немвальца Вишиани, против выводов андалийца Амондо. Но понимал, что иначе поступить просто нельзя.

– Итак, решаем, – подытожил Резидент, – Ты, Ниас, ставишь задачи агентурному отделу – в каких городах Селлестии какие проверки провести, чтобы определить, откуда в отрасли берутся неконтролируемые доходы. Возможна контрабанда, или правительство Ребалтаса водит нас за нос и проводит теневую накачку экономики деньгами. Да, не смотри так, он консерватор – из партии, которая долгое время не могла прийти к власти, и им нужны свершения, чтоб у неё остаться. К тому же, опять же, консерваторам, в отличие от глобалистов, нет дела до мировой экономики, лишь бы дома всё было хорошо. Это я сам решу – есть у меня хорошие контакты в его аппарате, заодно и донесу до него картину грядущего кризиса перепроизводства. Заодно отправим запрос в Организацию на приостановку патрулирования у границ воздушного пространства Селлестии. Твоё дело, Ниас – найти, откуда деньги. Пусть агентура сливает всю информацию в аналитический отдел, как обычно.

– А я уже разберусь с ней, – ухмыльнулся Амондо.

– Разберёшься, но позже, – отреагировал Вишиани, – Сейчас для тебя есть другая, более срочная задача. Так сказать, вторая часть повестки дня, вытекающая из первой. Догадаешься, в чём дело?

– С первого раза, – вскинул подбородок, а, точнее, обе части двойного, начальник аналитического отдела, – Жингкон?

– Да, – от Нинкоро не ускользнуло, что Резидент ничуть не удивлён верному ответу с первой попытки, – Нашёлся бы уже кто-нибудь в нашем Магистрате, кто протолкнул бы решение прижать этих фанатиков к ногтю.

– Они не фанатики... – вставил Амондо.

– Да, просто любят повоевать, потому что они – и только они – избранный Истинными Богами народ, и остальные должны или принять их правду, или умереть. И не надо, что так считают не все. Меньшинство считает, большинство молчаливо соглашается. Так что разницы особой нет. Продолжим. Вот, ознакомьтесь, прямо вчера вечером пришло прямиком из Сел-

лестийского Адмиралтейства, – с этими словами Вишиани отошёл к другому столу, уже обычному, поменьше, взял с него две идентичные стопки листов, и, вернувшись, метнул через стол одну вице-резиденту, вторую – старшему аналитику. Потом снова отошёл к столу, и, вызвав прислугу по интеркому, попросил принести три чашки аганжи – крепкого бодрящего напитка из перетёртых семян одноимённого дерева, горького настолько, что приходилось разбавлять молоком или подслащивать соком ягод умули.

Нинкоро вчитался, попутно отметив: никакой это не официальный информирующий «наверх» документ – «доклад», это строгий отчёт о проделанных действиях в лучших традициях военно-воздушного флота – самый настоящий «рапорт». Сразу отложил в уме важную деталь: автор – геирсей Мейлиш, командир авианесущего крейсера «Пасгедас». Перелистнул дальше, поглядеть, что к рапорту подшито: распечатка изображений с бортового радара, полученная по запросу с памяти компьютера корабля; график полётов палубной авиации, копия; ещё копия, на сей раз – листы с бортового журнала. Всё верно, если кто сведущ в деталях и ими заинтересуется, то вот они.

Выходило, что крейсер дежурил в Договорной Зоне. Да, постоянное присутствие там запрещалось, но вот периодическая отправка кораблей допускалась, чтобы проверить, насколько хорошо другая сторона соблюдает Договор. Разрешалась даже кратковременная высадка пешей разведки, с обязательным условием – без бронетехники. Случались и стычки, когда две группы проверяющих оказывались в одно время в одном месте. Словом, происшествия там не были редкостью, так в чём же дело?

– Йялла... – вслух выругался Нинкоро, открыв последние три страницы. Чёрно-белые снимки, на сей раз, судя по подписям – из памяти бортового компьютера уже не корабля даже, а авиалёта палубного базирования. Кто-то из пилотов включил запись видеопотока, получаемого с экрана прицеливания. И на снимках значилось то, что спутать было невозможно: Генератор Точки Скольжения, гигантская ромбовидная рамка устройства, создающего электромагнитное поле такой частоты и напряжённости, что в пике, в резонансе, там искажалось пространство.

Такая технология относилась не просто к разряду высокой. Это была технология высшая, нет, *наивысшая* из существовавших на планете, настолько сложная, что никто из ныне живущих не понимал до конца, *как* и *почему* это работает. Автор изобретения оставил чертежи, методики расчётов, инструкции, даже описания неисправностей – но не основополагающие законы. Просто сжёг тетради с записями перед тем, как покончить с собой, сразу же, как смог переместить через две Точки в качестве эксперимента собственный катер с живым домашним питомцем – вакко на борту. Сжёг, успев убедиться, что вызванные им свидетели зарегистрировали успех эксперимента. Умер, пережив момент своего триумфа – когда вакко на другом конце Скольжения тявкнул во включённый микрофон рации.

Чертежи, оставленные им, позволяли перемещать массы от тысячи до ста миллионов лянов. Всё, что было легче, разрывало полем в клочья. Всё, что было массивнее, сжигало Генераторы.

Так что то, что держал в руках Нинкоро, было не просто очередным рапортом из той области, что интересовало бы Организацию. Это было сродни пакету со взрывчаткой, на которой включен таймер – и числа на этом таймере никто не мог распознать.

Генератор Точки Скольжения могли установить в Жингконе *только* специалисты Интернациональных Вооружённых Сил. Но, во-первых – и Ниас знал это наверняка – его Организация ничего такого не делала и не планировала. Во-вторых, если кто-то смог сделать это в обход Интерсилы и у неё под носом – стало быть, речь идёт о грандиознейшем провале в истории существования агентурной сети. Ведь Архипелаг попросту *не мог* создать даже половины необходимых запчастей – слишком много высоких технологий, таких, как проводники и изоляции, выдерживающие высокие температуры, сердечники электромагнитов со сверхбыстрым намаг-

ничиванием, генераторы тока ультравысоких частот необходимой мощности. Откуда это у островитян, до сих пор использующих на полях тягловую силу?

Это было важнее и куда интереснее денег, появляющихся в Селлестии из ниоткуда... постоите, а уж не связано ли это?

Половину лейса назад, спроси кто-то у Ниаса, возможно ли такое чисто теоретически, Нинкоро рассмеялся бы такой нелепости. Однако, вот же оно – невозможное возможно, а невероятное очевидно.

– Это... засекречено? – подал голос Амондо, читавший рапорт.

– Разумеется, – ответил Вишиани, – Селлестийцы, к счастью, не понимают до конца, *что* именно они нашли. Иначе бы мы всей Резидентурой уже стояли строем вдоль стеночки у Ребалтаса в кабинете и кричали: «Что прикажете? Рады исполнять!». И мы бы с вами не обсуждали сейчас ограничительные меры в отношении Селлестии. Они могут строить лишь догадки, от нашей внутренней ошибки до того, что не настоль это и важно, если мы не будем подавать виду и придавать этому значение. Понимаете?

А Нинкоро уже всерьёз, было, подумал о том, как собрать всех агентов и бросить в Жингкон...

Но следовало соблюдать тишину и работать, как обычно, словно ничего и не случилось. Архипелаг не находился в ведении какой-то конкретной Резидентуры. Но находку совершили селлестийцы, добавим сюда и необъяснимые доходы в области высоких технологий, а стало быть... Стало быть, разгрести это всё их Резиденту.

– На Дивэдо уже знают? – уточнил Нинкоро на всякий случай.

– Да, разумеется. И там, кстати, Академия задалась одним ещё вопросом: недавно был зафиксирован всплеск энергетики глобального масштаба да ещё и такой мощности, что колыхнулась даже Пространственная аномалия, кинувшись на аппаратуру защитного барьера. Помните?

Как же не помнить. Даже имя ассоциировалось – Аунис Тваччи, тот самый, что изучал Пространственную Аномалию и аппаратуру Барьера на островах, что долгое время звались не иначе, как «проклятыми», вечно скрытыми туманом, где всегда сходили с ума магнитные компасы, и отказывала любая электроника. Только шестьдесят лет назад Интерсила, тогда ещё не всемирная организация, а всего лишь нечто вроде независимого вооружённого корпуса с собственной научной базой, снарядила на «проклятые острова» экспедицию. И нашла. И Аномалию, и аппаратуру Барьера. Первая же попытка определить возраст находки дала сотни лет.

А потом был Аунис Тваччи, изобретший способ защиты электромагнитных приборов от воздействия электромагнитного поля Аномалии. И была его экспедиция. И его выводы, перевернувшие всю физику и математику того времени. Точнее, они отправляли всю работающую фундаментальную науку в мусор. Они оставляли только геометрию, и то – сам Аунис заявлял, что нужная геометрия ещё не создана.

И тогда заподозрили, что у Тваччи не то с головой. Излучения? Элементарные частицы? Он смеялся, когда слышал эти слова, и утверждал, что их не существует. Далёкие звёзды? Иные миры? Он истерически хохотал, говоря, что вся Вселенная находится на расстоянии вытянутой руки.

Врачи подтвердили – Аунис не в себе. Постоянное нервное перенапряжение. Возможно, сказалось долгое нахождение возле Аномалии. Остальные члены его экспедиции проводили в непосредственной близости гораздо меньше времени.

И Тваччи, получив пожизненное содержание в качестве компенсации, был отстранён от науки. Надежд на выздоровление не было – от лекарств тот категорически отказывался, злоупотреблял крепкими напитками и словно свихнулся, раз разом прося отправить его обратно, на «проклятые острова».

А потом изобрёл Скольжение.
И покончил с собой.

Как нельзя кстати, появилась и кухарка, внося на подносе крепкие напитки – аганжи, два с ягодами умули, один с молоком. С молоком пил старший аналитик. Нинкоро взял кружку с уже распарившимися в кипятке ягодами.

Глотнул и даже не поморщился. С аганжи надо было быть осторожным – подстёгивая нервную систему, его активные вещества вызывали потом нечто вроде похмелья, и краткий прилив сил, бодрости и ясности мыслей потом сполна восполнялись подавленностью и сонливостью. Но сейчас необходима была не просто свежая голова, а такое напряжение мозга, которого давненько не требовалось. Хотя, признался себе вице-резидент, если бы принесли хмельное покрепче, вроде кренбо или кшадо, он бы тоже не отказался. Случай был такой, что можно всё.

– ... когда стали исследовать, что это было за возмущение в энергетике планеты, – за своими мыслями Нинкоро упустил слова Резидента, – то определили координаты его источника.

– Эти? – ткнул пальцем Амондо в нижний угол снимка Генератора с авиалёта, повернув лист так, чтобы всем было видно.

– Да.

В нижнем углу снимка отображались текущие координаты крылатой машины, выводимые бортовым компьютером прямо на запись видеопотока с камеры, дающей необходимое для прицеливания увеличение.

Настала очередь Нинкоро вчитаться в рапорт геирсея. В принципе, уже понимая, о чём идёт речь, он не столько читал, сколько пробежал его глазами. Читая, поймал себя на мысли, что сделанное геирсеем, фактически, являлось военной провокацией против Архипелага. С другой стороны, виноватых тут искать – дело то ещё... Неясный приказ, истолкованный командиром крейсера по-своему, а потом действия, которые вполне можно было оправдать и целесообразностью с точки зрения безопасности корабля. С другой стороны – военная база на Ситае, призванная охранять Генератор, вполне была себе прямым и явным нарушением нейтралитета Договорной Зоны.

А вот в конце стало совсем интересно. Двое из Жингконского плена, с одним всё понятно, а вот второй... Интерес представлял не только доклад первого, глайнса из числа десантников, который, по указанным датам, выходило, что засёк момент аварии на Генераторе, совпадающей с точностью до лейса с тем самым «всплеском», что так заинтересовал учёных-всезнаек из Академии. Интересен был и второй, который, как выходило, вообще непонятно откуда там взялся, и вообще ничего объяснить не мог, ссылаясь на потерю памяти. Парень с необычным именем мог знать куда больше, чем собирался рассказать... А не вызвать ли его прямо сюда с борта корабля, где, как выходило, он до сих пор находился?

– Что скажете? – нарушил тишину Вишиани.

– Похоже, нам пора собираться, вот что, – хмыкнул Нинкоро.

Резидент молча перевёл взгляд на Амондо.

– Мне-то уж точно, – сказал старший аналитик, опершись на стол. В его возрасте, с таким весом, стоять даже какое-то время было тяжело, – Мне некого отправить на этот Генератор. Талантливой молодёжи в отделе полно, но такое дело я им не доверю.

– Вызвать оперативников? – уточнил Вишиани.

– А смысл? – возразил Амондо, – Что они там сделают? Затопчут сапожищами место, которое нужно аккуратно осмотреть, или сметут своей энергетикой важные следы? Нет, мне нужен кто-то не из наших. Желательно, со знанием местного языка. Если я всё правильно понимаю, местные боевики на Ситай не сунутся ещё долго. Если кто и появится, то местные – в поисках того, чем можно поживиться в разбомбленном лагере. Оперативники пусть лучше транспорт обеспечат и находятся где-нибудь поблизости. Так, чтобы высадили меня с прово-

жатыми и вернулись по моему вызову. А я возьму вольнонаёмных. Группу Артинеса, он на островах как дома.

– Резонно, – согласился Вишиани, – А ты, Ниас, куда собрался?

– А мне хорошего агента из числа интуитов, умеющих чувствовать ложь. Хочу поговорить со свидетелями событий.

– Лично? Других дел нет?

– Я туда и обратно, могу вылететь вместе с мастером Амондо до базы Восточного Флота в Юнжи Срит, а назад своим ходом доберусь. И займусь уже работой по первому вопросу, откуда в восточных городах Селлестии взялись излишние деньги и не связано ли это с появившимся из ниоткуда Генератором.

– Значит, решили, – подытожил Резидент, – Собирайтесь, к обеду в порту будет наш борт. Нинкоро поставил чашку, и, захватив отчёт, вышел.

*Селлестия, остров Тихуес,
два дня спустя*

Остров Тихуес – восточная граница Селлестии. На исходе лета он утопал в зелени, густо покрывшей сопки в центре этого клочка суши. С западного берега материк было уже не видно – да и неудивительно, всё же географически Тихуес принадлежал к Архипелагу Жингкон. Впрочем, исторически – тоже. Но после Континентальной Войны, когда чуть ли не вся карта Геллии оказалась переключена вдоль и поперёк, усилиями дипломатов остров отошёл Селлестии, ещё тогда понимавшей всю стратегическую важность Тихуеса, которую так и не осознали островитяне.

Жингкон имел здесь две небольшие деревушки. Селлестийцы же построили города. Юнжи Срит – миллионник в сердце острова, давал стране в изобилии морепродукты, строил корабли, как гражданские, так и военные. А заодно и служил главной базой Восточного Военного Флота. На севере острова лежал городок поменьше, который от Жингконцев сохранил только название в честь деревушки. Камо-Фрай располагался как раз на торговом пути в Сиборсию, здесь постоянно останавливались на денёк-другой корабли из Динджи и Тея, из Кассаринадо и Мелиании, Вивии и Андикана – все, кто не рисковал идти проливами Жингкона, опасаясь разбоя и пиратства. Зачастую здесь происходил обмен груза – часть оставалась в Селлестии, на борт загружался Селлестийский груз и корабль шёл дальше – в Сиборсию.

Юнжи Срит спокойно наблюдал за суетой в Камо-Фрай, отбирая себе всё самое лучшее из обилия товаров. Здесь тоже был порт, но не международный, а внутренний. Камо-Фрай лежал на вдававшемся в море мысе на севере острова, а Юнжи Срит – на восточном берегу. Сообщение между большой землёй и Тихуесом шло в основном маленькими судёнышками, а стоянка в Юнжи была для таких корабликов гораздо удобнее. Отсюда они переправлялись через пролив, к городу Неранис, лежавшем на восточном берегу материка. И только потом, уже оттуда расходились по стране.

Впрочем, так было далеко не всегда. Большую часть груза всё же оттягивал на себя город Лангес на северо-востоке страны. Тем не менее, остров Тихуес не бедствовал, города росли, в распадках сопок широкого острова всё чаще стали появляться посёлки – и не случайно именно здесь, в полосе между Камо-Фрай и Юнжи Срит – там, где сопки сменялись пологими холмами, и расположились военные базы Восточного Флота.

Юнжи Срит помимо прочего был знаменит и обилием значных мест, где так любили скоротать увольнение в город военные. В отличие от Камо-Фрай, стремящегося сохранить лицо перед иностранцами, здесь с лёгкостью можно было оторваться на всю катушку. Ночью город отнюдь не затихал – пожалуй, жизни в нём было не меньше, нежели днём. Военные, вырвавшись за стены баз или за переборки кораблей, денег на загул не жалели – и ночной бизнес здесь процветал как нигде в Селлестии.

Днём город кишел самым, что ни на есть, разным людом – и экипажи транспортов, ожидающих погрузки-выгрузки, и команды боевых кораблей, и обычные жители – все куда-то спешили, куда-то опаздывали. Только в небольших тенистых парках, которые были по сути своей просто не вырубленными деревьями, наблюдался хоть какой-то покой. Круглый год на острове было тепло, круглый год он утопал в зелени – и выпавшие дожди тут же стекали по склонам сопки, на которых стоял город, на запад, к морю. Полосы зелени вокруг таких ручейков решено было не трогать – это и были парки, где под сенью листьев люди отдыхали, куда молодые и не очень мамы выводили детишек порезвиться.

Даже в небе здесь царила суета – проплывали крупные корабли и совсем мелкие судёнышки, выше них мелькали катера и челноки, высоко в небе проносились авиалёты – как пассажирские, так и грузовые, а иногда и военные. Воздушный коридор на высотах больших, нежели те, на которых сновали челноки и катера, но меньших, чем высоты для авиалётов, предназначался птицелётам. Диспетчерам всех мастей, областей и рангов всегда хватало работы в Юнжи Срите. Управиться со всей этой массой пролетающих, поднимающихся или садящихся машин всех видов, типов и тоннажей было нелегко. Но к чести диспетчерской службы города, сбоев и огрехов в работе диспетчеров не было давно – вся эта масса воздухоплавающих и воздухолетающих аппаратов расходилась безопасными курсами, приближающимся машинам своевременно указывался коридор, в котором они должны держаться, курс и скорость, которым им надлежит следовать. Для этого потребовалось отдать гражданским службам некоторые мощные военные радары и локаторы, покрывавшие верхушки чуть ли не каждой второй сопки. Впрочем, военные по поводу потерянных радаров особо не грустили – на вырученные с передачи деньги они понастроили более новые, а дотаций от правительства хватило и на то, чтобы все без исключения старые радары ушли гражданским, и военная служба полностью обновила радиолокационное оснащение. Решись противник уничтожить эти электронные глаза военных, чтобы ослепить систему обороны острова, он просто потерялся бы от обилия целей и вряд ли различил бы, где военный объект, а где гражданский...

Один из таких радаров сейчас спокойно наблюдал за небом, где как всегда царила ежедневная, рабочая суета. Сразу десять аппаратов в настоящий момент просили разрешить им изменение курса: среди них были и транспорт среднего класса, и катера, и три птицелёта, один из которых был военным.

Птицелёт, трепеща алюминиевыми крыльями на манер металлической стрекозы, выровнялся в воздухе, закончив разворот. Вид на город пропал из иллюминатора, открылся вид на дальний рейд, где покачивались на якорях висящие в воздухе громадины крейсеров и транспортов большого тоннажа. Где-то там ожидал отправки в док потрёпанный в недавнем бою «Пасгедас», с палубы которого и взлетел птицелёт.

Мелькнул под брюхом пригород Юнжи Срит – и пропал за склоном следующей сопки. Птицелёт шёл невысоко, да и не требовалось сейчас особой высоты – всё равно скоро на посадку. Машина, принадлежавшая к серии военно-транспортных птицелётов, отличалась маневренностью и плавностью полёта. Принятая на вооружение пятнадцать лет назад, она и сейчас была одной из лучших среди своих аналогов. Птицелёты серии «Венетс» могли перевозить шестнадцать человек, были неуязвимы для стрелкового оружия и несли два скорострельных пулемёта и блоки неуправляемых реактивных снарядов по восемь штук в каждом. Использовались они для высадки десанта, при чём могли высадить его хоть в самую гущу боя, предварительно перепахав снарядами предназначенную для высадки площадь. При всём этом для пилотирования был нужен всего один человек, который, кстати сказать, имел сейчас самый, что ни на есть, мрачный вид.

– Почти прибыли! – объявил пилот, явно недовольный тем, что его военно-транспортную машину погнало в такой пустячный рейс – доставить одного человека на Приёмную Базу. Второго пассажира даже и доставлять не требовалось – он просто сопровождал первого. Пилот

с тоской посмотрел на экран вида назад – там остался Юнжи Срит, город, где располагалось злачное местечко с девочками и романтичным названием «Ночная Гавань». Туда пилот захаживал всякий раз, как выдавался денёк-другой увольнения в город. А на «Пасгедасе» это случалось не так уж часто – крейсер то и дело гоняли туда-сюда, совершенно не давая покоя. То караван в Сиборсию сопроводить, то в Сэннассию с дружеским визитом, то ещё куда-нибудь, как в этот раз – крейсеру сразу после ремонта предстояло идти в Немвал на совместные учения с войсками исторического союзника.

«Архак бы подрал этого Мейлиша!» – подумал пилот, вспомнив, как торопит командир процедуру отправки крейсера в доки, – «Вон на „Саттасе“ уже месяц в никакие походы не мотаются, стоят себе на ближнем рейде да каждый день в город ходят! И каким же надо было быть идиотом, чтоб продлить этот Архаков контракт ещё на три года! Знал бы, что переведут на „Пасгедас“ – послал бы их всех к Архаку. И в первую очередь – Мейлиша!»

От грустных мыслей немного отвлекли воспоминания о Лакуре – девочке из «Ночной Гавани», постоянным клиентом которой вот уже год числился пилот. В память чётко врезался образ девушки – чёрные волосы, пышные формы, капризно искривлённые губы, откровенная одежда... Лакура не просто выглядела – она была по-настоящему доступна, и единственной преградой на пути к обладанию её телом была приличная сумма, которую та брала за свои ласки. Но пилот ни разу не пожалел о потраченных деньгах. Он бы и вдвое больше заплатил бы, если б та попросила. Потому что...

«Потому что, Архак меня подери, ты стоишь этого, красавица!» – мурлыкнул под нос пилот, улыбнулся и стал размышлять над давно мучившим его вопросом: а не предложить ли Лакуре бросить эту «Ночную Гавань» да поехать с ним, когда кончится его контракт, куда-нибудь в тихий городок типа родного Тракоро на западе страны...

Проплыли под брюхом верхушки деревьев, венчавших сопки, и показался распадок, на пологом склоне которого стояло оцепленное бетонным забором сооружение. По углам забора было видно сторожевые вышки, за которыми проглядывал квадрат посадочной площадки. Это оторвало пилота от размышлений, приведших его к выводу, что сделать такое предложение нужно обязательно, всё-таки контракт кончается через полтора года, а с переводом на «Пасгедас» возможностей потратить деньги со счёта стало меньше, и сумма накопилась неплохая, а за оставшийся срок контракта она возрастет вдвое... А там уже согласится Лакура или нет – её дело, в конце концов, мало ли их, таких, как она.

– Борт «Венетс Пс-2» вызывает диспетчера Приёмной Базы! – позвал пилот, включив передатчик рации.

– Слушаю вас, «Венетс Пс-2».

– Подхожу с юга, высота сто, вы у меня в прямой видимости, прошу разрешения на посадку!

– Цель прибытия? – уточнил диспетчер.

– Доставляю новобранца, желающего поступить на службу, по приказу командира крейсера.

Удивлённый диспетчер замолчал на миг. Новобранцев доставляли автотранспорт из Юнжи да рейсовые птицелёты Базы из Камо-Фрай, но никогда на памяти диспетчера не было такого, чтоб новобранцев – да ещё и одного! – доставляли с борта крейсера на военно-транспортном птицелёте. Поэтому не знавший, что в таких ситуациях делать, диспетчер достал из ящика стола должностную инструкцию и быстро отыскал в ней нужный пункт. Инструкция гласила, что если прибывший борт вызывает сомнения, то следует связаться с тем, кто этот самый борт отправил.

– Подождите немного, сделайте пока круг над базой, – сказал диспетчер пилоту, а сам быстренько связался с радиослужбой базы по телефону внутренней связи.

– Это диспетчер, – представился он, когда на другом конце провода ответили, – Тут сомнительный борт просит разрешения на посадку, говорит, что отправили его с «Пасгедаса». Так вот, не могли бы вы связаться с «Пасгедасом» и уточнить? ... Что?... Хорошо, жду! – и положил трубку. Подумал, а не сообщить ли на всякий случай дежурному командиру базы, но отказался от этой мысли. Инструкция на этот счёт никаких указаний не давала, а, следовательно, и беспокоить командира незачем. Ведь, скорее всего, ничего не случится, а за то, что зря побеспокоил, можно и получить нагоняй – мол, что ж ты за диспетчер, сам справишься с ситуацией не можешь... Ну, а если что-то случится, то и тогда он не виноват – ведь действовал он строго согласно инструкции.

Это немного успокоило диспетчера – ведь у него и не было мысли, что пилот его сознательно обманывает. Не было такого в жизни диспетчера, как не было и у других жителей Эмиадии – прямая и умышленная ложь давным-давно была искоренена стараниями Церкви, ибо мерзость такую Творец не потерпит, да и по светским правилам лжец – это всё равно, что смертельно больной, разносящий заразу. Поэтому следующая мысль диспетчера была логичной донельзя:

«Скорее всего, просто какая-то нелепая ошибка» – подумал он, но вызов от радистов эту мысль опроверг.

– Диспетчер слушает! – ответил он на вызов.

– Всё верно, птицелёт с «Пасгедаса», отправлен к нам для доставки желающего поступить на службу.

– Хорошо, – удивлённо сказал диспетчер, и положил трубку. Снова надел гарнитуру рации на голову и вызвал пилота.

– Слушает «Венетс Пс-2» – отозвался тот.

– Посадку разрешаю, – сказал диспетчер, – Четвёртый сектор площадки.

– Понял, – отозвался пилот и повёл машину на снижение.

Сделал он в лучших традициях десантных войск – резко повёл машину вниз, а перед самой землёй резко задрал нос, гася скорость, потом завис на миг и плавно опустился. Слыша, как бывалый десантник в пассажирском отделении машины выругался по поводу военных пилотов, он улыбнулся.

«А вот знать будете, как военную машину по таким пустякам гонять», – злорадно подумал он, представив, как тех трянуло в момент резкой остановки снижения. Даже стал думать, что он ответит, если те решат высказать ему своё мнение, но пассажирам, видимо, было абсолютно наплевать на него. Те говорили о своём.

– Ну, удачи тебе, Серёга. Даст Творец – увидимся когда-нибудь, – сказал Кигас, пожимая на прощание плечо Дементьеву.

– Лёгкой разлуки, дружище, – на Селлестийский манер попрощался Серёга, пожимая плечо в ответ. Кигас дружески улыбнулся.

– На выход давай, я что, торчать тут должен? – крикнул пилот.

– Выхожу уже, – улыбнулся Серёга, – Дай с другом попрощаться!

– Всё, иди, не задерживай малую авиацию, – сказал Кигас, и Серёга, открыв дверь птицелёта, с небольшой сумкой в руках спрыгнул на то ли бетон, то ли асфальт – Архак их, Эмиадийцев, поймёт – посадочной площадки.

Птицелёт, ровно взмахивая крыльями на манер большой металлической стрекозы, поднялся в воздух и резко развернулся в сторону крейсера. Серёга остался один. Он поправил сумку, в которой лежали небогатые его пожитки – принадлежности для мытья-бритья, которыми его снабдили на «Пасгедасе», старая форма, вывезенная ещё с Жингкона – чисто выстиранная, знаки различия отпороты напрочь, да пара полотенец. В боковом кармашке лежала стопка бумаг – заключение бортового врача с крейсера о том, что Дементьев действительно страдает постшоковой амнезией. Заключение СБС о том, что Дементьев никаких подозрений

не вызывает. Справка от них же, что он действительно провёл два месяца в плену в Архипелаге. Удостоверение личности с пометкой о Селлестийском подданстве, процедуру принятия коего в первый раз в своей жизни провёл Мейлиш. К слову, бумаги о том, что он – Сергей Дементьев, национальность неопределённая, место рождения неизвестно, биологических лет восемнадцать – по Эмиадийской, разумеется, мерке – дата рождения хоть условная, но в точности напоминает дату, когда его взяли в плен... Ну да и направление сюда, на Приёмно-Распределительную Базу Восточного Флота, на окраине города Юнжи Срит, на острове Тихуес – бывшей территории Жингкона, которая после войны отошла Селлестии.

Он не спеша оглядел трёхэтажный куб здания. Серые стены, широкие окна, невысокое крыльцо прямо впереди. В отличие от жилых домов здание было отнюдь не пирамидальной формы. Именно здесь решалась судьба всех, кто поступал на службу в Восточный Флот, здесь их сортировали согласно их знаниям, умениям и физическим данным, здесь же отсеивали непригодных, здесь же и подписывали контракт.

Всё-таки Серёга был рад, что позади расспросы и допросы, куда их с Кигасом водили то по одному, то вдвоём сразу; позади удивлённые глаза доктора, с удивлением обнаружившего, что Дементьев не умеет пользоваться авторучкой. Позади удивлённые глаза команды крейсера, разглядывавшие как он, Дементьев, первый раз в жизни пробует столь привычную для них еду.

Назойливый СБСник тоже позади, позади Мейлиш с идиотскими вопросами. Впереди – новая жизнь, которая начинается здесь, сегодня – в день очередного набора в Восточный Флот. Новая жизнь начинается вот за этими дверями, ведущими с посадочной площадки в первый корпус Приёмной Базы, возле которых стоят скучающие часовые с армейскими штурмовыми винтовками в руках. Эти – не десант и даже не корабельная или тем более бронепехота, это просто охрана, коей во всей Селлестии не так уж и мало. Туда попадали те, кто оказывался непригоден больше ни к чему, или правильнее будет сказать, те, кто вообще ни к чему не пригоден, но по здоровью для службы подходит. Недолго думая, Серёга поправил на плече ничего не весящую сумку, и смело двинулся прямо на них.

– Документы! – потребовал один, второй сделал вид, что поднял винтовку на Дементьева, но Серёга заметил, что она даже не снята с предохранителя. То, как вояка изображал из себя страшного, готового стрелять часового, вызвало улыбку. Улыбаясь, он подал бумаги часовому, тот их просмотрел, нахмурил лоб – ведь ничего подобного раньше ему видеть не доводилось. Прочитав ещё раз, он осмотрел другую бумагу – ту, где говорилось о том, что Дементьев был в Жингконском плену и глянул на Серёгу уже с уважением.

– Проходи, – сказал он. – Чего разулыбался-то? Рад, что ли, что в войска попал?

– Ага, нам в охране молодое пополнение нужно, – оскалил зубы второй.

– Уж поверьте, парни, я лучше мешки в порту таскать буду, чем в охране служить, – припечатал им неплохо начавший разбираться после общения с Кигасом в таких делах Серёга, отчего оба резко улыбаться перестали.

Не оборачиваясь, он вошёл в просторный холл, где в углу вилась небольшая очередь. Он остановился прямо посреди, чтобы осмотреться. Прямо из холла вёл один коридор, вправо и влево – ещё по одному. Холл, судя по всему, был неким центром, с которого начинались пути в другие направления.

– Чего встал? – окликнул его другой охранник, стоявший у входа в широкий коридор слева, – Сдавай вещи в окно и проходи.

– В какое окно? – полюбопытствовал Серёга.

– Ты что, очередь не видишь? – буркнул охранник. – Туда и сдавай!

– Благодарю, – кивнул Серёга, и тут же одёрнул сам себя – кивок на Эмиадии не значил ровным счётом ничего. Надо было как-то отвыкнуть от вьёвшихся с детства на уровень рефлексов жестов. Опять же, не размышляя особо, пристроился в очередь, стал наблюдать за происходящим.

Стоявшие перед ним люди в очереди были одеты в гражданское. Судя по всему, это были те, кто решил поступить на службу, в основном парни моложе его, но были и две девушки. В Селлестии на службу можно было поступить с шестнадцати, из-за более продолжительных суток и года это было примерно семнадцать-восемнадцать лет по земному счислению. Одежда не сильно отличалась, но всё же были небольшие необычные черты. Если не обращать внимания на крючки вместо пуговиц и ремешки вместо шнуровки, то всё было тем же самым – и штаны на манер брюк без стрелок, и рубашки, и футболки. Серёга потихонечку привыкал, необычное теперь не так сильно привлекало его внимание, как раньше. Взять хотя бы стрижки – короткие волосы с выбритыми полосами, где-то параллельными, где-то косыми или вообще образующими сложные узоры.

Сейчас чуть необычно выглядел он – военная форма без всяких знаков различия, кроме одного – Селлестийского флага на рукавах, груди и спине. Сумку предстояло сдать в окно, где, видимо, располагался гардероб. Очередь двигалась быстро, когда дошло до Серёги, он без разговоров протянул сумку и получил в ответ какую-то непонятную карточку с четырьмя плоскими медными контактами на одной стороне – какой-то электронный ключ. Разговаривать он старался как можно меньше – всё-таки все вокруг сразу замечали его жуткий акцент. Вот читать и писать у него неплохо получалось – алфавит из двадцати трёх букв, написание слов почти в точности соответствовало их произношению за редкими исключениями. Чтобы наработать технику чтения и скоротать время в свободные не минуты даже, а местные кинсы, он брал в библиотеке «Пасгедаса» книги по географии, социологии, биологии. К книгам тоже привык не сразу – как перекидные блокнотики на Земле, те самые, «с пружинкой» наверху. До середины книги читаешь листы с одной стороны, потом переворачиваешь, и вторую середину читаешь уже со второй. Из книг он узнавал всё больше и больше о стране, где ему предстояло жить. Как ни крути, а это была чужая планета, и приходилось начинать её познание с самого начала.

Сунув номерок в просторный карман штанов и, сжимая в руке документы, он отправился следом за другими в тот самый коридор налево, где стоял охранник, с которым до этого и состоялась короткая беседа. Краем глаза он заметил, что девушек с ними нет – те свернули направо.

– Так, стоять всем и слушать меня, два раза повторять не буду, – сказал охранник, и все сгрудились вокруг него, – Идём по одному, заходим вот в этот кабинет – а для полных дебилов объясняю: кабинеты пронумерованы в том порядке, в котором их следует проходить. То есть один зашёл вот в этот кабинет, когда он выйдет и пойдёт во второй, следующий заходит в кабинет номер один. В девятом кабинете вам скажут, куда вам идти дальше. Вопросы есть? Нет? Тогда выстройтесь-ка в том порядке, в котором подходили сюда от окна сдачи вещей, и вперёд, как только из этого кабинета выйдет человек, всем ясно?

Выглянув из-за плеча какого-то парня, Серёга осмотрел коридор. Действительно, пронумерованные кабинеты, из одного в другой то и дело снуют такие же парни. Очередей в коридоре не было – видимо, процедура приёма и распределения новобранцев была давно идеально отточена и отшлифована, дабы не создавать сбоев или задержек.

Очередь двигалась быстро, и вскоре Дементьев тоже нырнул в первую дверь, а позади него уже выстроилась группа других вновь прибывших.

В кабинете было тихо, через окно светила утренняя Белува. Прямо посередине стоял стол, за которым восседали трое – мужчина и две молодые ещё женщины, на столе задней панелью к Серёге был виден монитор, принадлежавший, по-видимому, какому-то компьютеру. Мужчина, судя по знакам различия, носил звание дарсад, одна женщина – сиргуд, вторая – ривонек, то есть рядовой по земной аналогии. Уж что-что, а различать звания на «Пасгедасе» Дементьев научился быстро.

– Документы, – потребовал дарсад, который, похоже, был здесь за главного. Получив их из рук Дементьева, не глядя отдал два из них женщине за монитором, а остальные стал просматривать сам.

– Сергей Дементьев, – медленно произнёс он незнакомое имя и фамилию, – Странное имя.

– Странное, – без труда согласился Серёга.

– Не Селлестиец? – обратил внимание на акцент мужчина. Женщина – сиргуд что-то из Серёгиных документов быстро заносила в компьютер.

– Сколько себя помню, всегда был Селлестиец, – ответил Серёга. Дарсад сделал квадратные глаза.

– Поясните, – попросил он.

– А вы бумаги прочтите сначала. Там всё написано, – ровным голосом сказал Дементьев.

Тот опешил – видимо, не привык, чтобы новобранцы так себя вели. Но, тем не менее, бумаги всё же прочёл и только потом уже уточнил:

– Так, стало быть, ничего не помните?

– Ничего, – соврал, не моргнув глазом, Серёга, – Только имя помню.

– Что ж, понятно... – обернулся к сиргуду за компьютером, – Занесите это, пожалуйста, в документы, чтобы недоразумений не было в дальнейшем.

– Как занести? – спросила она

– Сделайте ниже таблицы биометрических показателей пометку... – пояснил дарсад и обернулся к Дементьеву: – Где хотели бы служить?

Серёга заколебался, не зная, что и ответить. Дарсад, решив помочь, подсказал:

– Может, бронепехота? Или десант? На корабли я бы вам не советовал, без образования там до высот не дослужитесь, только младший состав... В наземных войсках неплохо, почти все их базы расположены в крупных городах, в отличие от кораблей не будете в отрыве от цивилизации месяцами. Ну, решили?

– А в пилоты авиалётов мне можно? – спросил Серёга, про себя подумав, что откажут непременно, сославшись на отсутствие образования. Боевой пилот! Его давняя заветная – и, увы, несбыточная мечта...

– Ну почему же нельзя? – улыбнулся дарсад, – Если хотите, отправим вас в учебный центр крылатой авиации – если доктора, конечно, пропустят. Снова сиргуду: – Так и пометьте: крылатая авиация.

Та без лишних слов застучала по клавишам, потом пробежала глазами монитор и чётким щелчком отправила документ на печать. Под столом загудел и защёлкал принтер неизвестной Серёге системы, женщина – ривонек ловко выхватила бумагу, сделала маленьким валиком какие-то пометки на всех Серёгиных документах и протянула их Дементьеву через стол.

– Свободны, – сказал дарсад.

В следующем кабинете история была примерно та же самая. Врач в белом халате и ривонек за столом.

– Закатайте рукава по локоть и штанины по колено, – сказал он и принялся крепить на Серёге какие-то датчики. – Готово! Включайте!

Девушка щёлкнула по клавишам, и машина в углу на подставке загудела, заморгала огоньками.

– Глубокий вдох, – сказал врач и подсунил ко рту Серёги какую-то трубку со штекером и подсоединённым к нему проводом на конце, – Дуйте изо всех сил...

– Готово, – сказала девушка, после того, как Серёга израсходовал запас воздуха в лёгких, которые уже довольно хорошо очистились от смол табака и, к тому же, ещё и натренировались, пока привыкали дышать более густой атмосферой.

– Хорошо, – сказал врач, лицо которого по самые глаза было скрыто маской. – Теперь отожмитесь десять раз от пола, касаясь его подбородком.

Серёга без удивления принял упор лёжа – то, что отжимания как упражнение прижились на Эмиадии, он знал ещё со времён сидения в яме в Жингконе. Десять раз после ежедневных занятий тяжёлым физическим трудом показались для его мышц сущим пустяком. К тому же, сказывалась более низкая гравитация – Серёге его собственный вес казался меньше, нежели на земле.

– Встаньте, – сказал врач, переглянувшись с девушкой, – Теперь присядьте десять раз, а потом сразу же десять раз подтянитесь на турнике.

Серёга выполнил всё, что было сказано, и только тогда с него сняли датчики.

– Ну, друг мой, что могу вам сказать... К службе в сухопутных войсках вы непригодны абсолютно – выносливости у вас маловато. А вот лёгкие замечательно работают, сердце в полном порядке, организм кратковременные нагрузки переносит тоже отлично. Вы в какие войска хотите?

– Крылатая авиация.

– Вот туда вы вполне годитесь, – врач подал бумаги, – Не смею вас дольше задерживать.

– Благодарю, доктор, – сказал Серёга.

– За что? – удивился тот.

– Крылатая авиация – моя мечта.

– Что ж, рад, что смог помочь, – улыбнулся тот глазами, ибо губ Серёга не видел под маской.

В приподнятом настроении Дементьев направился дальше, в следующий кабинет, где его загнали в какую-то кабинку, в которой непонятное устройство принялось ездить вокруг его тела. Продолжалось это пару кинсов, после чего его выгнали, вручив в дополнение к его бумагам ещё три листка. В коридоре он не удержался от любопытства и заглянул в них. На двух листах был цветной снимок его тела, где одни области были красными, другие – зелёными, третьи – синими, а местами так и вообще смесью всех этих трёх цветов. Второй снимок был тем же самым, только в профиль.

Но очередь его, Дементьева, ждать не стала бы, и поэтому он нырнул в следующий кабинет.

И так один за другим – проверили рефлексy, отсканировали мозг, заставляя решать математические задачи и запоминать тексты. Проверили мышцы, нервную систему, быстроту реакции... В другом кабинете облепили датчиками голову и стали спрашивать:

– Высоты боитесь?

– Нет

– Тесных замкнутых пространств?

– Нет.

– Что, по-вашему, важнее – физическая сила или ум?

– Одинаково важны.

– Какой цвет любите?

– Зелёный.

– Испытываете ли сексуальное влечение к незнакомкам?

И ещё десятка два таких же вопросов. Наконец, когда всё закончилось, ему сказали:

– В девятый кабинет.

В девятом его встретили трое, точно так же сидевших за столом с компьютером, но на сей раз это был глайнес и два сатранда, все средних лет, и, на сей раз, все трое были мужчинами.

– Присаживайтесь, – сказал глайнес в центре.

Они поровну разделили Серегины бумаги и стали их изучать. Наконец, один, тот, что слева, сказал:

– По состоянию здоровья годен в экипажи кораблей, подразделения охраны, водители наземной техники, а так же пилоты малой и крылатой авиации.

– Образование отсутствует... Хм, а вот это интересно: постшоковая амнезия, плен в Жингконе. С плена и начинаются его воспоминания, – сказал второй.

– Повторение амнезии маловероятно. Скорее всего, сказала травма мозга и одновременный шок, – сказал первый, – Лично я причин для отвода по состоянию здоровья не вижу...

– Желает служить в крылатой авиации, – отозвался второй, тот, что справа.

– В таком случае ставим подтверждения, – наконец подал голос тот, что посредине, и двое других поставили какие-то пометки на документах Серёги, а сам он повернулся к Дементьеву: – Итак, Приёмно-Распределительная База Восточного Флота признаёт вас годным к службе на Восточном Флоте. В связи с этим мы предлагаем вам подписать контракт сроком на один либо три года. Если вы согласны, то подпишите внизу, напротив устраивающего вас срока – глайнес подал Серёге два машинописных листа бумаги и ручку.

Серёга ждал, что это будет обставлено как-то помпезно, официально – но ничего подобного, дарсад говорил эти слова самым, что ни на есть, равнодушным тоном. Поэтому Дементьев контракт взял и начал читать. Быстро пробегая текст глазами, он узнал, что право выбора места его службы остаётся за командованием. Что ему в течение трёх лет полагается полгода отпуска в общей сложности. Что ему обязаны предоставить четырёхразовое питание, денежное довольствие, обмундирование и снаряжение, место жительства площадью согласно его звания. Что в случае объявления войны контракт продлевается на срок до окончания боевых действий. Что он обязан беспрекословно выполнять общие и, в дополнение, соответствующие специальности кодексы воинской службы. Что контрактом разрешается и запрещается то и это, а при невыполнении им условий контракта в мирное время контракт будет разорван, а с него будет взята неустойка в размере денежного довольствия за полгода, и если на его персональном счету средств окажется недостаточно, он будет обязан отработать недостающую часть на военном производстве. В военное время невыполнение условий контракта наказывается принудительной отправкой на военные заводы либо ссылкой в Сектор Резервации, либо лишением статуса гражданина Селлестии, а в особо тяжких случаях – смертной казнью.

– Я согласен, – сказал Серёга и подписался напротив срока в три года на обоих листах.

– Этот экземпляр остаётся у вас, второй будет выслан командованию того подразделения, где вам предстоит проходить службу, – сказал глайнес, – Сейчас направитесь до конца коридора, подниметесь по лестнице, свернёте направо – там найдёте кабинет четырнадцать, где вас будет ожидать представитель Учебной Базы Крылатой Авиации. Предоставите ему остальные свои бумаги и контракт, если после собеседования он решит, что вы для них подходите, то отправитесь в крылатую авиацию. Если же нет, мы направим вас в те войска, где наблюдается недобор. На этом позвольте поздравить вас с поступлением на службу в Восточный Флот!

– Спасибо.

– Идите.

Серёга повернулся и направился к двери, прижимая к сердцу бумаги. Он сам ушам не верил – годен в крылатую авиацию! Мечта жизни была так близко, как никогда раньше. Оставался лишь один, последний порог на пути к ней – и он замер перед ним, пытаясь успокоить начавшее слишком уж сильно биться сердце. Потом резко вздохнул и шагнул навстречу судьбе – в четырнадцатый кабинет.

– Приятная встреча, – поздоровался он с сидевшим за столом пожилым уже человеком. Лицо его было обезображено шрамами от ожогов, на правой руке не хватало мизинца.

– Приятная, – сказал он хриплым голосом. – Присаживайся, успеешь ещё настояться.... Что, сынок, решил стать боевым пилотом?

– Да, вигенес, – безошибочно определил его звание по нашивкам Дементьев, подавая документы.

– Бумаги... – медленно произнёс тот, небрежно бросая их на стол, – эти штабисты, окончательно отупевшие в своих кабинетах, решили, что документами можно полностью описать человека. Да только чушь всё это, сынок, не бывает так, чтоб бумага за людей говорила... Вот ты мне их сунул – думаешь, я читать их стану, а? Ну, что молчишь? Отвечай: думаешь или нет?

– Думаю, да.

– Ошибаешься. Я и так знаю, что у тебя контракт подписан, что по здоровью ты нам подходишь – иначе здесь бы ты не сидел, верно? В крылатую авиацию отбор строгий, не всякий пройдёт. Многие проходят, но далеко не большинство. А знаешь, что в нашем деле главное?

– Что?

– Рефлексы. Умение выполнить правильное действие раньше, чем успеешь его осознать. Как сам думаешь, быстрые у тебя рефлексы?

– Не знаю.

– А ты в бумагах своих прочти, что врачи думают по этому поводу, – вигенес подал ему документ, ткнул пальцем в нужное место. – Ну, что там?

– Скорость рефлексов высокая, – прочёл Серёга, – При повторном срабатывании рефлекса наблюдается тенденция к увеличению скорости.

– А хочешь узнать, что я думаю по этому поводу? – спросил вигенес, пока Серёга читал. И едва пожилой представитель крылатой авиации закончил, Дементьев краем глаза уловил какое-то резкое движение в свою сторону. Инстинктивно он зажмурился, откинул голову – и в тот же миг ручка, которая до этого мирно лежала на столе у вигенеса, просвистела в воздухе в каком-то миллиметре от его лица.

– Я думаю, что рефлексы у тебя недостаточные, – сказал вигенес, как ни в чём ни бывало, – В боевой крылатой авиации надо успеть не только увернуться от угрозы, но и сделать так, чтобы она не возникла снова. То есть в нашем с тобой случае ты должен был бы ручку в воздухе поймать, а потом в меня её бросить, усёк? Принеси-ка ручку обратно, сынок, не мне ж за ней вставать, верно?

Серёга молча встал, положил документы и пошёл за ней, потом вернул и сел, глядя в глаза чудаковатому старикану.

– Ну, спросить что-то хочешь? – сказал тот, выдержав взгляд, – Так не молчи, время пожилого человека надо ценить..

– Так я вам подхожу или нет? – не вытерпел Серёга.

– Что, переживаешь, что откажу, потому что тест с ручкой ты не прошёл? – ухмыльнулся вигенес, в точности угадав мысли Дементьева, – Да ты не волнуйся, на моей памяти мало кто его проходил. Приходили такие вот, как ты, одни уворачивались, другим она в лоб попадала – таких я без вопросов отправлял в авиацию тяжёлую, типа бомбардировщиков – в средней им делать нечего. Потом вот такие, как ты, выходили из этого кабинета довольные, спустя какое-то время уже поднимались в воздух с палуб авианосцев... А потом я отвозил урны с прахом их родным. Если, конечно, было что отвозить, потому что чаще всего кремация происходит прямо в воздухе, в кабине авиалёта... Мда, и такое бывает, видишь ли. Средняя крылатая авиация, сынок, это третья группа смертности. Чаще всего гибнет десант. Потом идёт корабельная пехота. А сразу следом – пилоты. Так вот ты ещё раз подумай и реши – а стоит ли тебе к нам идти? Ведь повторяю —рефлексы у тебя пока недостаточно быстрые, а разовьёшь ты их или нет —этого никто не знает... Ну, так решил?

– Решил. Берёте? – ответил Дементьев.

– Беру, – ответил тот, – А знаешь почему? Да потому, что у тебя огонёк в глазах горит, когда мы об авиации толкуем. Смотрю я на огонёк этот и понимаю: своим отказом я тебе жизнь перечеркну... А этого я делать ну никак не намерен... Всё, вот документы твои, вот пометка, – вигенес что-то написал в листе контракта, – Топай до конца коридора, сегодня вечером отправишься на учёбу.

– Спасибо, вигенес! – от души поблагодарил Серёга.

– Посмотрим, что через три года скажешь, – хмыкнул тот, – Давай, топай уже отсюда...

Серёга развернулся и вышел, не веря своему счастью – принят. Принят! Принят на службу в среднюю крылатую авиацию!!!

«Блин, нет, не жалею, тысячу раз рад, что очутился здесь!» – в восторге подумал он, поблагодарив судьбу за то, что оказался на планете, где мечта так вот легко и сразу сбылась.

С этими радостными мыслями он вышел в коридор, уже уверенный, что все вопросы к нему, наконец, закончились.

Не тут-то было. Прямо у дверей, ведущих в зал, где такие же новобранцы ожидали отправки на учебные базы, его встретили двое в сером.

– Сергей Деменсес? – спросили первый, с каштановыми волосами и голубыми глазами, особенно яркими на фоне седины на висках.

– Дементьев, – машинально поправил Серёга.

– Вице-резидент Селлестийского Представительства Интернациональных Вооружённых Сил, старший агент Нияс Нинкоро. Вы можете называть меня «мастер Нинкоро». Со мной – мастер Ривалдэ. У меня к вам несколько вопросов.

– Послушайте, мастер, – выдохнул Дементьев, – Меня уже допрашивали. Разведка, Служба Безопасности – я рассказал всё, что знаю.

– У нас вопросы несколько иного характера. Мы не проверяем вас, скорее, вы могли бы помочь нам в одном важном деле. Пройдёте?

– Я не опоздаю на отправку на учебную базу?

– Нет, что вы, много времени это не займёт. Следуйте за мной.

Старший агент повернулся к Дементьеву спиной и зашагал дальше по коридору, к неприметной двери с номером «шестнадцать». Серёга, было, замешкался и посмотрел на спутника вице-резидента, «просто» агента, не сводившего с будущего пилота глаз. И было во взгляде этого «мастера» в сером что-то такое, чего не было в глазах Нинкоро. Взгляд этот словно проникал сквозь кости черепа – настолько он был... пронзительный?

Кабинет, куда они вошли, казалось, не использовался вовсе. Письменный стол, на котором не было никаких принадлежностей, пара стульев у стены, распахнутое окно – вот и вся обстановка. Но, несмотря на это, было на удивление чисто. Агент взял два стула, поставил между столом и окном. Стул напротив был предложен Дементьеву.

Когда все трое расположились, Нинкоро расположил на столе странное устройство сродни карманному компьютеру, и задал первый вопрос. Прямо, сходу.

– Откуда вы?

– Из ямы для рабов на острове Ситай, – сказал Серёга.

– Мы искали по нашей базе данных. Имени Сергей ни в одном из словарей имён не встречается. Тем не менее, вы твёрдо уверены, что вас зовут именно так. Нет ли здесь ошибки?

– Не знаю, возможно, и есть. Или словари неполные.

– Как вы попали в яму? – Нинкоро спрашивал мягко, даже – вкрадчиво. А второй, Ривалдэ, просто сидел и смотрел – и Дементьев уже даже не рисковал смотреть в его зелёные, чуть прищуренные, глаза.

– По голове ударили прикладом – очнулся уже там.

– А на острове Ситай вы откуда?

– Из ниоткуда, – про себя Дементьев решил давать ответы уклончивые. Что-то на уровне подсознания подсказало – тот, второй, с зелёными глазами – нечто вроде ходячего детектора лжи. Как и откуда пришло это понимание – тогда Серёга ещё не знал, и объяснить не мог. Но в том, что его проверяют, сомнений не было.

– Не бывает так, чтоб люди появлялись из ниоткуда, – возразил Нинкоро, – У вас, наверное, есть родной дом, город, в котором он находится, страна, в которой город расположен. Ваша фамилия семантически похожа на старые фамилии Андалии. Да и внешность соответствует. Вы оттуда, так?

– Нет. Нет на этой планете места, которое я мог бы вам назвать.

– Потому, что не помните?

– Потому, что не знаю, – ответил Дементьев, внутренне чувствуя, что ему удалось повернуть беседу в нужное для себя русло.

– Хорошо, спрошу иначе – кем вы были до того, как попали на Ситай?

– Никем.

– Не помните?

– Что-то помню. Но – никем.

– Вам случалось работать на Организации вроде нашей? Или на конкретного человека? Может, вы и сейчас выполняете задание?

– Нет, не случалось, – как же они утомили этими вопросами, – Мне *ничего* вам рассказать о своей жизни *до* ямы на Ситае. Понимаете? И, кажется, вы собирались говорить не об этом?

– Верно, но нам нужно убедиться, что вы тот, за кого себя выдаёте... Вы можете рассказать, что случилось на Генераторе Точки Скольжения на острове Ситай?

– Он сгорел. Видимо, при перестрелке группы глайнес Атаги с островитянами пулей зацепило. Я только знаю, что одна из построек рядом – приземистая, металлическая, как сплюснутый кубик – дымила и пахла гарью на всю округу. Если это и есть ваш Генератор, то он сгорел.

– Возможно. Откуда он там взялся, не знаете?

– Нет.

– Может быть, вы видели не совсем... обычных людей? Или какие-то необычные явления?

– Не припомню.

Нинкоро устало откинулся на спинку стула. Обменялся взглядами со своим спутником – тот на миг прикрыл глаза, словно давая понять, что увидел всё, что нужно.

– Не смеем вас больше задерживать, Сергей.

Дементьев немного удивился такому окончанию. Но выбора особо не было – встал, пожелал по местному обычаю благополучия и вышел обратно в коридор, который вывел его в просторный зал, сплошь заставленный сиденьями.

А Нинкоро, убедившись, что запись на его карманном компьютере успешно сохранилась, вопросительно посмотрел на интуита.

– Скрытный парень, – пояснил тот, – В части потери памяти – точно что-то скрывает. Возможно, лжёт.

– Возможно? – поднял брови Нинкоро.

– Или хорошо владеет ложью, но... Вице-резидент, я не уверен. Эмоции нетипичные. То есть, если лжет – не волнуется совершенно, словно всю жизнь этим занимался. Обычный человек совсем иначе переживает ложь. Здесь, скорее, не ложь, а именно скрытность. А вот по ключевым вопросам – он честен абсолютно. Реакция честного ответа у него как раз типовая, да и раздражение, что ему задают одни и те же вопросы, присутствует. Это именно характерно.

Ниас призадумался.

– Что ж, вполне, вполне... Можно сказать, что тут – тупик.

– Подождите, вице-резидент... Мы вот так его отпустим?

– А за что его задерживать? – возразил Нинкоро, – За сокрытие своего прошлого? К Падшим он не принадлежит, с Посвящёнными не встречался, да и насчёт Генератора – он ведь был честен?

– Да, вице-резидент.

– Тогда нам ничего не остаётся, кроме как взять парня на заметку на будущее. А пока – только пожелать ему благополучия в будущем. Идёмте. Надо перекусить, у меня уже в животе бурчит.

А Дементьев, тем временем, добрался до «зала ожидания», как он окрестил это место, едва войдя туда.

Там сидели другие новоприбывшие с документами в руках, судя по всему, здесь был некий зал ожидания, куда отправляли всех, прошедших комиссию и подписавших контракт. Недолго думая, Серёга прошёл ближе к середине зала, выбрал свободное место и плюхнулся на него. Хотелось спать – ночью от переживаний по поводу начала самостоятельной жизни на чужой планете уснуть так и не удалось, и теперь глаза сами собой закрывались. Откинув голову, он только было собрался подремать, как от дверей раздался окрик:

– Эй, парни, кто с десантом контракт подписал?

– Я подписал!

– И я в десант!

– Эгей, парни, давайте к нам, нас тут семеро в десантники!

Прошла переключка по залу, отдалась эхом в стенах, затихла... И снова:

– А на корабли кто?

– Я!

– Кто? Не вижу!

– Да здесь, я рукой машу, видишь?

– Эй, парни, идите сюда, тут корабельные! – окликнули их. По-видимому, новобранцы собирались вместе, распределяясь по войскам, куда их направили. Точно так же прошла переключка между сухопутными войсками, бронепехотой, корабельной пехотой – и замолкла, так и не докатившись до крылатой авиации.

«Да и чёрт с ним» – подумал Серёга, – «Раз никого нет, то можно хоть поспать маленько...»

Додумать не успел: кто-то не выдержал и тоже окликнул зал:

– Авиация есть? – выкрикнул кто-то из задних рядов.

– Тебе которую надо? – отозвался кто-то, – Малую?

– Нет, среднюю!

– Тогда извини, я на птицелёты направлен.

– Эй, я на авиалёты! – крикнул парень, сидевший в том же ряду, что и Серёга.

– И я! – отозвались где-то спереди.

Серёга, заинтересовавшись, открыл глаза.

– Давайте сюда, парни, я тоже на авиалёты! – крикнул он, помахав рукой.

Трое его будущих сослуживцев поднялись и двинулись к нему из разных концов зала. Один, сидевший в том же ряду, что и Дементьев, подошёл первым.

Был он чуть ниже Серёги, зато пошире в плечах. Острый подбородок, широкие скулы, каштановые волосы, лежащие аккуратной прямой чёлкой на лбу, карие глаза.

– Приятная встреча! – поздоровался он, – Меня зовут Тамис. Тамис Шаджоу.

– Сергей Дементьев.

– Странное имя, – улыбнулся тот, – Давно здесь?

– Только что пришёл, – сказал Дементьев.

– А я с самого открытия Базы торчу, – сообщил Тамис. – Прилетел из Тентаро на рассвете.

– Приятная встреча! – поздоровался с ними ещё один будущий пилот, подойдя. Серёга и Тамис обернулись к нему. Крепкий парень с округлым лицом и ёжиком светлых волос, на вид – ровесник Дементьева. Голубые глаза излучают добродушие.

– Присаживайся! – предложил Тамис, – Тебя как по имени?

– Ферул Ксинбро.

– Меня звать Тамис.
– Серёга, – представился Дементьев.
– Странное у тебя имя, – удивился Ферул, – Ты откуда родом?
– Не помню, – ответил Серёга. Кто бы знал, как надоели эти вопросы...
– Как это? – удивился Тамис
– А вот так. Как это называется, если верить врачам – потеря памяти вследствие сильного шока, – пояснил Серёга.
– Амнезия? – спросил Ферул, – И что ж за шок у тебя такой приключился?
– Не помню, – ответил Дементьев. – Пришёл в себя в Жингконе, в плену... А ты откуда? – сменил он напряжённую для него тему.
– Из деревни под Неранисом. Вряд ли вы слышали.
– Славный день, парни! – поздоровался четвёртый, наконец добравшись до них. – Что, давайте знакомиться? Меня звать Дерас Каринеш.
– Тамис Шаджоу.
– Ферул Ксинбро.
– Серёга Дементьев.
– Значит, вместе служить будем? – уточнил Каринеш, – Кто откуда прилетел?
– Я из Тентаро, – сказал Тамис, – Ферул из Нераниса, а вот Серёга не помнит, откуда, он память потерял, пришёл в себя в Жингконе.
– А здесь как оказался? – спросил Ксинбро.
– Из плена нас вытащили ребята с «Пасгедаса». Вот оттуда меня и доставили.
– «Пасгедас» – это, по-моему, крейсер Восточного Флота? – спросил Каринеш.
– Да, – ответил Серёга, зевая во весь рот, – Давайте не будем про Жингкон и Восточный Флот, хорошо? А то мне уже надоело отвечать на одни и те же вопросы.
Трое его новых знакомых не нашли, что сказать.
Разговор как-то сам собой утих, и Дементьев откинул голову назад, закрыл глаза и стал проваливаться в сон.

*Архипелаг Жингкон,
район острова Ситай,
примерно в это же время*

Глиссер с опознавательными знаками Интернациональных Вооружённых Сил скользил у самой воды в лучах восходящего солнца, игравшего бликами на волнах внизу и скошенных назад стёклах рулевой рубки. Небо прямо над ним нависло низко, свинцово-серыми тучами, и чёрный окрас поглощающего радиоволны покрытия делал летящую машину заметной для каждого любопытного глаза, что мог бы сейчас оглядывать еле-еле освещённый западный горизонт.

Впрочем, по всему было видно, что проложивший курс штурман как раз этого и не опасался: аппарат выбрал пусть и не самый близкий, но зато самый скрытный маршрут движения. Обычно Договорную Зону корабли из Немвала, Королевства или далёких отсюда Андалии и Сименелии пересекали по совсем другому пути. Выходя из межконтинентальной Точки Скольжения в Лангесе, спускались над морем к югу, вдоль восточного побережья Селлестии, мимо острова Тихуес, к Керайским островам, чтобы там ещё раз прыгнуть в обход беспокойного Архипелага.

Но глиссер свернул от Лангеса в сторону Вивии, словно направлялся туда; а уже позже, когда основные торговые пути остались в стороне, резко сменил курс и теперь пересекал Договорную Зону, держа курс на остров Ситай. На каком-нибудь другом корабле такие манёвры потребовали бы немалых расходов топлива и времени, не считая попутных трат на ту же еду и воду для экипажа. Но!

Главным преимуществом глиссера было сочетание технических достоинств как воздухоплавания, так и воздухолетания. Катамаранная компоновка – спереди и по бокам расположены дирижабли- «поплавки», над ними на конструкции выгнутой кверху и скошенной назад дугой несущего крыла располагается основной корпус. По бокам, прямо по центру масс, на подвеске с двумя осями свободного движения, дуют пламенем турбины. Крыло создаёт до трети подъёмной силы летательного аппарата. Поднялся такой корабль на реактивной тяге направленных вниз сопел от земли, постепенно перешёл в горизонтальный полёт – или, как говорили пилоты – «встал на крыло», и помчался дальше.

Отсюда – хорошая скорость при довольно компактных размерах и неплохой грузоподъёмности. Если надо, то можно оторваться практически от любого боевого корабля, а при необходимости – то на борту есть и противокорабельные торпеды, у которых есть своя плавучесть, и потому они ничего не весят, и два пулемёта ближней обороны, и даже ракеты среднего радиуса.

Словом, кораблик хоть и небольшой, зато быстрый и грозный: да и в режиме обычного полёта им вполне мог управлять даже один человек, а для полноценного боя требовалось всего пятеро – и это при восьми штатных местах расчётного экипажа.

Словом, корабль задумывался именно для выполнения самых разных задач, даже удобства на нём предусмотрены: шесть одноместных кают, плюс две четырёхместных. А в коридоре по дороге к машинному отсеку, в корме, душ и бортовой опреснитель на тот случай, когда помыться надо, а под днищем вода только морская. По центру основного отсека находится просторный общий зал со столом, который можно использовать как для обеда, так и в качестве интерактивной тактической карты. С носовой стороны этого зала – ходовая рубка, с кормы по бортовым сторонам, слева и справа от входа в пассажирские каюты, расположены душевая с прачечной и камбуз.

Там закончил греметь посудой андалиец Лилмел Юньядо – среднего роста и телосложения, в расцвете лет чуть смуглый подтянутый мужчина с прямыми коротко подстриженными коричневого цвета волосами и зелёными глазами, посаженными немного высоко на лице овального типа. Сегодня его очередь дежурить по кухне, и, заодно, по тарелкам, оставшимся после обеда группы. Закончил, вышел, потирая не до конца высушенные полотенцем руки, с довольным видом огляделся и даже немного призадумался, куда бы присесть. Лилмел спешить не любил сам и спешки от других не терпел – словно взвешивал по какой-то старой привычке чуть ли не каждый шаг и каждый жест.

Обед, надо было признать, был вполне бесхитростным – из консервных банок достали и разогрели на плите длинные и тонкие ростки лепос, вьющегося растения, что выращивали в промышленных масштабах в Вивии, для хранения залитые соком тиллис – крупных кислосладких ягод с пряным привкусом. Да из холодильника достали да протушили на водяной бане шарики из рубленого мяса, обваленные в сухарях. Так что, можно сказать, Лилмел особо на своём дежурстве не напрягался.

У окон левого борта, оторвавшись от наблюдения за проплывающим пейзажем показавшихся вдалеке небольших скалистых и безжизненных островков, на Лилмела взглянула сидящая там Аниала Каэми: спортивного телосложения и невысокого роста коротко подстриженная рыжая бестия, импульсивная и порывистая во всём: в словах, в поступках, в действиях. Наверное, именно поэтому в боевом расписании именно Лилмел отвечал за пульт управления дальнобойными торпедами, а Аниала – за ближний бой. В слаженной группе, которой были эти пятеро на борту, у каждого были свои обязанности, вытекающие из способностей и полученной специальности.

Иначе и быть не могло в Храме Познания, на который они все работали.

По всему виду Каэми видно было, что она просто откровенно скучает и с нетерпением ждёт, когда же начнётся настоящее дело – даже постукивает время от времени по синему пластику переборки.

– Почти подлетели! – донеслось из ходовой рубки. Тигнем Мектаро, высокий крепыш едва за сорок со светлыми волосами и голубыми, даже почти серыми, глазами – родом из Селлестии, и светлый цвет кожи выдавал в нём наследственность самых южных, живущих поближе к полярным морям, народов. Этот – образец спокойствия и невозмутимости всегда и во всём, что бы там вокруг не происходило, но за внешней выдержкой скрывались какие-то внутренняя сила и уверенность, ощущавшиеся во всём, что тот делал или говорил.

– Через десять кинсов инструктаж! – второй голос из рубки. Данаис Эмаладэ, старший оперативник в группе, со светло-каштановыми волосами, зачёсанными назад меж коротко выбритых висков. Правда, волосам такая укладка явно не нравилась – так и пытались встать, образуя нечто вроде причудливой шапочки. Лидера в нём почти ничего не выдавало: моложе Тигнема и Лилмела, сложен спортивно, но в драке, скорее, сторонние люди поставили бы на Юньядо или Мектаро. Единственное, что отличало его от остальных оперативников – не по годам пронизательный и осмысленный взгляд, и, беседуя с ним, почти у каждого возникало ощущение, словно тебя изучают, высматривают в тебе что-то.

– Датчики корпуса фиксируют радар, – сообщает Тигнем, и его голос еле слышен из-за переборки.

– Я подавлю, – отвечает Данаис.

– Давай лучше ты – за штурвал, а за подавление – я, – предлагает Мектаро, и Эмаладэ молча соглашается: в конце концов, за радиоэлектронику и электротехнику в команде отвечает селлестиец.

Лилмел, постояв и окинув взглядом центральное помещение, словно впервые увидев ту безвкусную отделку стен, что была свойственна подобным кораблям – негорючий пластик, выпускавшийся почему-то только в трёх цветах: белом, синем и зелёном – наконец, решил присесть.

Обогнув столик, плюхнулся на небольшой диван рядом с пятой участницей экипажа, присоединившейся к группе недавно, чуть больше года назад, молодой девушке лет двадцати трёх.

– Лучше отсыдь, – сразу честно предупредила Ниан Мислэги.

Пристальный взгляд тёмно-коричневых, почти чёрных, глаз, приподнятых над обложкой старомодной книжки «раскладушки», почти вышедшего из употребления формата. Сейчас гораздо чаще издают удобные перекидные издания, с пружинкой наверху: сиди себе и перекидывай страницы, пока не дойдёшь до середины издания. А как дошёл – просто перевернул и читай себе листы с обратной стороны, пока снова не дойдёшь до корочки. Удобно! И в печати гораздо дешевле, опять же...

Но не столько книжка смутила андалийца, сколько вот эта закрытая поза: лицо спрятано за обложкой, виски и скулы – за упавшими на длинными прямыми чёрными волосами. Так сразу и не прочесть, что за эмоции на лице написаны – впрочем, как обычно.

– Такая грустная книжка? – спросил Юньядо, мгновенно помрачнев.

– Книга красивая. Концовка грустная. Хочешь, дам прочесть, м? – вскинула бровь Мислэги.

Вместо ответа Лилмел попытался протянуть руку, стремясь взять Ниан за ладонь, но вместо встречного жеста лишь получил шлепок по руке – злой, даже жёсткий.

– Пожалуй, я и вправду отсыду, – буркнул он себе под нос.

– Пора бы запомнить, что наша Чёрная никого к себе не подпускает, – подала голос Аниала.

– Да уж, компания мне тут подобралась, – крикнул Лилмел, – К одной не подойди, другой что-нибудь не то попробуй сказать...

И, изобразив недовольную мину, уселся в дальний правый угол.

– А ты ждал приятной женской компании? – уточнила рыжая.

– Я уж не говорю о «приятной». А хотя бы просто о какой-то!

Аниала ему подмигнула, и Юньядо не сдержал улыбки, словно остался доволен разыгранной сценкой, которая хоть немного, но сделала атмосферу теплее.

Тем временем из рубки показались Тигнем и Данаис.

– А кто штурвалит? Автопилот? – на всякий уточнила Каэми.

– Кинсов десять порулит, ничего не случится. Если что – Лилмел?

– Как всегда, – ответил тот Данаису.

– Хорошо... Тигнем, присядь, начнём, – Эмаладэ подождал, когда все обратят на него внимание, и, облокотившись о стол, начал вводную:

– Жингкон непонятным образом построил Генератор Точки Скольжения на острове Ситай.

Тут требовалось выдержать паузу для осознания оперативниками этой информации. Тигнем фыркнул от неожиданности, Аниала слегка приоткрыла рот, словно собиралась что-то сказать, но передумала; Мислеги вскинула бровь.

– Жингкон? Генератор? Кто угоден на территории островов, только не сами, – вставил Юньядо, – Но... Разве это наша забота?

Эмаладэ вскинул руку в знак того, что собирается продолжать и снова взял слово.

– Возле Генератора располагалась военная база, где в плену содержались двое селлестийцев. Интерсила проверила обоих: один – командир подразделения десанта, второй – гражданский, со странной амнезией, но... Собирается отправиться на прохождение комиссии по пригодности к службе в войсках. Интерсила его проверила: на засланного разведчика не похож, связь с Падшими не подтвердилась. Данных, как понимаете, мало – но эти двое нас не интересуют... пока. Важно, что они попали в плен сразу после атаки этих самих десантников на Генератор. На момент атаки Селлестийцы о Генераторе не знали, поэтому командир, увидев его, отдал своим людям приказ атаковать. Как раз на момент атаки и пришёлся скачок в энергетическом поле планеты и попытка Аномалии вырваться за Барьер. Насколько известно, никогда никакие повреждения Генераторов такого не вызывали, а, значит, заниматься разработкой этих двоих бессмысленно. Известно, что в момент атаки секретно высаженная группа попала в ловушку и была уничтожена. Дальше случилось вот что: Селлестийцам стало известно о том, что Жингкон стал использовать Договорную Зону как путь для ухода пиратских кораблей от преследования. Командованием Селлестии было решено отправить в район Договорной Зоны авианесущий крейсер «Пасгедас».

Отправка крейсера была рассчитана на то, чтобы он встретился с одним из захваченных Жингконцами транспортов. Расчёт был таков, что крейсер обязательно откроет огонь по нему, а транспорт вступит в бой и вызовет подмогу. Тогда с палубы находящегося к югу авианосца «Нименгадо» взлетели бы пикирующие бомбардировщики, которые уничтожили бы корабли Жингкона сразу, как те вошли бы в Договорную Зону. Но командир крейсера, естественно, об этом не должен был знать, иначе план бы не сработал. Единственное, чего не ждали сами Селлестийцы – это того, что командир сам нарушит нейтралитет Зоны, и уж конечно никак не знали они, что на острове стоит Генератор. В результате «Пасгедас» вступил в бой и уничтожил его, тем самым создав самую напряжённую ситуацию за всё время существования Договорной Зоны между Селлестией и Жингконом. Так что исследовать придётся уже обломки Генератора и без опроса свидетелей – те, кого не похоронил своим обстрелом крейсер, разбежались уже по всему архипелагу. Наша задача – сбор информации. Во-первых, необходимо узнать, каким образом здесь взялся Генератор. Во-вторых, узнать, не стоит ли за этими событиями третья

сторона. Ну и последнее: узнать, что же такое произошло здесь, что вызвало возмущение во всём поле планеты. Поиски начнём, естественно, с острова Ситай. Так что если у кого есть вопросы: задавайте сейчас.

– Лично мне всё ясно, – заявила Аниала, – Пока не узнаем, какие следы остались, поиск не начнётся!

– Не терпится? – спросил Тигнем суровым голосом, – А я вот думаю, что нельзя приступать к поиску следов, не определившись, какие именно следы мы ищем. Будем искать нечто из ряда вон выходящее и необычное? Или же, наоборот, постараемся понять, что привело к тому, что обстоятельства сложились именно так?

– Будем искать всё! – подытожил Лилмел.

– Лишнее время потратим, – возразил Тигнем. – Ведь ищем мы именно следы, а они имеют свойство не только остывать, но и становиться длиннее и запутаннее с каждым лейсом.

– Ничего не поделаешь, – сказал Эмаладэ, – Исходных версий пока нет, выработаем их по мере обследования места происшествия.

– Ясно, – отозвался Тигнем.

– А мне вот не ясно, – сказала Ниан, окинув всех взглядом исподлобья и задержавшись на Тигнеме.

– Что не ясно, Ниан? – спросил Эмаладэ.

– Что? —вскинула бровь Ниан и откинулась на спинку сиденья, – Хм... С чего бы начать? Пожалуй, продолжу мысль Тигнема: итак, следы имеют свойство запутываться, остывать, удлиняться ну или вообще исчезать со временем, так? Отсюда проистекает следующая мысль: почему же нас не отправили сюда сразу же, когда было зафиксировано возмущение в планетарном поле, м? Почему именно сейчас? Попробуем разобраться. Значит, если не сразу, то, видимо, не хватало исходных данных тогда и они только сейчас появились. Либо тогда, когда это случилось, это не показалось никому важным. Возьмём тогда новые данные. Генератор. Да ещё и уничтоженный. Уничтоженный не одну неделю назад, заметьте... Но мы опять же отправляемся не сразу после его уничтожения, а сейчас. Стало быть, информация об уничтожении Генератора тоже столь важной никому не показалась. Значит, помимо данных о Генераторе появилось ещё что-то. Что-то более позднее и не менее важное, так? Но мы об этом не знаем. Либо это настолько важно, что от нас это скрывают, либо ничего такого не случилось на самом деле. Тогда мы получаем три варианта. Первый: если скрывают, то рассчитывают, что мы натолкнёмся на это сами и подтвердим эту скрытую по непонятным причинам информацию. Второй: наши поиски изначально, по определению направлены на провал или ложный след. Ведь если нас не отправили немедленно, то значит, не очень-то и нужно обнаруживать причину этого возмущения. И наконец, третий вариант: Данаис либо забыл нам сообщить, либо не должен нам сообщать что-то ещё. Так вот мне очень хотелось бы знать, с каким из вариантов мы имеем дело. Потому что если это вариант второй, то лично я в поисках участвовать никакого желания не испытываю, ибо не вижу смысла искать ложные либо ведущие в тупик следы... Ну, Данаис, не прольешь свет на ситуацию, м?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.